Е. А. Тюгашев

Исторический материализм

Е. А. Тюгашев

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Учебное пособие для марксистских кружков
(базовый уровень)

Чебоксары
Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»
2023

УДК 1+930.1(091)
ББК 87.3я73
Т98

Автор:

Тюгашев Евгений Александрович – д-р филос. наук, доцент

Т98 **Тюгашев Е. А.**
Исторический материализм : учебное пособие для марксистских кружков (базовый уровень) / Е. А. Тюгашев. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2023. – 336 с.

В учебном пособии рассматриваются основные темы исторического материализма – социальной философии и философии истории марксизма. Книгу отличает опора на сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. Массив высказываний основоположников исторического материализма определил содержание и оригинальную структуру учебного пособия. Учтены более поздние концептуализации, выдвинутые в марксистской мысли.

Учебное пособие предназначено для слушателей марксистских кружков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Мы открывали Маркса каждый том…

В.В. Маяковский

Результаты деятельности советских философов по разработке исторического материализма были подведены в коллективном труде «Марксистско-ленинская теория исторического процесса»[1]. В читательском адресе издания говорится, что «в монографии раскрывается значение исторического материализма как общей теории исторического процесса, единой системы развивающегося социально-философского и общесоциологического знания»[2].

Замысел работы оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, налицо позиционирование исторического материализма как теоретического уровня исторической науки (или философии истории). С другой стороны, подчеркивается его социально-философская и философско-социологическая интерпретация[3]. Данную двойственность Ю.К. Плетников мотивировал тем, что «слово «исторический» трактуется в труде в смысле «общественный», а исторический процесс рассматривается как процесс развития общества»[4]. Едва ли предложенное объяснение можно счесть удовлетворительным в свете общенаучного требования точности терминологии.

Кроме того, обозначено размежевание социально-философского и философско-социологического знания. Ситуация предметно-дисциплинарной дивергенции разрешилась диалектическим

---

[1] Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., 1981; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М., 1983; Марксистско-ленинская теория исторического процесса: Исторический процесс: диалектика современной эпохи. М., 1987.

[2] Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс… С. 22.

[3] Указанная неопределенность в предметно-дисциплинарном позиционировании исторического материализма присутствовала в марксистской литературе конца XIX века. См.: Исторический материализм: Дискуссии, размышления, философские проблемы / пер. и сост. С. Бронштейна (Семковского). М., 2011.

[4] Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс... С. 2.

снятием («положительным упразднением») исторического материализма. Ведущие отечественные специалисты в области исторического материализма расширили мировоззренческий горизонт и перешли к разработке социальной философии и философии истории[5].

В настоящее время интерес к историческому материализму сохраняется[6]. В связи с появлением различных экспликаций исторического материализма[7] актуализируется задача аутентичного представления содержания исторического материализма на основе систематизации всего массива высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса.

По оценке Ф. Меринга, «исторический материализм составляет основную задачу всей жизни Маркса и Энгельса; на этой основе покоятся все их произведения»[8]. Ф. Энгельс разъяснял, что термин «исторический материализм» обозначает взгляд «на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда разделении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой»[9]. Данный взгляд первона-

---

[5] См., например: *Барулин В.С.* Исторический материализм: Современные тенденции развития. М., 1986; *Барулин В.С.* Социальная философия: учеб. для вузов. В 2 ч. М., 1993.

Момджян К.Х. Категории исторического материализма: системность, развитие. М., 1986; Социальная философия и философия истории. Учебное пособие / под ред. К.Х. Момджяна. М., 2019.

Семенов Ю.И. Курс лекций по социальной философии. М., 2003; *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса. М., 2013.

[6] *Lorimer D.* Fundamentals of Historical Materialism: The Marxist View of History and Politics. Aakar Books, 2006; Historical Materialism Book Series. Brill, 2016.

[7] Non-Marxian Historical Materialism: Reconstructions and Comparisons. Leiden – Boston, 2022.

[8] *Меринг Ф.* Исторический материализм // Меринг Ф. На страже марксизма. М., 2011. С. 20.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 306.

чально обозначался как материалистическое понимание (восприятие, концепция) истории[10] и противопоставлялся, с одной стороны, идеалистическому пониманию истории[11], а с другой стороны – натуралистическому пониманию истории[12].

По свидетельству Ф. Энгельса, материалистическое понимание истории открыл К. Маркс, а позже, вторично и независимо от него – американский антрополог Л.Г. Морган: «Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс»[13]. По оценке Ф. Энгельса, французские и английские историки первой половины XIX века вполне приблизились к этому открытию. Возможно, что американец Дж. Кеннан, путешествовавший в 1865–1866 годах по Сибири, «открыл по-своему исторический материализм исключительно благодаря своей проницательности и здравому уму, не имея еще никакого представления о Марксе и Энгельсе или даже о своем соотечественнике Моргане»[14].

В.И. Ленин видел в историческом материализме «одно из применений и развитий гениальных идей – зерен, в зародыше имеющихся у Гегеля»[15]. Действительно, как подчеркивал Ф. Энгельс, значение диалектической философии Г.В.Ф. Гегеля состояло в формировании такого представления: «История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; совершенное

---

[10] Ф. Энгельс писал также о «марксовой теории истории» (см. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 109).

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 37.

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 545.

[13] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 25.
Интересно замечание К. Каутского: «Энгельс слишком низко оценивает здесь свое собственное участие в выработке теории исторического материализма. Он пришел к нему одновременно и независимо от Маркса. Маркс лишь первый ясно формулировал его» (*Каутский К.* Материалистическое понимание истории. Т. II. Государство и развитие человечества. М. – Л., 1931. С. 2).

[14] *Меринг Ф.* Исторический материализм. С. 74.

[15] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 29. С. 172.

общество, совершенное «государство», это – вещи, которые могут существовать только в фантазии. Напротив, все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей. Каждая ступень необходима и, таким образом, имеет свое оправдание для того времени и для тех условий, которым она обязана своим происхождением. Но она становится непрочной и лишается своего оправдания перед лицом новых, более высоких условий, постепенно развивающихся в ее собственных недрах»[16].

В.И. Ленин видел в историческом материализме «поразительно цельную и стройную научную теорию»[17]. Правда, Ф. Энгельс, говоря об этой «теории», определял только одно ее основное положение: «…Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали»[18].

Разумеется, можно выделить еще ряд таких положений. Например, указание на то, что материалистическое понимание истории «объясняет не практику из идей, а объясняет идейные образования из материальной практики»[19]. В целом исторический материализм если и является теорией, то на уровне «взгляда», конкретизированного в ряде идей, обладающих определенной эвристикой[20].

Например, К. Маркс так излагал суть своего учения: «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов – словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 275–276.
[17] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1973. Т. 23. С. 44.
[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 394.
[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 37.
[20] О существовании и восприятии исторического материализма на уровне отдельных идей см.: *Гринин Л.Е.* Исторический материализм: есть ли будущее у концепции? // Восточно-Европейский научный вестник. 2016. №4.

гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества»[21]. Таким образом, общество характеризовалось прежде всего материалистически и в аспекте развития. Поэтому в первом разделе учебного пособия излагается диалектико-материалистическое понимание общества.

Материалистическое понимание истории предлагалось использовать как руководство к изучению истории: «Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения»[22]. Исходя из этого, во втором разделе учебного пособия представлены интерпретации всемирно-исторического процесса, вытекающие из материалистического понимания истории.

Это учебное пособие не является оригинальным авторским курсом, а представляет собой авторскую систематизацию взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к области исторического материализма. Аналогичным образом в виде учебного пособия может быть изложена социальная философия и философия истории любого философского течения (позитивизма, экзистенциализма и др.).

Тематизация содержания исторического материализма в предлагаемом учебном пособии определялась на основе критериев: а) относимости конкретного вопроса к предметно-дисциплинарной области исторического материализма; б) достаточности корпуса высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса по данному вопросу; в) комплексированию значимых положений в тематические блоки. На основе реализации данных критериев в учебное пособие не включены традиционные для советских курсов исторического материализма темы по характеристике исторического материализма как науки, по описанию отдельных сфер общественной жизни и отдельных форм общественного сознания, о социальной революции,

---

[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 402.
[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 371.

капитализме, социализме и коммунизме[23]. Включен ряд нетрадиционных тем, актуализированных неомарксизмом (отчуждение, ирония истории, общество спектакля и др.). Уточнены некоторые термины («общественная формация», «общественные классы»).

В настоящее время в России исторический материализм изучают очно или дистанционно в марксистских кружках[24]. В учебном пособии исторический материализм изложен на базовом уровне, для освоения которого слушателям достаточно знакомства со школьными курсами обществознания и истории. Начальный уровень – «for Dummies» – подразумевал бы меньшее количество глав и минимум приводимых цитат. Продвинутый уровень изложения мог бы включать информацию о дискуссиях среди марксистов по различным проблемам исторического материализма. На экспертном уровне возможны обобщение и критическая оценка идей исторического материализма в контексте развития социальной философии и философии истории.

[23] В качестве одной из тенденций развития исторического материализма отмечалось следующее: «Более четкое конституирование теории научного коммунизма, развитие комплекса социологических дисциплин, более обобщенный анализ специфических областей общественной жизни, например политических, социальных, юридических и других отношений и явлений в обществе, привели к тому, что из исторического материализма «ушли» многие темы, касающиеся специфических моментов развития современного общества» (*Барулин В.С.* Исторический материализм: Современные тенденции развития. С. 267).

[24] *Тюгашев Е.А., Тюгашев И.Е.* Популяризация основ марксизма в цифровой среде: опыт «Вектора» // От идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде: сборник научных трудов Всероссийской научной конференции / отв. ред. В.В. Петров. Новосибирск, 2021.

РАЗДЕЛ I. ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ОБЩЕСТВА

Глава 1. ОБЩЕСТВО

1.1. Социальная форма движения материи

Исторический материализм – это философия «партии движения»[25]. Для него в истории человечества, как и в истории природы, «ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает»[26], все «движется в вечном потоке и круговороте»[27]. В многоуровневой иерархии форм движения материи – низших и высших, простых и сложных, главных и подчиненных, основных и побочных форм движения – в качестве одного из уровней выделяют социальную форму движения материи[28].

Человеческое общество – это эмпирический выделяемый объект, который на теоретическом уровне познания может концептуализироваться и структурироваться по-разному. Движение общества К. Маркс и Ф. Энгельс описывали как общественное (социальное) движение. Его частными и конкретными формами являются практические и духовные движения, движение производства, экономическое движение (движение промышленного рынка и т. п.) и политическое движение (движение государственной власти, движение оппозиции, различные партийные движения), движения различных общественных классов (крестьянское движение, мелкобуржуазное движение, движение буржуа, рабочее движение), историческое движение и его региональные формы (европейское движение, английское движение, германское движение, ирландское движение, польское движение и др.), национальное движение, революционное движение и контрреволюционное движение, прогрессивное движение и реакционное движение, теоретическое движение и

---

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 439.
[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 20.
[27] Там же.
[28] По Ш. Фурье, «теория социального движения должна определять порядок и последовательность различных социальных механизмов, которые могут сложиться на всех планетах и охватывать прошлое, настоящее и будущее» (*Фурье Ш.* Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия. М., 2017. С. 58–59).

т. п. Все формы социального движения переходят друг в друга, обусловливают взаимно друг друга, являются то причиной, то следствием.

Как и в природе, социальные движения осуществляются вследствие постоянной борьбы противоположностей, переходящих друг в друга и в более высокие или низкие формы движения. Особенно наглядно движение путем противоположностей выступает в критические моменты истории: «В подобные моменты у народа есть выбор только между двумя полюсами дилеммы: «или – или»…»[29]. Так, либеральный немецкий филистер в 1849 году внезапно и неожиданно очутился перед вопросом: «либо возвращение к старой реакции в еще более свирепой форме, либо продолжение революции до республики, – может быть, даже до единой и неделимой республики с социализмом на заднем плане»[30]. Французская буржуазия выбрала в 1851 году не социально-демократическую республику, а эксплуатацию Франции шайкой прохвостов, чтобы под ее охраной продолжать эксплуатировать рабочих[31].

Социальная форма движения состоит из отдельных движений конкретных общественных тел – общественных организмов (люди, общины, племена, народы и государства, различные организации) и общественных вещей (предметы потребления, средства производства и средства насилия, знаковые системы). Общественные тела, находящиеся во взаимной связи между собой, составляют субстрат (материал) социального движения, то есть комплекс получивших специфическую организацию низших и более простых форм движения материи. Через свой природный субстрат общество включено в окружающую ее природную среду.

В социальной форме движения материи за известным движением следует другое движение, одна форма движения развивается из другой. Различные частные формы социального движения развиваются по своим собственным законам и по определенным законам переходят друг в друга, в иные формы движения. Динамика низшей и более простой формы социального определяет условия

[29] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 527.

[30] Там же.

[31] Там же.

существования и темп развития более высокой формы, но последняя, переходя в низшую форму движения, положительно или отрицательно влияет на ее динамику: «Но как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле слова, она следует своему собственному движению, над которым в общем и целом главенствует движение производства, но которое отдельных частностях и внутри этой общей зависимости следует опять-таки своим собственным законам, присущим природе этого нового фактора. Это движение имеет свои собственные фазы и, в свою очередь, оказывает обратное действие на движение производства»[32].

Аналогично на денежном рынке: «Как только торговля деньгами отделяется от торговли товарами, она приобретает – при известных условиях, определяемых производством и торговлей товарами, и в этих пределах – свое собственное развитие, имеет особые законы и фазы, которые определяются ее собственной природой. Когда же вдобавок к этому торговля деньгами в своем дальнейшем развитии расширяется до торговли ценными бумагами – причем эти ценные бумаги состоят не только из государственных бумаг, но к ним присоединяются и акции промышленных и транспортных предприятий, и торговля деньгами завоевывает, таким образом, прямое господство над частью производства, и которое в общем и целом господствует над нею, – тогда обратное действие торговли деньгами на производство становится еще сильнее и сложнее. Торговцы деньгами являются собственниками железных дорог, шахт, металлургических заводов и т. д. Эти средства производства приобретают двоякий характер: их работа должна приспособляться то к интересам непосредственного производства, то к потребностям акционеров, поскольку они же являются банкирами»[33].

Торговля товарами и торговля деньгами – это новая самостоятельная сила. В общем и целом она «должна следовать за движением производства, но она, в свою очередь показывает обратное воздействие на условия и ход производства в силу присущей ей или, вернее, однажды полученной ею и постепенно развивавшейся дальше относительной самостоятельности»[34].

---

[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 415.
[33] Там же. С. 415–416.
[34] Там же. С. 416–417.

Новая самостоятельная сила в рамках собственной динамики модифицирует базовые формы движения, составляющие условия ее существования. Так, государственная власть может: 1) содействовать экономическому развитию, 2) ставить развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях; 3) уничтожать экономические ресурсы территории местности или нации[35]. В последнем случае государство как более высокая форма социального движения подрывает условия собственного существования и погибает или находит в окружающей среде новое основание для своего развития.

1.2. Производство материальной жизни людей

Первая предпосылка истории человеческого общества – это существование людей[36]. Жизнедеятельность людей протекает в определенных материальных условиях, в том числе созданных их собственной деятельностью. Люди производят необходимые им средства к жизни, а потребляя эти средства – люди производят свою материальную жизнь. Таким образом, производство материальной жизни людей включает в качестве предпосылки и обособившегося внутреннего момента производство средств к жизни. Производство материальной жизни людей «должно выполняться ежедневно и ежечасно – уже для одного того, чтобы люди могли жить»[37].

Для производства своей жизни люди применяют тем или иным способом производительные силы: 1) свои жизненные силы; 2) естественные производительные силы (земля и ее ресурсы); 3) производительные силы, созданные трудом (машины и другие средства производства, железные дороги, телеграф, водопровод, газовое освещение, паровое отопление, наука и изобретения); 4) общественные производительные силы (разделение и кооперация труда). Способ производства это – и определенный способ жизнедеятельности индивидов. Что представляют собой индивиды, зависит от того, что и как они производят, от материальных условий их существования.

[35] Там же. С. 417.
[36] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 19.
[37] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 26.

Удовлетворение потребности в физическом существовании актуализирует новые потребности, прежде всего, потребность в продолжении рода. Этой потребность удовлетворяется в конкретной форме общения – в семье: «...Люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это – отношение между мужем и женой, родителями и детьми, семья»[38].

Семья – это первичная форма общения, простейшая и первая форма общественной связи в целях производства[39]. В рамках семьи производство жизни «появляется сразу в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой – в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели»[40]. Совместная деятельность («вместе-действие») есть производительная сила, обеспечивающая производство чужой жизни посредством рождения.

Вся общественная структура постоянно возникает из жизненного процесса индивидов, действующих в «определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях»[41]. В семье развивается разделение труда, возникающее «благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям»[42]. Разделение труда определяет отношения собственности – соответственно фактическому владению и пользованию индивидами материалами орудиями и продуктами труда[43]. Обладание орудием труда обеспечивается особым навыком к труду[44]. Первоначально собственником делает «искусство сделать орудие действительно своим собственным, овладеть им как

---

[38] Там же. С. 27.
[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 98.
[40] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 28.
[41] Там же. С. 24.
[42] Там же. С. 30.
[43] Там же. С. 20.
[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 488.

средством труда»[45]. Поэтому в доме, например, господствует женщина[46]. Отношения власти закрепляются материнским (или отцовским) правом и отражаются в мифологии.

Производство материальной жизни людей осуществляется в рамках «определенного общественного организма»[47]. Исходный пункт анализа материального производства: «Индивиды, производящие в обществе, – а следовательно общественно-определенное производство индивидов…»[48], – или «производство общественных индивидов»[49].

В обществе развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении. Различные поколения индивидов связаны между собой, так как «позднейшие поколения наследуют накопленные предшествовавшими поколениями производительные силы и формы общения, что определяет их собственные взаимоотношения»[50]. Новое поколение в соответствии с изменившимися потребностями видоизменяет унаследованные обстоятельства, но последние «предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, особый характер»[51]. История есть последовательная смена поколений, использующих результаты деятельности предшествующих поколений. Каждое поколение «продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»[52].

Рост населения увеличивает производительные силы. С расширением производства модифицируются формы общения. Происходит расширение семьи[53] и ее развитие из простой семьи в сложную

---

[45] Там же. С. 490.
[46] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 52.
[47] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 22.
[48] Там же. С. 17.
[49] Там же. С. 21.
[50] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 440.
[51] Там же. С. 37.
[52] Там же. С. 44–45.
[53] Там же. С. 20.

семью[54]. Затем идет деление большой семьи на отдельные, противостоящие друг другу семьи[55]. С появлением земледелия и скотоводства семья развивается в новые формы общения – род и племя. А позднее из столкновения и слияния родов возникает община в ее различных исторических формах и государство[56]. Всеобъемлющей формой общения является гражданское общество: «Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства»[57].

Таким образом, развитие производительных сил обусловливает усложнение форм общения, которые в совокупности напоминают матрешечную структуру. Низшие и более простые формы общения включены в более высокие и сложные формы общения в качестве внутренних моментов. Даже такие формы общения как страховые и другие компании воспроизводят общинную форму в структуре гражданского общества[58].

1.3. Общественная жизнь

Материальная жизнь людей есть внутренний, относительно обособившийся момент жизни как одной из форм движения материи. Человек есть животное, «если и не политическое, как думал Аристотель, то во всяком случае общественное»[59]. Поэтому человек живет общественной жизнью. Поскольку индивид есть общественное существо, то «всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, – является проявлением и утверждением общественной жизни»[60].

Общественная жизнь включает различные формы и отрасли, области и сферы – материальную и действительную, практическую и

[54] Там же. С. 35.
[55] Там же. С. 31.
[56] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 18.
[57] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 35.
[58] Там же. С. 64.
[59] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 338.
[60] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 119.

духовную, индивидуальную и социальную, внутреннюю и внешнюю, эгоистическую и родовую, семейную и государственную, частную и публичную, народную и национальную (английскую, русскую, французскую и др.), гражданскую и политическую, хозяйственную и экономическую, промышленную и торговую, деловую и биржевую, обыденную и повседневную, нравственную и безнравственную, небесную и земную, праведную, мирскую и домашнюю, дворцовую и монастырскую, биржевую, партийную и парламентскую, уличную и бродяжническую, литературную, патриархальную, средневековую, буржуазную жизнь и современную жизнь.

Во всем многообразии общественной жизни «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»[61]. Например, «политическая жизнь объявляет себя простым средством, целью которого является жизнь гражданского общества»[62]. Но эта закономерность детерминации реализуется лишь в конечном счете, возможно даже спустя десятки лет: «В моменты особенно повышенного чувства своей силы политическая жизнь стремится подавить свои предпосылки – гражданское общество и его элементы – и конституироваться в виде действительной, свободной от противоречий, родовой жизни человека. Но этого она может достигнуть, лишь вступив в насильственное противоречие со своими собственными жизненными условиями, лишь объявив революцию непрерывной, а потому политическая драма с такой же необходимостью заканчивается восстановлением религии, частной собственности, всех элементов гражданского общества, с какой война заканчивается миром»[63].

В своей жизнедеятельности человек включает в свой жизненный процесс тела органической и неорганической природы. Она служит, «во-первых, непосредственным жизненным средством для

[61] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 7.
[62] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 402.
[63] Там же. С. 394.

человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности»[64]. В качестве момента жизненного процесса человека тела природы также приобретают общественную жизнь.

Средства труда живут, пока они служат в процессе труда: «…Период жизни средства труда охватывает большее или меньшее число постоянно снова и снова повторяющихся при его помощи процессов труда»[65]. Изнашиваясь, средства труда функционируют с убывающей жизненной силой. В первый период жизни машины ремонтные работы исправляют недостатки конструкции – «болезни детства». С выходом за предел среднего возраста, «чем больше изношен и старчески ослаб материал, из которого она сделана, тем многочисленнее и значительнее становятся ремонтные работы, необходимые для того, чтобы поддержать существование машины до конца периода средней продолжительности ее жизни; совершенно так же старому человеку, чтобы не умереть преждевременно, приходится делать больше расходов на медицинскую помощь, чем человеку, полному юношеских сил»[66]. Средства труда могут сохранять форму после своей смерти: «Трупы машин, орудий, мастерских и т. д. продолжают по-прежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали»[67].

С человеком дело обстоит так же как со средством труда. Средства производства потребляют его «как фермент их собственного жизненного процесса; а жизненный процесс капитала заключается лишь в его движении как самовозрастающей стоимости»[68]. Из-за изнашивания и смерти рабочие силы исчезают с рынка. Поэтому объем потребляемых жизненных средств должен быть рассчитан на производство заместителей, т. е. детей рабочих[69].

Рабочая сила – одна из жизненных сил человека. Как и лошадь, человек может расходовать в течение суток лишь определенное количество жизненной силы. В продолжение другой части суток для восстановления, обновления и освежения жизненной силы человек как ее носитель должен отдыхать, спать, а также «удовлетворять

[64] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 92.
[65] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 215.
[66] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 24. С. 196.
[67] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 214.
[68] Там же. С. 320.
[69] Там же. С. 182.

другие физические потребности – питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т. д.»[70]. Конкретный объем и количество физических, а также интеллектуальных и социальных потребностей определяется общим состоянием культуры[71]. Человеку необходимо время «для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья…»[72]. Вполне естественно и разумно, чтобы люди наслаждались жизнью[73].

Все общественные формы в качестве опосредствований общественного жизненного строя проживают собственные жизни. В правовой жизни общества судебный процесс есть форма жизни закона, проявление его внутренней жизни[74]. Товарная форма – одна из форм общественной жизни[75]. Жизнь капитала протекает в его кругообороте и обороте. Жизнь промышленности составляет цикл, включающий «последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя»[76]. Констатировалось, что в 1789 году началась жизненная история французской революции и не закончилась еще 1830 годом[77]. Недолгой оказалась во Франции жизнь 2-й республики (1848–1852)[78].

Для жизни необходимы жизненные силы и жизненная энергия, жизненные условия и жизненные средства. Жизненная деятельность определяется жизненными потребностями и жизненными интересами, жизненными стремлениями и жизненными принципами, жизненным положением и жизненной практикой, жизнепониманием. Жизнедеятельность характеризуется определенным жизненным укладом и жизненным строем, жизненными отношениями.

---

[70] Там же. С. 243.
[71] Там же. С. 244.
[72] Там же. С. 274.
[73] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 350.
[74] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 158.
[75] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 274.
[76] Там же. С. 464.
[77] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 138.
[78] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 185.

Критериями оценки отдельных проявлений общественной жизни являются полнота жизни[79], ее развитие[80] и утверждение[81], ее свободное движение[82], чувство собственной силы[83] и жизненная свежесть[84], жизнеспособность[85]. Особое значение придается количеству жизненной силы и уровню жизнеспособности.

Например, утверждалось, «что жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ, а тем более жизнеспособности современных капиталистических обществ…»[86], а свойственный земледельческой общине дуализм общей собственности и частного землепользования может служить для нее как «источником большой жизненной силы»[87], так и «источником разложения»[88] и «гибели»[89].

Так, отмечалась жизнеспособность и сила религии в США[90]. Радовали «неистощимая»[91] и «неукротимая»[92] жизненная сила немецких рабочих на выборах в рейхстаг, «неиссякаемая жизненная сила польского народа»[93]. С надеждой указывалось на большую жизнеспособность и силу революционного социализма[94] и I Интернационала[95]. В отношении одного дела отмечалось: «Если оно не жизнеспособно, то его не нужно и незачем поддерживать»[96].

---

[79] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 36.
[80] Там же. С. 56.
[81] Там же. С. 59.
[82] Там же. С. 63.
[83] Там же. С. 88.
[84] Там же. С. 93.
[85] Там же. С. 212.
[86] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 402.
[87] Там же. С. 402.
[88] Там же.
[89] Там же. С. 419.
[90] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 387.
[91] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 301.
[92] Там же. С. 303.
[93] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 290.
[94] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 267.
[95] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 203.
[96] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 32. С. 336.

Жизнь «находится всегда в становлении, и ничто в ней никогда не закончено»[97]. Застой в ней – преходящий момент. Застою тред-юнионов Ф. Энгельс противопоставлял «живую жизнь» и «живое свободное движение вновь пробуждающегося английского пролетариата»[98].

Но каждой конкретно-исторической форме общественной жизни свойственны не только пробуждение к жизни и расцвет, но и загнивание, разложение и распад с неизбежной гибелью. После революции 1830 года французской буржуазии, достигшей всей полноты власти, осталось только изживать себя: «…Правящая буржуазия Франции окончательно одряхлела, полностью «пришла в негодность»[99].

Общественный организм страдает от болезней, протекающих в хронической и острой формах[100]. Ф. Энгельс констатировал, что «социальная болезнь, которой страдает Англия, так же имеет свое течение, как и болезни живого организма; она развивается согласно известным законам и имеет свои кризисы, из которых последний и самый сильный решает судьбу больного»[101]. Он радовался обострению течения болезни, будучи убежденным в том, что «английская нация не может погибнуть в этом последнем кризисе, а должна, наоборот, выйти из него обновленной и возрожденной…»[102].

История «уносит в могилу устаревшую форму жизни»[103]. Точнее, отмирает изжившее себя. Так, в поражениях французской революции 1848 года погибала не революция, а «погибали пережитки дореволюционных традиций, результаты общественных отношений, не заострившихся еще до степени резких классовых противоположностей, погибали лица, иллюзии, представления, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не февральская победа, а только целый ряд поражений» [104].

---

[97] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 166.
[98] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 69.
[99] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 192.
[100] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 354.
[101] Там же. С. 355–356.
[102] Там же. С. 356.
[103] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 418.
[104] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 7.

Соответственно формам общественной жизни выделяются формы общественной смерти: «Подобно тому как в природе распад и смерть наступают сами собой там, где какое-нибудь существование совершенно перестало соответствовать своему назначению; подобно тому как мировая история решает вопрос, не отклонилось ли какое-нибудь государство от идеи государства настолько, что оно не заслуживает дальнейшего сохранения, – точно так же и государство решает, при каких условиях существующий брак перестал быть браком»[105]. Развод устанавливает нравственную смерть – смерть брака.

Смерть – источник жизни. Во времена Великой французской революции разложение освобождало новый дух «от старых форм, которые были уже недостойны и неспособны охватить его»[106]. И далее наблюдается комплекс оживления: «При Директории стремительно вырывается наружу и бьет ключом настоящая жизнь буржуазного общества. Буря и натиск по части создания торговых и промышленных предприятий, страсть к обогащению, сутолока новой буржуазной жизни, где на первых порах наслаждение этой жизнью принимает дерзкий, легкомысленный, фривольный и опьяняющий характер; действительное просвещение французской земли, феодальная структура которой была разбита молотом революции и которую многочисленные новые собственники, в первых порывах лихорадочной деятельности, подвергли теперь всесторонней обработке; первые движения освободившейся промышленности, – таковы некоторые из проявлений жизни только что народившегося буржуазного общества»[107].

«Предоставим мертвым хоронить и оплакивать своих мертвецов. Но завидна участь – быть первыми среди тех, кто со свежими силами вступает в новую жизнь. Пусть это будет и нашим уделом»[108], – призывал К. Маркс. Упразднение государственной церкви или имущественного избирательного ценза означает предоставление религии и частной собственности самим себе – «именно

---

[105] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 163.
[106] Там же. С. 88.
[107] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 136–137.
[108] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 372.

этому провозглашению их политической смерти соответствует колоссальное развитие жизни этих элементов, которая отныне беспрепятственно подчиняется своим собственным законам и развертывается во всю ширь»[109].

Далее, «частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению»[110]. «Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность»[111], – писал К. Маркс.

В результате «место отмирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, – насильственно, если оно противится этой необходимости»[112]. Комментируя «каннибализм» контрреволюции в Вене 1848 года, К. Маркс писал, что «существует лишь одно средство сократить, упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство – революционный терроризм»[113]. Позже он пришел к выводу, что познание обществом естественного закона своего развития «может сократить и смягчить муки родов»[114].

Оценивая опыт первых коммунистических субботников как слабых ростков нового, В.И. Ленин советовал: «Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни <…> Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками. Неизбежно,

[109] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 130.
[110] Там же. С. 39.
[111] Там же.
[112] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 275.
[113] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 494.
[114] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 10.

что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные»[115].

1.4. Общественный (социальный) организм

Исторический материализм рассматривает общество как многосложный общественный организм. Представление об организме предполагает, во-первых, что общество есть целое[116]; во-вторых, это целое является органическим, дифференцированным на различные органы, выполняющие особые функции; в-третьих, организм находится в постоянном процессе превращения[117], развития из зародыша в зрелое целое, дряхления и разложения. Диалектический метод обязывает «смотреть на общество, как на живой организм в его функционировании и развитии»[118].

Характеризуя принадлежность гражданина к государству, К. Маркс писал: «Разве каждый из граждан не связан с государством тысячью жизненных нервов, и разве оно вправе разрезать все эти нервы только потому, что этот гражданин самовольно разрезал какой-нибудь один нерв? Государство должно видеть и в нарушителе лесных правил человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину, свидетеля, к голосу которого должен прислушиваться суд, члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священно, и, наконец, самое главное – гражданина государства. Государство не может легкомысленно отстранить одного из своих членов от всех этих функций, ибо государство отсекает от себя свои живые части всякий раз, когда оно делает из гражданина преступника»[119].

[115] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 20.
[116] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 112.
[117] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 11.
[118] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 1. С. 192.
[119] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 133.

Общественный организм является многоуровневым. В его структуре наименьшими и простейшими общественными организмами выступают патриархальная семья[120] и семейная община[121]. Крупные общественные организмы – мастерская[122], монастырь[123], городская община[124], армия[125], правительство[126].

В зависимости от специфики сферы жизни входящие в ее состав общественные организмы определяются как производственные, экономические, политические и т. п. Качественная структура общественно-производственного организма, являющего свои разрозненные члены в системе разделения труда, отличается стихийной случайностью[127]. Экономический организм функционирует через периодические кризисы, останавливающие в нем обращение[128]. Единый политический организм, как Германия в первой половине XIX века, может включать в себя множество государств[129].

В качестве единого организма характеризуется мировое хозяйство. Описывая роль Англия как демиурга буржуазного космоса и зависимость от нее экономик континентальных стран, К. Маркс констатировал, что хотя кризисы порождают революции прежде всего на континенте, но причина находится в Англии. Объяснял он это тем, что «в конечностях буржуазного организма насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше»[130].

Общественный организм действует как единый общественный субъект. Для обеспечения единства действий, будь-то в оркестре[131]

[120] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 61.
[121] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 135.
[122] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 45. С. 350.
[123] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 153.
[124] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 470.
[125] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 360.
[126] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 79.
[127] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 118.
[128] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 250.
[129] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 238
[130] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 467.
[131] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 342.

или в армии[132], из движения всего организма (в отличие от движения его самостоятельных органов) выделяются функции управления, надзора и согласования.

Организация трудовой деятельности, как, например, в мануфактуре, превращает ее в механизм, совокупную машину, состоящую из отдельных рабочих[133]. Напротив, на фабрике, развившейся в систему машин, рабочие рассеяны по множеству точек в качестве живой принадлежности, сознательных придатков, подчиненных бессознательной, но единообразно действующей системе машин как живому могущественному организму[134]. В первом случае «комбинированный совокупный рабочий, или общественный рабочий организм, является активно действующим субъектом, а механический автомат – объектом; во втором сам автомат является субъектом, а рабочие присоединены как сознательные органы к его лишенным сознания органам и вместе с последними подчинены центральной двигательной силе»[135].

В управлении государством существует такое же разделение труда и такая же его централизация, как на фабрике. В буржуазной Франции середины XIX века исполнительная власть, опутывающая, контролирующая, направляющая, держащая под своим надзором и опекой даже самые ничтожные проявления жизни гражданского общества, кажется К. Марксу организмом-паразитом, укорененным в «беспомощной несамостоятельности, рыхлости и бесформенности действительного общественного организма»[136], препятствующим гражданскому обществу формировать свои собственные самостоятельные органы, стремящимся калечить и парализовать их, если не удавалось их ампутировать[137]. Такое государство утрачивает свою функциональность, превращается в шайку

---

[132] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1973. Т. 47. С. 293.
[133] Там же. С. 511.
[134] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1969. Т. 46. Ч. II. С. 204.
[135] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 430.
[136] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 157.
[137] Там же. С. 157–158.

воров, также как «буржуазия с каждым днем все больше теряет характер класса, в течение определенного времени безусловно необходимого для общественного организма, отбрасывает свои специфические социальные функции и превращается в настоящую шайку мошенников…»[138].

По убеждению К. Маркса, любое общество «нуждается в обширном, сложном организме административных и судебных учреждений»[139]. Постоянное состояние социальной войны они удерживают в форме войны «скрытой, косвенной, чтобы она не выродилась в открытое насилие, в преступление»[140]. Только в коммунистическом обществе этот организм будет упрощен, так как «в этом обществе управлению придется ведать не только отдельными сторонами общественной жизни, но и всей общественной жизнью во всех ее отдельных проявлениях, во всех направлениях»[141].

---

[138] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1975. Т. 45. С. 115.
[139] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 537.
[140] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 538.
[141] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 537.

Глава 2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2.1. Общественное отношение – «клеточка» общественного организма

Метафора общественного организма ориентирует на представление его как совокупности клеток. Клетка является основной структурной единицей организма. По закону клеточного деления из размножения и дифференциации одной клетки возникают и вырастают все многоклеточные организмы[142]. Что же выступает клеточкой, элементарной единицей общественного организма?

Очевидно, что это не вещь и не человек, а их взаимоотношение. Индивиды необходимо вступают во взаимоотношения друг с другом – в отношениях между полами, в обмене, в разделении труда[143]. Эти отношения имеют объективную природу, независимы от отдельных лиц и определяют их действия, как, например, физиологически унаследованный способ дыхания[144].

В историческом материализме утвердилось мнение, что общественное отношение – клеточка общественного организма. Многоклеточный общественный организм состоит из общественных отношений, обеспечивающих его материальное и духовное воспроизводство: «Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером»[145]. Общество представляется как совокупность общественных отношений – материальных отношений и отношений идеологических (надстроечных).

Первичным общественным отношением является семья[146]. Клеточкой цивилизованного общества, по которой можно изучать природу развившихся внутри последнего противоположностей и противоречий, выступает единобрачие[147]. Экономическую клеточку

---

[142] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 512.
[143] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 440.
[144] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 192.
[145] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 442.
[146] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 27.
[147] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 69.

буржуазного общества К. Маркс видел в «товарной форме продукта труда, или форме стоимости товара»[148].

Следует учитывать, что товарная форма (или форма стоимости) продукта есть частичное выражение товарного (стоимостного) отношения. Поэтому определения товара, стоимости, денег, капитала, собственности и других подобных моментов общественной жизни как отношений следует воспринимать не буквально, а как акцентированные. К. Маркс оговаривался, что товарная форма – лишь «определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами»[149].

Ф. Энгельс пояснял: «Продукт, вступающий в обмен, является товаром. Но он является товаром только потому, что в этой вещи, в этом продукте, завязывается отношение между двумя лицами, или общинами, отношение между производителем и потребителем, которые здесь уже более не соединены в одном и том же лице. Здесь мы сразу имеем перед собой пример своеобразного явления, которое проходит через всю политическую экономию и порождает в головах буржуазных экономистов ужасную путаницу: политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи»[150].

Соответственно В.И. Ленин клеточку буржуазного общества видел в отношении товарообмена: «У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (respective зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ его отдельных частей, от его начала до его конца»[151].

---

[148] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 6.
[149] Там же. С. 82.
[150] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 498.
[151] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 29. С. 318.

Таким образом, общественное отношение – это не любая общественная форма. Оно есть отношение индивидов, опосредствованное вещами, знаками и другими объектами.

2.2. Структура общественного отношения

В общественном отношении, как и в любом другом отношении, есть две противоположные стороны, которые относятся друг к другу, находятся во взаимодействии[152]. С точки зрения естествознания «взаимодействие – вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом…»[153]. Аналогично, при рассмотрении истории человечества «перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает»[154].

В природе все тела – от звезды до частицы эфира – состоят во взаимной связи, «воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга есть именно движение»[155]. Телами, воздействующими в обществе друг на друга, являются, прежде всего, люди: «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей»[156]. Взаимодействия остальных тел подчинены взаимодействию людей. Эти тела вовлекаются во взаимодействие людей, формируются и используются в нем.

Структура общественного отношения раскрывается на примере анализа простейшего экономического отношения буржуазного общества.

Простейшее отношение капитализма, которое фиксирует Маркс, есть товарное, непосредственно меновое отношение: «Простейшее стоимостное отношение есть, очевидно, стоимостное отношение товара к какому-нибудь одному товару другого рода – все равно какому именно»[157]. Но это отношение есть не просто отно-

[152] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 498.
[153] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 546.
[154] Там же. С. 20.
[155] Там же. С. 392.
[156] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 402.
[157] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 57.

шение товаров, а отношение товаровладельцев посредством товаров: «...Отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением»[158].

В начале человеческой культуры в обмен продуктами как самостоятельные единицы вступают не отдельные индивидуумы, а семьи, общины, роды[159].

Заслуга К. Маркса состояла в том, что он за отношением двух вещей увидел экономическое отношение людей. «...Там, где буржуазные экономисты видели отношения вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл отношения между людьми»[160], – писал В.И. Ленин. За актом обмена товаров стоит взаимодействие двух товаровладельцев, действительных субъектов (носителей) товарного отношения. Товар и обмен товаров являются лишь моментами целостного товарного отношения.

Товар выступает как средство обмена: «В непосредственном обмене продуктов каждый товар является непосредственно средством обмена для своего владельца»[161]. Акт обмена товарами есть живое взаимодействие субъектов, передающих другу товары и собственность на них. В третьей главе I тома «Капитала» Маркс подчеркивает: «До сих пор мы знаем только одно экономическое отношение между людьми – отношение товаровладельцев, в котором товаровладельцы присваивают чужой продукт труда только путем отчуждения своего собственного»[162]. Действия присвоения и отчуждения частной собственности на товар являются моментами процесса взаимодействия.

Аналогична структура стоимостного отношения, которая описывается так: «Поскольку предметом рассмотрения является чистая форма, экономическая сторона отношения... постольку здесь перед нами вырисовываются только три формально различных момента: субъекты отношения, обменивающиеся предметы их обмена, меновые стоимости, эквиваленты..., наконец, самый акт обмена... Эквиваленты представляют собой опредмечивание одного

---

[158] Там же. С. 69–70.
[159] Там же. С. 364.
[160] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1973. Т. 23. С. 45.
[161] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 98.
[162] Там же. С. 119.

субъекта для других»[163]. В отношении присутствуют две стоимости, различие между которыми покоится на внешнем различии обмениваемых потребительных стоимостей.

В общем виде общественное отношение – это взаимодействие субъектов, осуществляемое на основе и посредством объективных условий, которые есть не что иное, как предшествующая опредмеченная деятельность того же вида. В товарообмене, по словам К. Маркса, «индивиды противостоят друг другу только как собственники меновых стоимостей, как такие индивиды, которые дали себе предметное бытие друг для друга посредством своего продукта, товара. Без этого объективного опосредствования они, с точки зрения происходящего внутри обращения социального обмена веществ, не имеют друг к другу никакого отношения»[164]. Поэтому общественное отношение есть устойчивое социальное взаимодействие, опосредствованное собственной историей, то есть предыдущими циклами взаимодействий.

В товарном отношении мотив для установления общественного отношения образует природное различие индивидов и их товаров: «…индивид А удовлетворяет потребность индивида В при помощи товара а лишь постольку и лишь потому, что индивид В удовлетворяет потребность индивида А при помощи товара В, и vice versa»[165]. В сознании индивидов это представлено так: «…1) каждый достигает своей цели лишь постольку, поскольку он служит средством для другого; 2) каждый становится средством для другого (бытием для другого) только будучи для себя самоцелью (бытием для себя); 3) взаимозависимость, состоящая в том, что каждый является одновременно и средством, и целью и притом достигает своей цели лишь постольку, поскольку становится средством, и становится средством лишь постольку, поскольку полагает себя в качестве самоцели, что каждый, таким образом, делает себя бытием для другого, будучи бытием для себя, а этот другой делает себя бытием для него, будучи бытием для себя…»[166]. Взаимозависимость и вза-

---

[163] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 188.
[164] Там же. С. 448.
[165] Там же. С. 190.
[166] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1969. Т. 46. Ч. 11. С. 190.

имообусловленность действий субъектов обмена выступает как общественный интерес, существующий, «за спиной рефлектированных в самих себя отдельных интересов»[167].

Любое общественное отношение включает в себя двух субъектов, взаимодействующих между собой и условия этого взаимодействия, которые определяют интерес – объективно обусловленную направленность деятельности. Например, капиталист функционирует как олицетворенный капитал, выполняя с сознанием и волей его функции[168]. Рабочий заинтересован в продаже и реализации своей рабочей силы.

Интерес осознается в виде цели, на основе которой в сознании субъектов формируются отображение ситуации и вырабатывается программа действий по реализации цели. Взаимное поведение субъектов снимается в результирующей, модифицирующей объективные условия (см. рис. 1).

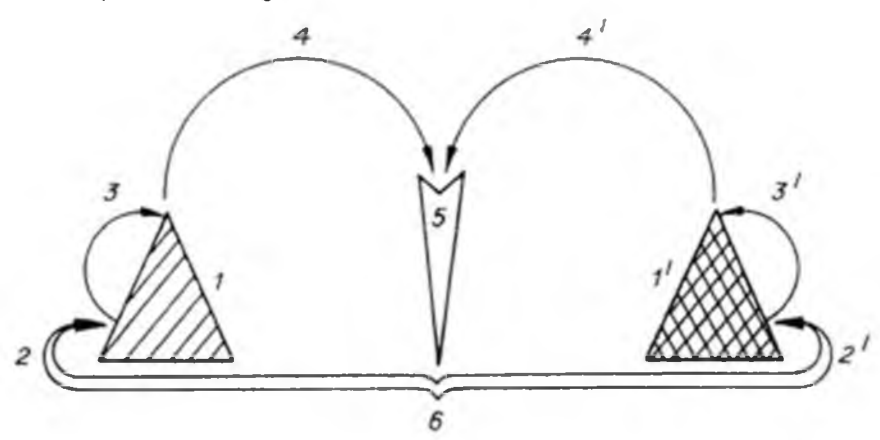

Рис. 1. Абстрактная модель общественного отношения[169]

Цифрами обозначены: 1 и 1' – субъекты – носители данной системы деятельности; 2 и 2' – объективный интерес каждого из субъектов, осознаваемый как цель его деятельности; 3 и 3' – отображение действительности, т. е. данной системы деятельности, которое

[167] Там же. С. 452.
[168] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 45. С. 46.
[169] *Фофанов В.П.* Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск, 1989. С. 255.

формируется у субъекта на основе его цели; 4 и 4' – программа деятельности и сам процесс действий по ее реализации; 5 – результирующая, реальный процесс взаимодействия субъектов, представляющий собой снятие их разнонаправленных деятельностей; 6 – опредмеченная деятельность, исходное условие и конечный результат каждого цикла деятельности (взаимодействия) субъектов.

Необходимость воспроизводства субъектами отношения объективных условий своего существования превращает их в агентов, персонификации этих условий: «Приносящий проценты капитал персонифицируется в денежном капиталисте, промышленный капитал – в промышленном капиталисте, приносящий ренту капитал – в лендлорде как собственнике земли, наконец, труд – в наемном рабочем»[170]. Эти личности являются всего лишь представителями своей собственности.

В общественном отношении взаимодействие асимметрично: в нем всегда имеется ведущая, более активная сторона. Ведущей же является та сторона, которой присуще преобладание активности в системно более важном аспекте. Соотношение активности в количественном, так и в качественном аспектах имеет исторический характер, т. е. изменяется с развитием взаимодействия.

2.3. Параллелограмм сил

В общественном отношении направленность деятельности каждого из субъектов снимается целостным взаимодействием, своеобразным «параллелограммом сил». Каждый субъект стремится к своей цели, но в результате получается нечто третье, чего никто не хотел. Результирующая возникает из снятия двух разнонаправленных деятельностей. Результирующая опредмечивается и, сливаясь с предшествующей опредмеченной деятельностью и снимая ее, выступает как непосредственное условие и предпосылка следующего цикла взаимодействия субъектов. Иначе говоря, хотя цель и программа любого из взаимодействующих субъектов, как правило, не реализуется полностью, они тем не менее существенно влияют на характер реально складывающегося общественного отношения.

[170] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 26. Ч. III. С. 541.

Характеризуя данный эффект, Ф. Энгельс констатирует, что в истории люди стремятся к определенным целям, но желаемое совершается лишь в редких случаях: «…По большей же части цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления»[171]. Бывает и так, что «результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны» или «в конце концов они ведут совсем не к тем последствиям, которые были желательны»[172].

Данный эффект Ф. Энгельс иллюстрировал следующим примером: «Англия прекратила, наконец, свои донкихотские завоевательные войны во Франции, в которых она, если бы они продолжались дольше, истекла бы кровью; феодальное дворянство попыталось вознаградить себя войнами Роз и получило больше, чем искало: оно было истреблено в междоусобной борьбе, и на трон была возведена династия Тюдоров, которая могуществом своей власти превзошла и всех своих предшественников и всех своих преемников»[173].

У множества сталкивающихся стремлений есть общий итог, который и есть история этого разнообразных воздействий на внешний мир – это именно и есть история[174].

Таким образом, конечный результат получается от столкновений множества отдельных воль, которые формируются на основе определенных жизненных обстоятельств. Ф. Энгельс обращается к образу параллелограмма сил: «Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие»[175]. И далее поясняет: «Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого

[171] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 306.
[172] Там же.
[173] Там же. С. 416.
[174] Там же. С. 306.
[175] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 395.

другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел» [176]. В стихии массовых действий отдельные воли «достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую»[177], но при этом «каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее»[178].

Например, в условиях товарного обмена завязывается борьба «между меновой стоимостью, которую требует продавец, и меновой стоимостью, которую предлагает покупатель»[179]. В итоге меновой стоимостью товара оказывается равнодействующая противоречащих друг другу оценок. Правильность определения стоимости определялась «лишь путей длительного процесса приближения зигзагами, часто в потемках, ощупью, причем, как и всегда, лишь горький опыт учил людей»[180]. Поскольку субъекты товарного производства устойчиво воспроизводятся, следовательно, основную массу товаров удается обменять и затраты труда в целом возмещаются. В условиях простого товарного производства «цены тяготеют к определенным, по закону Маркса, стоимостям и колеблются вокруг них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем больше средние цены за продолжительные периоды, не прерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь»[181].

Подобно тому как стоимость товаров – динамический центр, имеющий тенденцию к понижению с ростом производительности труда, равнодействующая стремлений устанавливается в исторической динамике. Так, буржуазные революции должны заходить значительно дальше того, что реально можно достичь: «За этим избытком революционной активности с необходимостью последовала неизбежная реакция, зашедшая в свою очередь дальше того пункта, за которым она сама уже не могла продержаться. После ряда коле-

---

[176] Там же. С. 396.
[177] Там же.
[178] Там же.
[179] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 79.
[180] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 473.
[181] Там же. С. 474.

баний установился наконец новый центр тяжести, который и послужил исходным пунктом для дальнейшего развития»[182]. Этот центр тяжести – компромисс между бывшими крупными феодалами и поднимающейся буржуазией, как, например, «славная революция» 1689 года в Англии.

В борьбе партий наблюдается феномен «прогрессивной борьбы», когда центр тяжести постоянно сдвигается влево[183]. Во Франции периода 3-й Республики правительства сдвигались влево и рабочим делались все новые уступки. Ф. Энгельс рекомендовал ждать, пока у кормила правления встанет самая крайняя из либеральных партий, скомпрометирует себя на практике, показав свое бессилие, и только тогда рабочей партии имеет смысл становиться оппозицией[184].

2.4. Генезис системы общественных отношений

Каждое общественное отношение, непрерывно усложняясь, создает свои внутренние опосредствования, которые затем приобретают относительную самостоятельность и выступают как новые, производные отношения в рамках системы отношений. В истории в общем и целом развитие происходит от простейших отношений к более сложным[185].

Ф. Энгельс следующим образом описал методологический опыт К. Маркса по теоретической реконструкции развития экономических отношений капитализма: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем <...> При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения <…> Противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.»[186].

[182] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 309.
[183] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 125.
[184] Там же.
[185] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 497.
[186] Там же. С. 497–498.

В системе капиталистических отношений простейшим отношением является отношение товаровладельцев: «Наиболее элементарным отношением, в которое индивиды вступают друг к другу, является отношение товаровладельцев»[187]. Товарное отношение оценивается как господствующее[188] и всеобщее[189] отношение в обществе товаропроизводителей. Следовательно, любое экономическое отношение капитализма должно быть зафиксировано: 1) как товарное (стоимостное) отношение товаровладельцев; 2) как особенное, специфическое товарное отношение; 3) как внутренний, подчиненный момент господствующих товарных отношений.

В товарообмене выделяется всеобщий товар – деньги, которые выступают опосредствованием, приобретающим относительную самостоятельность. Следующее отношение, выделяемое К. Марксом, есть отношение между продавцом и покупателем: «Денежное отношение – купля и продажа...»[190]. Деньги рассматриваются как особенный, денежный товар, полезность которого состоит в свойстве обмениваться на все товары. Если в товарном отношении товар функционирует как средство обмена, то в денежном отношении деньги функционируют как средство купли. Денежное отношение развивается как модификация и опосредствование всеобщего товарного отношения. Образование денежного отношения происходит благодаря формированию специфической, формальной потребительной стоимости.

На базе денежного отношения, кроме мимолетных ролей покупателя и продавца, появляются фигуры купца и собирателя сокровищ, в разных формах реализующих специфическую потребительную стоимость денег. К. Маркс не задерживается на упомянутых побочных фигурах и переходит к следующему отношению – кредиту.

Различия в продолжительности циклов производства товаров и необходимость поддержания непрерывности производства приводят к тому, что «покупатель превращает деньги обратно в товар

---

187 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1973. Т. 47. С. 113.
188 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 69–70.
189 Там же. С. 89.
190 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1980. Т. 48. С. 10.

прежде, чем он превратил товар в деньги...»[191]. При этом «продавец становится кредитором, покупатель должником...»[192]. Кредитное отношение рассматривается как модификация и опосредствование денежного отношения: «...отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения...»[193]. Деньги специфицируются из покупательного средства в средство платежа. К. Маркс также указывал на конституирование альтернативного кредиту отношения – купли и продажи вперед, т. е. авансирования[194].

Капиталистическое отношение, субъектами которого являются капиталист и наемный рабочий, К. Маркс определяет и как товарное и как денежное отношение: «Он и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один – покупатель, а другой – продавец»[195]. Это купля и продажа необычного товара, обладающего способностью создавать стоимость и прибавочную стоимость. Поскольку передача потребительной стоимости рабочей силы покупателю происходит в процессе ее потребления, то капиталистическое отношение является кредитом: «...везде рабочий кредитует капиталиста…»[196].

Противоположность экономического положения капиталиста и наемного рабочего порождает противоположность целей их экономической деятельности. Цель наемного труда – только заработная плата. Целью капиталиста является возрастание стоимости: «Движение капитала не знает границ. Как сознательный носитель этого движения владелец денег становится капиталистом. Возрастание стоимости есть его субъективная цель...»[197].

Капиталистическое отношение, по мнению К. Маркса, следует рассматривать как «последнюю ступень развития стоимостного отношения и основанного на стоимости производства»[198].

---

[191] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 148.
[192] Там же. С. 146.
[193] Там же. С. 147.
[194] Там же. С. 148.
[195] Там же. С. 178.
[196] Там же. С. 185.
[197] Там же. С. 165.
[198] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1969. Т. 46. Ч. II. С. 215.

Во II и III томах «Капитала» выделяются особенные капиталистические отношения, возникающих путем дифференциации основных экономических функций капиталиста – купли и продажи товаров, надзора за рабочими, управления производством, учета движения стоимостей. Конституирование отдельных капиталистических отношений происходит либо передачей функций отрядам рабочего класса, либо путем функциональной специализации капитала.

Выполняя функции капиталиста, бухгалтеры, маклеры, продавцы, клерки, менеджеры, нормировщики и др. противостоят в отношении эксплуатации остальным отрядам рабочего класса. Капиталистическое отношение рефлексируется в себя, переносится во внутрь класса наемных рабочих, существует в нем самом.

Функциональная специализация капитала возникает на основе обособления производительного, товарного и денежного капитала. Обособление капиталов в какой-либо из этих форм ведет к разделению капиталистического труда: «Поскольку такая функция капитала, находящегося в сфере обращения, вообще обособляется как особая функция особенного капитала, фиксируется как функция, вследствие разделения труда принадлежащая особой разновидности капиталистов, поскольку товарный капитал становится товарно-торговым, или коммерческим капиталом»[199]. Так появляются экономические фигуры промышленного, торгового, банковского, ссудного капиталистов и земельного собственника.

Указанные классы капиталистов взаимодействуют не просто как продавцы и покупатели, но и как капиталисты «в квадрате». Каждый из них вступает в капиталистическое отношение не только к наемным рабочим, но в специфические капиталистические отношения друг к другу. Торговый капиталист эксплуатирует промышленного капиталиста через разницу в ценах. Банковский капиталист через разницу в ставках ссудного процента присваивает часть прибыли торгового и промышленного капиталистов. В свою очередь «земельная собственность есть средство перехватить часть

[199] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. 1. С. 293.

произведенной промышленным капиталом прибавочной стоимости»[200]. Так создается механизм тотальной эксплуатации, перераспределяющий извлеченную промышленным капиталом прибавочную стоимость между различными классами капиталистов.

В последующем обществоведы продолжили разработки в области теоретической реконструкции генезиса отдельных систем общественных отношений (правовых, нравственных, философских и др.). Например, Ю.И. Семенов предложил соответствующие модели для систем экономических отношений жизнеобеспечивающей экономики, престижной экономики, моральной (крестьянской) экономики и др.[201] Аналогичные конструкции разрабатывались для систем военной экономики[202], командной экономики[203].

---

[200] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 26. Ч. III. С. 494.
[201] *Семенов Ю.И.* Происхождение и развитие экономики: от первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). М., 2019.
[202] *Косвен М.О.* Преступление и наказание в первобытном обществе. М. – Л., 1925.
[203] *Петрищев В.А.* Плановые нормы развития социалистического производства. М., 1983.

Глава 3. ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

3.1. Общественная практика

Важнейшим положением исторического материализма является утверждение о том, что «общественная жизнь является по существу практической»[204]. Это утверждение антитетично, то есть построено в качестве альтернативы и противопоставления интерпретации общественной жизни как по существу духовной (теоретической или чувственной).

Например, по Г.В.Ф. Гегелю, дух (и дух народа), действуя по существу дела, создает из себя народ, который «существует в своей религии, в своем культе, в своих обычаях, в своем государственном устройстве и в своих политических законах, во всех своих учреждениях, в своих действиях и делах»[205]. Далее пояснялось: «Народы суть то, чем оказываются их действия. Каждый англичанин скажет: мы – те, которые плавают по океану и в руках которых находится всемирная торговля, которым принадлежит Ост-Индия с ее богатствами, у которых есть парламент и суд присяжных и т. д.»[206].

Основоположники исторического материализма в противоположность философии, спускающейся с неба на землю, решили подниматься с земли на небо: «…Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса»[207]. Таким образом, предполагается, что общество создается не духом, а действующими и думающими людьми.

В этом плане важно следующее рассуждение Г.В.Ф. Гегеля: «Человек с его потребностями практически относится к внешней природе и, удовлетворяя при ее посредстве свои потребности и истощая ее, он играет при этом роль посредника. А именно предметы, существующие в природе, могучи и оказывают разнообразное сопротивление. Чтобы справиться с предметами, человек вставляет

[204] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 3.
[205] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 121.
[206] Там же.
[207] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 25.

между ними другие предметы, существующие в природе; следовательно, он пользуется природой против самой природы и изобретает орудия для достижения этой цели. Эти человеческие изобретения принадлежат духу, и такое орудие следует ставить выше, чем предмет, существующий в природе»[208].

С точки зрения исторического материализма существенно, что изобретения – результат не мгновенного озарения и объективации духа. По оценке Ф. Энгельса, «прежде чем первый кремень при помощи человеческой руки был превращен в нож, должен был, вероятно, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным»[209]. Он также писал о пути долгого, часто жестокого опыта, позволяющего человеку постепенно осознавать последствия своей деятельности[210].

Человеческое общество является частью природы и движения материи, протекающего в форме человеческой деятельности. Поэтому человеческая деятельность является прежде всего объективным материальным процессом, в котором в качестве внутреннего момента присутствует сознание. Данный базовый уровень человеческой деятельности понимается как практическая деятельность (или практика).

Практика характеризуется как деятельность предметная (т. е. связанная с предметами) и как деятельность чувственная (т.е. связанная с органами чувств человека). Цель практической деятельности состоит в изменении предметов и самого человека как предмета.

Как поясняет Ф. Энгельс, животное производит изменения во внешней природе «просто в силу своего присутствия»[211], тогда как человек «вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям…»[212]. Человек переносит полезные растения и животных из

[208] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. С. 269.
[209] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 487.
[210] Там же. С. 498.
[211] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 495.
[212] Там же.

одной страны в другую, «при помощи разных искусственных приемов разведения и выращивания растения и животные так изменяются под рукой человека, что становятся неузнаваемыми»[213].

Это относится и к развитию психики животных: «Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах свойственного им круга представлений, они легко научаются понимать всякий язык. Они, кроме того, приобрели способность к таким чувствам, как чувство привязанности к человеку, чувство благодарности и т. д., которые раньше им были чужды»[214].

В практической деятельности осуществляется развитие природы и людей. В частности, благодаря овладению прямохождением, рука смогла «усваивать себе все новые и новые сноровки, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и возрастала от поколения к поколению»[215].

Практика включает в себя сознание, но последнее служит здесь лишь функциональным средством материального изменения действительности. Практическое сознание формируется в практической деятельности методом проб и ошибок. Именно в практике человек доказывает «истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления»[216]. Практическое мышление в конце концов хотя и медленно, но эффективно приспосабливается к окружающим условиям. На ранних этапах развития общества темп изменений незначителен и кристаллизующийся в самой практике опыт вполне успевает обеспечить ее соответствующими средствами.

Поскольку материально-вещественный субстрат, включая человеческую телесность, выступает основой всех сфер человеческой жизни, то практика преобладает над мышлением и в политической практике, и в медицинской практике, и в судебной практике.

Примат чувственно-предметной деятельности в правовой жизни Г.В.Ф. Гегель описывал следующим образом: «Дети утверждают

[213] Там же. С. 494.
[214] Там же. С. 487.
[215] Там же. С. 489.
[216] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 1.

право на основании того, что что-то первыми увидели, первыми захотели; взрослые бывают раздосадованы тем, что их опередили, хотя они уже ничего не могут поделать. Кроме непосредственного захвата сущая вещь объявляется моим владением посредством знака, например, в результате обработки. На то, что обозначено как мое, другой не должен посягать. Но обозначение тоже случайно: огороженная земля, вокруг которой проведена лишь граница, лишь бороздка, обозначена и одновременно не обозначена как моя. У знака безграничная широта: вбитый на острове кол означает, что я настаиваю на своем вступлении во владение островом…»[217].

В духовной деятельности изменение предметов подчинено познанию действительности. Внутридуховная практика представлена в виде эксперимента (научного, утопического, художественного и др.), в виде обрядов и ритуалов в магии, мифологии и религии.

3.2. Производство, потребление, распределение, обмен

Конечным результатом общественного процесса производства выступает общество. Например, в первобытности и Античности община – конечная цель производства[218]. Как общество производит человека, «так и он производит общество»[219]. Целью общества является воспроизводство материальных условий и индивидов – «как порознь, так и в их общественных расчленениях и связях, воспроизводство их в качестве живых носителей этих условий»[220].

В процессе воспроизводства своей жизни индивидуумы производят и воспроизводят как материальные условия существования человеческой жизни, так и определенные общественные отношения, в которые они вступают[221]. Сообразно своим производительным силам, при которых люди производят сукно, холст и лен, они производят общественные отношения[222]. Особыми виды производства являются «религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д.»[223].

---

[217] *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. В 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 317.
[218] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 399.
[219] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 117.
[220] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1969. Т. 46. Ч. II. С. 34.
[221] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 385.
[222] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 408.
[223] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 117.

Общественные отношения получают отвлеченные, идеальные выражения: «…Люди, производящие общественные отношения соответственно своему материальному производству, создают также и идеи и категории…»[224]. Поэтому производство общественной жизни включает материальное и духовное производство. Люди производят свои представления и идеи. Духовное производство первоначально «непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»[225]. Продукты духовного производства также являются продуктами историческими и преходящими[226]. Особенностью духовного производства является то, что зачастую «производимый продукт неотделим от акта производства, как это имеет место у всех деятелей исполнительского искусства: чтецов, актеров, учителей, врачей, попов и т. д.»[227].

Общественное воспроизводство распадается на фазы производства, распределения, обмена и потребления. В первом приближении в производстве создаются предметы, соответствующие потребностям; в распределении устанавливается доля индивидуумов в произведенном; обмен доставляет предметы потребления; и «в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее…»[228].

Вместе с тем между различными моментами воспроизводства общественной жизни имеется взаимопроникновение.

Так, производство есть двоякое потребление – субъективное и объективное. В производстве потребляются средства производства, а индивидуумы расходуют свои способности, «точно так же, как естественный акт создания потомства представляет собой расходование жизненных сил»[229]. В потреблении же человек производит свое собственное тело. Потребление завершает производство, так как только в потреблении продукт становится действительно продуктом: «Например, платье становится действительно платьем

[224] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 408.
[225] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 24.
[226] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 408.
[227] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1980. Т. 48. С. 60.
[228] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 715.
[229] Там же. С. 716.

лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, фактически не является действительным домом»[230]. Понятно также, что «потребление полагает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель»[231].

В свою очередь производство придает потребности конкретную определенность, создавая потребителя, его способности. «Предмет искусства – нечто подобное происходит со всяким другим продуктом, писал К. Маркс, – создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой»[232]. Способность к потреблению, являющаяся условием потребления, «представляет собой развитие некоего индивидуального задатка, некоей производительной силы»[233].

Распределение есть не только распределение продуктов, но распределение индивидуумов, в частности, по различным отраслям производства, а также распределение между ними средств производства. Способ распределения не произволен и зависит от количества продуктов, подлежащих распределению[234], и возникает из исторически определенных форм процесса производства и тех «отношений, в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни…»[235].

Обмен заключен в производстве в виде обмена деятельностей вследствие разделения труда. Интенсивность обмена, его масштаб и формы определяются организацией производства[236].

Поскольку распределить, обменять и потребить можно только то, что произведено, то в процессе воспроизводства общественной жизни в целом производство господствует над собой и над другими моментами: «Определенное производство обусловливает, таким образом, определенное потребление, распределение, обмен и определенные отношения этих различных моментов друг к другу»[237].

---

[230] Там же. С. 717.
[231] Там же. С. 718.
[232] Там же.
[233] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1969. Т. 46. Ч. II. С. 221.
[234] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 370.
[235] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 456.
[236] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 725.
[237] Там же. С. 726.

Способ распределения является наиболее консервативным моментом общественного воспроизводства, тормозящим становление каждого нового способа производства или новой формы обмена: «Новый способ распределения завоевывается после долгой борьбы»[238]. Вместе с тем способ распределения может перерастать породивший его способ производства и обмена и вступает с ним в столкновение.

3.3. Процесс труда

В общем виде под трудом «подразумевается всякого рода нужная или целесообразная в какой-нибудь период деятельность, управление, судопроизводство, военные упражнения...»[239]. Но прежде всего труд есть процесс обмена вещества между обществом и природой[240]. Его продуктом является «вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы»[241].

Как и всякий процесс, процесс труда начинается с определенных предпосылок и завершается некоторым результатом. Основными моментами процесса труда являются субъект труда и его живой труд, предмет труда и средства труда, которые применяются в рамках определенного способа труда. Таковы всеобщие моменты «человеческого труда вообще, как только он перестает носить чисто животный характер»[242].

Субъект труда – это люди как носители рабочей силы, или способности к труду. Рабочая сила есть совокупность физических и духовных сил человека, которые он приводит в движение, изменяя внешнюю природу.

Труд превращает предметы природы в предметы человеческих потребностей. Первоначально предмет труда есть предмет природы, которые выделен мысленно и который остается лишь вырвать из стихии природы («дерево, которое рубят в девственном

---

[238] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 152.
[239] Там же. С. 651.
[240] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 188.
[241] Там же.
[242] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 45. С. 77.

лесу, руда, которую извлекают из недр земли»[243]) и включить в социальное движение материи. Сырой материал – вторичный предмет труда, уже измененный трудом («добытая руда, находящаяся в процессе промывки»[244]). Сырой материал составляет субстанцию (субстрат) продукта или участвует в его образовании как вспомогательный материал[245].

Средство труда – это вещь, которая служит человеку проводником его воздействий на предмет труда. При непосредственном овладении предметом (собирании готовых жизненных средств, например плодов) «средствами труда служат только органы тела рабочего»[246]. На первых ступенях человеческой истории наряду с огнем, обработанным камнем, деревом, костями важную роль как средство труда играют прирученные животные[247]. Совокупность механических средств труда составляют «костную и мускульную систему производства», а используемые для хранения и передачи трубы, бочки, корзины, сосуды – «сосудистую систему производства»[248]. В более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия его протекания (земля, рабочие здания, каналы, дороги и т. д.)[249].

Средство труда и предмет труда выступают как средства производства[250]. Живой труд человека охватывает эти вещи, ассимилирует их[251]. В живом труде «человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»[252].

В конце процесса труда получается его результат – множество предвиденных и непредвиденных, непосредственных изменений и

---

[243] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 189.
[244] Там же. С. 190.
[245] Там же. С. 192.
[246] Там же. С. 190.
[247] Там же. С. 191.
[248] Там же.
[249] Там же.
[250] Там же. С. 192.
[251] Там же. С. 194.
[252] Там же. С. 189.

отдаленных последствий, которое повлек за собой живой труд. Продукт труда – часть совокупного результата труда, которая представлялась идеально, как его цель. Побочный продукт труда – часть вызванных трудом изменений, которые не были его целью. Эти изменения могут иметь характер непредвиденных последствий: «Когда альпийские итальянцы вырубали на южном склоне гор хвойные леса, так заботливо охраняемые на северном, они не предвидели, что этим подрезывают корни высокогорного скотоводства в своей области; еще меньше они предвидели, что этим они на большую часть года оставят без воды свои горные источники, с тем чтобы в период дождей эти источники могли изливать на равнину тем более бешеные потоки»[253].

Труд – это форма социального движения, включающего, как и всякое движение, моменты изменения и покоя. Живой труд есть момент изменения в трудовой деятельности. В продукте живой труд овеществлен, опредмечен, «выступает в форме покоящегося свойства»[254]. Система трудовой деятельности – единство производительных сил, состоящее из живой и опредмеченной компонент. Ведущей стороной этого противоречия является живой труд. Опредмеченный, накопленный труд, представленный в рабочей силе и средствах производства, объективирует в себе новый уровень развития живого труда и составляет объективные условия для его дальнейшего протекания. Живой труд совершенствует, развивает средства производства и рабочую силу, а более совершенные производительные силы выступают как предпосылка развития живого труда.

Коренные перевороты в трудовой деятельности как системе производительных сил выступают в виде технологических революций[255]. Вся история производительных сил может быть охарактеризована, по мнению Ф. Энгельса, как история промежутка времени от практического открытия превращения механического движения в теплоту (добывание огня трением) до открытия превращения теплоты в механическое движение (изобретение паровой машины). При этом «добывание огня трением превосходит паровую

[253] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 496.
[254] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 192.
[255] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1973. Т. 47. С. 461.

машину по своему всемирно-историческому освободительному действию»[256].

Ассимилируя вещество природы, труд обеспечивает воспроизводство и развитие природного субстрата общественной жизни. Труд есть основной вид деятельности человека. Все производные виды деятельности существуют в рамках того спектра возможностей, той материально-технической базы, которые созданы трудом. Так, военная деятельность требует «весьма реальных предпосылок для своего осуществления, в особенности – известных орудий, из которых более совершенное одерживает верх над менее совершенным; далее, что эти орудия должны быть произведены и что уже вследствие этого производитель более совершенных орудий насилия, vulgo [попросту говоря] оружия, побеждает производителя менее совершенных орудий; одним словом, что победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще...»[257].

Значение труда и в том, что он является одним из генетически первичных видов деятельности, поэтому структура труда выступает основой для структурирования производных видов деятельности. Трудовая деятельность есть исходный процесс, в качестве модификаций и опосредствований которого формируются и функционируют другие виды деятельности. Поэтому ее можно рассматривать и как некоторый «эталон», пригодный для характеристики других видов деятельности.

3.4. Разделение труда

Совокупная рабочая сила осуществляет трудовую деятельность как совместно (в рамках кооперации труда), так и специализированно (в рамках разделения труда). Отношения между субъектами труда, связанных кооперацией и разделением труда, образуют систему трудовых отношений[258]. В этих отношениях взаимодействуют субъекты труда, располагающие функционально специализированными средствами производства.

[256] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 116–117.
[257] Там же. С. 170.
[258] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 90.
В советских учебных изданиях по историческому материализму 1920–1930-х годов выделение трудовых (или технических) отношений

Так, в мануфактуре рабочие инструменты дифференцируются и специализируются, принимают формы, особенные для каждого применения. Например, в Бирмингеме изготовлялось до 500 разновидностей молотков, причем «зачастую несколько разных молотков служат для отдельных операций одного и того же процесса»[259]. Благодаря специализации каждый такой инструмент «действует в полную свою меру лишь в руках специфического частичного работника»[260].

В первобытной истории половозрастное разделение труда дополняется хозяйственно-культурной специализацией, обусловленной дифференциацией природных условий, разнообразием естественных продуктов. Общины различаются по способу производства, образу жизни и производимым продуктам, так находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы[261].

Особое искусство могло вести к обособлению отдельных мастеров, работавших за счет и на пользу всего коллектива[262].

С выделением пастушеских племен из остальной массы варваров состоялось первое крупное общественное разделение труда[263]. Второе крупное разделение труда усматривается в отделении ремесла от земледелия[264]. Отделение промышленного и торгового труда от труда земледельческого ведет к отделению города от деревни и к противоположности их интересов[265]. Но даже в эпоху феодализма разделение труда было незначительно: «В каждой стране существовала противоположность между городом и деревней; сословная структура имела, правда, резко выраженный характер, но, помимо разделения на князей, дворянство, духовенство и крестьян в деревне и на мастеров, подмастерьев, учеников, а вскоре также и

представлялось очевидным, но дискуссионным из-за возможного отождествления их с производственными или экономическими (классовыми) отношениями.

[259] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 353.

[260] Там же.

[261] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 364.

[262] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 160.

[263] Там же.

[264] Там же. С. 163.

[265] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 20.

плебеев-поденщиков в городах, не было сколько-нибудь значительного, разделения труда»[266].

Общественное разделение труда достигло высокой степени в Древнем Египте, где «воровство являлось видом особого ремесла с официально признанным лицом во главе»[267]. Кроме того, согласно закону, древнеегипетские врачи специализировались на отдельных частях тела[268].

Действительным разделение труда становится с появлением разделения материального и духовного труда в среде господствующего класса[269]. Внутри этого класса одна его часть выступает в качестве мыслителей этого класса, в то время как другая, более активная часть класса относится к этим мыслям пассивно и с готовностью воспринимает их[270]. Мысли господствующего класса, располагающего средствами духовного производства, являются господствующими мыслями эпохи.

Разделение труда происходит и среди интеллектуалов. Уже в естествознании XIX века сложилось разделение труда, при котором «каждый исследователь более или менее ограничивался своей специальной отраслью знания и лишь немногие сохраняли способность к обозрению целого»[271].

Государство также появляется вследствие разделения труда[272]. Для охраны общих интересов и для отпора противодействующим интересам учреждаются особые органы. Например, в Персии и Индии государство выполняло функцию совокупного предпринимателя в деле орошения речных долин[273].

Разделение властей есть «прозаическое деловое разделение труда, примененное к государственному механизму в целях упрощения и контроля»[274]. Во Франции времен абсолютной монархии

---

[266] Там же. С. 23.
[267] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 15. С. 434.
[268] Там же.
[269] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 46.
[270] Там же.
[271] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 352.
[272] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 417.
[273] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 28. С. 184.
[274] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 203.

централизованная государственная власть с ее органами – постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием, – уже была построена по принципу систематического и иерархического разделения труда[275].

Каждая новая отрасль разделения труда опосредствует материальное производство и влияет на его развитие. Так, с появлением в системе общественного разделения труда профессиональных юристов, «открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая при всей своей общей зависимости от производства и торговли все же обладает особой способностью обратно воздействовать на эти области»[276].

В общественной жизни часты жалобы на чрезмерное разрастание тех или иных отраслей труда. К. Маркс отмечал, что «отдельные частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья естественно выросшего общественного разделения труда, постоянно приводятся к своей общественно пропорциональной мере»[277]. Но для понимания этого необходимо вполне развитое товарное производство.

[275] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 17. С. 612.
[276] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 417–418.
[277] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 85.

Глава 4. ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ

4.1. Понятие общественного класса

Неизбежным следствием незначительного развития производительных сил является разделение населения на общественные классы. Одни классы заняты непосредственным трудом, а другие ведают управлением трудом, государственными дела, правосудием, наукой, искусством и т. д. Таким образом, в основе классового деления классы лежит разделение труда[278].

К классам населения применимо следующее определение: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[279].

В качестве отдельных классов могут рассматриваться как крупные классы, так и их составляющие (градации), которые также именуются фракциями и слоями. Общество Древнего Рима представлено классами патрициев, всадников, плебеев, рабов, а также люмпен-пролетариев. Европейское Средневековье представлено классами феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных[280], а также классами священников, купцов, офицеров и гражданских чиновников, внецеховых поденщиков.

Вследствие участия в общественном разделении труда общественные классы выполняют необходимые социальные функции. В связи с этим «Маркс признает историческую неизбежность, следовательно, и обусловленность существования античных рабовла-

[278] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 187.
[279] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 15.
[280] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 425.

дельцев, средневековых феодалов и т. д. в ограниченные определенными рамками исторические периоды, в течение которых они являлись рычагами развития человечества»[281].

Неизбежным и необходимым элементом общества была земельная аристократия[282].

Бюрократия управляет мелкими буржуа и крестьянами: «Эти классы распылены в небольших городах или деревнях, интересы их не выходят за самые узкие местные рамки и поэтому им неизбежно свойственен ограниченный кругозор, соответствующий их ограниченным условиям жизни. Они не могут управлять большим государством, у них не может быть ни достаточного кругозора, ни достаточных знаний для того, чтобы согласовать друг с другом различные, взаимно сталкивающиеся интересы. … Таким образом, мелкие буржуа и крестьяне не могут обойтись без могущественной и многочисленной бюрократии. Они вынуждены допускать опеку над собой, чтобы избежать крайнего хаоса и разорения от сотен и тысяч процессов»[283].

Капиталистический класс создал в XIX веке гигантские фабрики, огромный торговый флот и все растущую железнодорожную сеть. «Не подлежит сомнению, что, пока капиталистический класс выполнял эту функцию, – писал Ф. Энгельс, – он был при тех условиях необходимым классом»[284]. Исторически-социальная функция капитала состоит также в том, что он вынуждает значительную часть общества к труду сверх ее непосредственной нуждаемости: «Тем самым создается всеобщее трудолюбие общества вообще, выходящее за пределы того времени, которое требуется для удовлетворения непосредственных физических потребностей самих работников»[285].

К. Маркс также пояснял, что «историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда, с одной стороны, потребности будут развиты настолько, что сам прибавочный труд, труд за пре-

---

[281] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 507.
[282] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 296.
[283] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 56–57.
[284] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 297.
[285] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1973. Т. 47. С. 251.

делами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, проистекающей из самих индивидуальных потребностей людей, и когда, с другой стороны, всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения, – когда, наконец, это всеобщее трудолюбие, благодаря развитию производительных сил труда, постоянно подстегиваемых капиталом, одержимым беспредельной страстью к обогащению и действующим в таких условиях, в которых он только и может реализовать эту страсть, приведет к тому, что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будут требовать от всего общества лишь сравнительно незначительного количества рабочего времени и что, с другой стороны, работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии; – следовательно, тогда, когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека»[286].

Отмирая, общественный класс передает свою социальную функцию другим классам. На акционерных предприятиях «социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих, получающих заработную плату; а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять»[287].

Социальная функция рабочего класса заключается состоит в развитии современной промышленности, в превращении разрушительных сил природы в неисчерпаемые производительные силы человека и создании материальных предпосылок всеобщего изобилия[288]. Создав производительные силы современной промышленности, он выполнил первое условие освобождения труда.

Общественные классы могут выполнять свои социальные функции коллективно, организованно (ассоциировано), что позволяло говорить о различных исторических формах социализма[289]. Это

---

[286] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 280.
[287] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 19. С. 298.
[288] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 123.
[289] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 448–457.

наиболее очевидно применительно к господствующим классам. В Античности «граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности»[290]. На общности, выраженной в иерархической структуре землевладения, основывается феодализм: «Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, была ассоциацией, направленной против порабощенного, производящего класса; различны были лишь форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям, ибо налицо были различные условия производства»[291]. Аналогичные иерархические организованные ассоциации возникали и у других классов. В городах Средневековья цеховая иерархия закрепляла «корпоративную собственность, феодальную организацию ремесла»[292], основывающуюся не объединении против дворянства, а также на потребности в регулировании общего рынка. С развитием капитализма рабочие объединяются в коалиции с целью прекратить конкуренцию собой и общими силами противостоять капиталистам[293], сообща защищать своей заработную плату и обеспечить себя средствами на случай возможных столкновений[294]. Эти формы ассоциации в рамках общественного класса могут быть также описаны как совместная частная собственность на средства производства или рабочую силу (чужую или свою собственную).

Каждый класс в своем развитии проходит различные исторические фазы. Эти фазы дифференцируются по разным критериям. Например, буржуазия в первой фазе складывается в класс в условиях господства феодализма, а во второй фазе ниспровергает феодализм и создает буржуазное общество[295]. Пролетариат в буржуазном обществе первоначально развивается как *класс в себе*, не осознавая объективно обусловленной общности интересов. В борьбе пролетариат сплачивается и конституируется как *класс для себя*[296].

[290] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 21.
[291] Там же. С. 23.
[292] Там же.
[293] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 183.
[294] Там же. С. 432.
[295] Там же. С. 183.
[296] Там же.

В историческом материализме принято считать, что классы не существовали в первобытности, т. е. в первичной общественной формации («…невозможно расслоение племени и рода на различные классы»[297]). Наряду с этим в настоящее время показано, что организация первобытных обществ характеризуется наличием половозрастных классов, различающихся отношением к средствам производства и т. п., что закреплено обычным правом. В связи с этим представляет интерес замечание Ф. Энгельса о том, что «первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским»[298].

Упразднение классов представляется уже возможным, так как достигнута ступень развития, когда «присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, – а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, – не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития»[299].

4.2. Типы общественных классов

Общественные классы подразделяются на основные классы, переходные классы и промежуточные классы.

Основные классы – общественные классы, взаимодействие которых конституирует определенный способ производства. Классовые отношения между ними являются антагонистическими отношениями эксплуатации, господства и подчинения. Во всех общественных укладах господствующим классом является класс, владеющий условиями труда, а подчиненным классом является тот класс, который в качестве рабочей силы сам находится во владении собственников или распоряжается только своей рабочей силой[300].

[297] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 159.
[298] Там же. С. 68.
[299] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 293.
[300] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1973. Т. 47. С. 144.

Господствующие классы – исторически активные классы[301]. Становление класса в качестве господствующего класса в известной мере вынужденно. Мелкий буржуа обеспечивал себе некоторое влияние на власть благодаря своей пассивности, неподатливости и инертности. Для буржуа этого недостаточно: «Он должен сделать свой класс господствующим, а свой интерес решающим – в законодательстве, управлении, юстиции, налоговом обложении и внешней политике. Чтобы не погибнуть, буржуазия должна беспрепятственно развиваться, ежедневно увеличивать свои капиталы, ежедневно уменьшать издержки производства своих товаров, ежедневно расширять свои торговые связи, свои рынки, ежедневно улучшать свои пути сообщения. К этому ее побуждает конкуренция на мировом рынке. А чтобы иметь возможность свободно и полно развиваться, она как раз и нуждается в политическом господстве, в подчинении всех других интересов своим интересам»[302].

В то же время класс никогда не господствует в целом. Так, крупная буржуазия «раскалывается на правящую и оппозиционную партии, которые обычно представлены на одной стороне банками, а на другой – фабрикантами»[303]. Последние соединяются для совместной борьбы со средней и мелкой буржуазией.

Промежуточные классы – классы, занимающие промежуточное положение между основными классами и не принадлежащие ни к одному из них. Промежуточные классы постоянно формируются из членов основных классов и могут существовать в обществах разной формационной принадлежности.

Класс мелких ремесленников и торговцев в Германии занимал промежуточное положение между классом более крупных капиталистов (торговцев и промышленников) и классом пролетариата (классом промышленных рабочих). Стремясь к положению класса капиталистов, при малейшем неблагоприятном повороте судьбы его представители оказывались в рядах пролетариата[304]. Неустойчивость положения, обусловленная в том числе зависимостью

[301] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 72.
[302] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 60.
[303] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 115.
[304] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 10.

от заказов дворянства и чиновничества, ведет к эмоциональным колебаниям – от страха к надежде, к чрезвычайной шаткости взглядов, попеременному переходу от состояния смирения и лакейства к приступам неистового демократизма[305].

К промежуточному классу при капитализме относится также многочисленный класс промышленных и торговых управляющих, выполняющих антагонистический труд по отношению к пролетариату[306].

В рамках вертикальной социальной мобильности возможен переход из подчиненного класса в господствующий класс. В Средние века «католическая церковь создавала свою иерархию из лучших умов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состояние»[307], что было главным средством укрепления господства попов и угнетения мирян.

По общему правилу, как полагал К. Маркс, «чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство»[308]. Так, в буржуазном обществе человеку без средств, но обладающему энергией, солидностью, способностями и знанием дела (оценка предпринимательских данных каждого производится более или менее правильно) предоставляют кредит как потенциальному капиталисту, что сильно способствует «появлению новых счастливчиков, весьма нежелательных для уже существующих капиталистов, укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать все новые и новые силы из низших слоев общества»[309].

Основные классы одной формации могут возникать из одного из промежуточных классов предшествующей формации. В частности, буржуазия и пролетариат вылупляются из феодального бюргерства[310].

Влияние промежуточных классов в определенные исторические периоды в отдельных странах может быть весьма значительным.

---

[305] Там же. С. 10–11.

[306] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. I. С. 428.

[307] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 150.

[308] Там же.

[309] Там же.

[310] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 108.

Так, организованный в рамках «Общества 10 декабря» люмпен-пролетариат («отбросы из деморализованных элементов всех классов»[311] – бродяги, жулики, уличные мальчишки, карманные воры, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие) стал основной опорой «царственного люмпен-пролетария»[312] Шарля-Луи Наполеона Бонапарта: «Бонапарт, становящийся во главе люмпен-пролетариата, находящий только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться, – таков подлинный Бонапарт, Бонапарт sans phrase»[313].

Многие промежуточные классы (чиновничество, люмпен-пролетариат и др.) настолько устойчивы, что сохраняются в ряде общественных формаций, переходя из одной формации в другую.

Переходные классы – общественные классы, характерные для предыдущей общественной формации и сохранившиеся в более высокой общественной формации (например, крестьяне, мелкая буржуазия и земельные собственники в системе буржуазной общественной формации).

В условиях более высокой общественной формации переходные классы трансформируются. «…Старые феодалы опустились до положения фабрикантов скота, шерсти, зерна, свекловицы, водки и т. д., до положения людей, которые, подобно всем другим торговцам, торгуют этими продуктами промышленности! Как бы ни цеплялись они за свои старые предрассудки, фактически они превращаются в буржуа, производящих как можно больше с возможно меньшими затратами, покупающих там, где можно дешевле купить, и продающих там, где можно дороже продать»[314].

---

[311] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 419.
[312] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 168.
[313] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 176.
[314] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 258.

По другим признакам в историческом материализме классы подразделяются на высшие, средние и низшие классы, богатые и бедные классы, образованные и необразованные классы.

4.3. Классовая борьба

В историческом материализме акцентируется такой вид взаимодействий классов как классовая борьба. Отмечается, что история всех существовавших обществ была историей борьбы классов, которые «находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»[315].

Великий закон движения истории усматривался в том, что «всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов»[316]. Этот закон по значению сравнивался с законом превращения энергии в естествознании.

Борьба классов осуществляется в различных, скрытых и явных формах. Раб подвергает дурному обращению и порче орудия труда, что вынуждало предоставлять им наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда[317]. В царской России в предреформенный период «между крестьянами и помещиками шла партизанская война»[318]. В Англии стачки вели к изобретению и применению новых машин – оружия капиталистов против возмущений квалифицированных рабочих[319].

Классовая борьба ведется на различных уровнях организации – от индивидуального до национального и международного. В качестве действительного результата борьбы рабочих оценивается «не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение»[320].

---

[315] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 424.
[316] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 259.
[317] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 208.
[318] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 429.
[319] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 179.
[320] Там же. С. 432.

Классовая борьба ведется не только между основными, но и между промежуточными общественными классами. Так, в 1848 году в Париже «организованный люмпен-пролетариат выступил против неорганизованного занятого трудом пролетариата»[321]. А «французские рабочие во время каждой революции писали на домах: «Mort aux voleurs!» – «Смерть ворам!» – и многих из них расстреливали…»[322]. Мелкий буржуа противопоставлял «дворянству и бюрократии свою пассивность и неподатливость»[323].

Устойчивость классовой борьбы обусловлена тем, что в соответствии с законом единства и борьбы противоположностей классы полагают друг друга. Например, с течением времени латифундии порождают мелкое производство, а последнее «неизбежно снова порождает латифундии»[324]. В Соединенных Штатах Америки классы «в беспрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу»[325].

В соответствии с законом взаимного проникновения противоположностей классовая борьба ведет к взаимному отрицанию классов, что находит проявление во взаимополагании и взаимном отождествлении противоположностей.

Мелкая буржуазия, будучи типичным классом средневековой Германии, придала мелкобуржуазность немецкому дворянству, промышленникам, банкирам и судовладельцам. «Даже рабочие классы в Германии насквозь мелкобуржуазны»[326], – замечал Ф. Энгельс. Буржуазной ступенью мышления (применительно к американским рабочим) он считал требования высокой заработной платы и короткого рабочего дня[327]. Обуржуазилось прусское дворянство: «Вместо верности, любви и веры оно стало торговать преимущественно свекловицей, водкой и шерстью. Главным местом турнира для него стал рынок шерсти»[328].

---

[321] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 137.
[322] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 419.
[323] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 60.
[324] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 86.
[325] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 127.
[326] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 54.
[327] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 415.
[328] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 111.

Слой обуржуазившихся рабочих, пользующихся «крохами от прибылей» получил название рабочей аристократии[329] (и бюрократии[330]). С середины XIX века наряду с английской аристократией все более и более обуржуазивался английский пролетариат, становясь «буржуазным пролетариатом»[331]. Ф. Энгельс иронизировал, что «эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией»[332].

Примером обуржуазивания может служить спекуляция хлопком в 1861 году в Ливерпуле: «Зубные врачи, хирурги, адвокаты, кухарки, вдовы, рабочие, конторские служащие и лорды, актеры и духовенство, солдаты и портные, газетные сотрудники и содержатели меблированных комнат, мужчины и женщины – все спекулировали на хлопке» [333].

В более широком плане утверждалось, что «с самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного»[334]. Благодаря режиму антагонизма развивались производительные силы: «Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней»[335].

По-видимому, не случаен тот факт, что до 90% стачек вызваны фабрикантами как средство сокращения производства: «Вы никогда не уговорите фабрикантов согласиться на сокращение рабочего времени, хотя бы их товары и вовсе не находили сбыта; но заставьте рабочих объявить стачку, и капиталисты все до одного закроют свои фабрики»[336].

[329] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 264; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 248.
[330] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 228.
[331] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 29. С. 293.
[332] Там же.
[333] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 15. С. 367.
[334] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 96.
[335] Там же.
[336] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 22. С. 335–336.

4.4. Классовые компромиссы и союзы

Выделяются различные типы взаимодействий между классами – различные виды положительных и отрицательных взаимодействий, нейтральное взаимодействие. Ф. Энгельс напоминал, что даже в природе нельзя видеть только борьбу: «Взаимодействие мертвых тел природы включает гармонию и коллизию; взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу»[337]. Возможны и нейтральные взаимодействия: отсюда установка на нейтрализацию крестьянства в пролетарской революции[338].

В результате классовой борьбы (если она не дошла до общей гибели борющихся классов) устанавливается классовый компромисс. Британский философ Д. Локк был «сыном классового компромисса 1688 года»[339]. В прусской бюрократической монархии установился компромисс между дворянством и мелкой буржуазией, в результате которого управление передано классу бюрократии: «В формировании этого класса обе высокие договаривающиеся стороны принимают участие соответственно положению, занимаемому ими по отношению друг к другу: дворянство, представляющее более важную отрасль производства, оставляет за собой более высокие посты, мелкая буржуазия довольствуется низшими и лишь в исключительных случаях поставляет кандидатов на высшие административные должности»[340]. Распыленность и раздробленность различных отрядов рабочего класса Германии середины XIX века ведет тому, что «каждая отдельная часть рабочих становится вспомогательным войском для нанимающего ее класса»[341]. Если разные классы работодателей конфликтуют, такая же борьба происходит между нанимаемыми ими группами рабочих. Соответственно, не

---

[337] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 622.
[338] *Каутский К.* Аграрный вопрос. М., 2012. С. 315.
[339] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 419.
[340] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 47.
[341] Там же. С. 52.

только пролетариат в лице профсоюзов, но и «сторонник пролетарской революции может заключать компромиссы или соглашения с капиталистами»[342].

Основой компромиссов является участие классов в разделении труда и выполнении необходимых социальных функций. Ф. Энгельс полагал, что законом исторического развития европейских стран является то, что буржуазии «не удается – по крайней мере на продолжительное время – овладеть политической властью так же безраздельно, как ею владела феодальная аристократия в течение средних веков»[343]. Но, возможно, этот закон действителен для всех стран и периодов истории.

В Средневековье феодалам противостоял союз королевской власти и бюргерства. Этот союз нередко «нарушался в результате конфликтов, – ведь в течение всех средних веков развитие не шло непрерывно в одном направлении, – и вновь возобновлялся, становясь все крепче, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, а королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника»[344].

В буржуазном обществе часть власти сохраняют феодальные касты. Представители английского среднего класса, будучи совершенно необразованными выскочками, «волей-неволей должны были предоставлять аристократии все те высшие правительственные посты, где требовались иные качества, чем островная ограниченность и островное чванство, сдобренные деловой изворотливостью» [345]. «Да и что бы стал делать британский буржуа, – писал Ф. Энгельс – без своей аристократии, которая и манерам его обучала – манерам, достойным учителя, – и моды для него изобретала, и доставляла ему офицеров для армии, этой охранительницы порядка внутри страны, и для флота, завоевывающего новые колониальные владения и новые внешние рынки?»[346]. Французские рево-

---

[342] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1974. Т. 40. С. 289.

[343] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 315–316.

[344] Там же. С. 411–412.

[345] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 312.

[346] Там же.

люционеры «вынуждены были даже в обычном управлении предоставлять второстепенные, но связанные с непосредственной практической деятельностью посты, прежним реакционерам...»[347].

В Англии буржуазию и пролетариат в XIX веке связывало совместное стремление к промышленной монополии на мировом рынке. Это определяло политическую пассивность английских рабочих: «Плетясь в хвосте за буржуазией в деле экономического использования этой монополии, но все же всегда участвуя в ее прибылях, они, естественно, в политическом отношении плетутся в хвосте «великой либеральной партии», которая, со своей стороны, бросает им кое-какие мелкие подачки – признала за ними право на тред-юнионы и стачки, отказалась от борьбы за неограниченный рабочий день и предоставила право голоса категории лучше оплачиваемых рабочих»[348]. С окончательным перемещением промышленности в другие регионы мира высшие классы могут долго оставаться банкирами и ростовщиками мира (как это было ранее с венецианцами и голландцами), но последнее звено, связывающее английский рабочий класс с английской буржуазией может быть разбито[349].

Взаимозависимость и относительная слабость общественных классов вынуждает вступать их в классовые союзы. В буржуазных революциях боевой армией буржуазии являются крестьяне[350]. На ступени мануфактурного капитализма буржуазия для достижения своих политических целей приводит в движение весь пролетариат, который борется «не со своими врагами, а с врагами своих врагов – с остатками абсолютной монархии, землевладельцами, непромышленными буржуа, мелкими буржуа»[351]. В Германии буржуазия под своим знаменем объединила большую часть землевладельцев, предпринимателей, мелких буржуа, крестьян, рабочих[352]. Луи Бонапарт возглавил классовый союз, который включал люмпен-пролетариев, крестьян, чиновников, армию, духовенство.

---

[347] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 163.
[348] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 51–52.
[349] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 273.
[350] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 308.
[351] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 432.
[352] Там же. С. 55.

Классовые союзы могут иметь частичный характер, то есть заключаться с одной из фракций класса. Английскую аристократию поддерживали держатели ценных бумаг, банкиры, лица, имеющие гарантированный доход, значительная часть судовладельцев, и «именно этот раскол буржуазии и спасал аристократию от окончательной гибели»[353]. Английские рабочие поддержали фритредеров в их борьбе за отмену хлебных законов. А землевладельцы в отместку фабрикантам поддержали рабочих в принятии билля о десятичасовом рабочем дне[354].

В Великобритании политическое влияние рабочих реализовывалось через участие в демонстрациях: «Эмансипация католиков, билль о реформе, отмена хлебных законов, билль о 10-часовом рабочем дне, война с Россией, отклонение пальмерстоновского билля о заговорах – все это было результатом бурных внепарламентских демонстраций, в которых рабочий класс, то искусственно подстрекаемый, то действуя по собственному побуждению, выступал либо в качестве persona dramatis [действующего лица], либо в качестве хора и играл, смотря по обстоятельствам, то главную роль, то роль шумной толпы»[355].

Участие в классовых союзах политически развивает пролетариат[356], но влечет за собой участие в решении исторических задач других классов. «…Немецкий мещанин … никогда ни одной революции не сделал, – писал Ф. Энгельс. – Революцию 1848 г. сделали за него к его ужасу – рабочие»[357]. Но ужас оказался настолько велик, что буржуазия, которая была антифеодальной, сама восстановила феодализм[358].

В будущей пролетарской революции, как предполагалось, рабочий класс не будет самодостаточен: «Для того чтобы овладеть средствами производства и пустить их в ход, нам нужны технически подготовленные люди и притом в большом количестве. Их у нас нет…»[359].

---

[353] Там же. С. 191.
[354] Там же. С. 410.
[355] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 15. С. 465.
[356] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 433.
[357] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 210.
[358] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 45.
[359] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 163.

Глава 5. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОРМАЦИИ [360]

5.1. Формационный подход

Термин «формация» используется в различных науках – от алгебры, геологии и почвоведения до анатомии, ботаники и лингвистики. В общем виде под формацией понимается структура, возникшая на определенной стадии развития.

В геологии формация – сочетание горных пород, связанных общностью условий образования (например: осадочная формация, магматическая формация и т. п.)[361]. Растительная формация – сообщество растений, связанных общностью ландшафта (луговая формация) либо в котором доминирует один из видов (формация сосны обыкновенной). В естествознании формация – это классификационная единица. Поэтому формаций – сотни и тысячи в зависимости от их состава и локализации (например: куонамская битуминозная карбонатно-сланцевая формация).

Г.В.Ф. Гегель иронизировал над поверхностным пониманием последовательности различных формаций как простого ряда событий в истории геологического организма, различающихся только по времени: «Сперва идут, говорят нам, первичные гранитные породы, самые низшие пласты, возникшие друг за другом во времени, затем идет возрожденный, растворенный гранит, снова осевший. Более высокие напластования, например, флецовые породы, осели позже, в трещины излилась жидкая масса и т. д.»[362]. При таком способе объяснения вертикальная рядоположенность превращается в последовательность: «Весь этот способ объяснения есть не что иное, как; как если бы, видя перед собой дом с тремя этажами и с крышей, я стал бы глубокомысленно рассуждать и пришел бы к заключению: «Итак, сначала был построен первый этаж и уже потом только второй» и т. д. Почему известняк появился позже? Потому

---

[360] Используются также термины «историческая формация», «общественно-экономическая формация», «экономическая общественная формация», «экономическая формация».

[361] В «Истории Ирландии» Ф. Энгельс дает детальную характеристику геологических формаций острова. См.: *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 522–528.

[362] *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. М., 1975. С. 372.

что я вижу, что известняк лежит над песчаником. Это поверхностная точка зрения»[363]. Г.В.Ф. Гегель полагал, что необходимо познать всеобщий закон этой последовательности формаций, не прибегая к форме истории, а исходя из содержания и свойств этих образований

По аналогии с концепцией геологических формаций К. Маркс ввел представление об общественных формациях: «Архаическая или первичная формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи»[364]. Из выражения «напластования различных периодов», явно обозначающего следующие друг за другом субформации, можно видеть, что в понятие общественной формации вкладывался (как и в геологии) стратиграфический и генетический смысл.

Таким образом, К. Маркс представлял общественный организм в стратиграфическом разрезе как совокупность напластований, образовавшихся в различные исторические эпохи. Прошлая эпоха не исчезает бесследно, а снята («снята», т. е. «одновременно преодолена и сохранена», преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию»[365]) в структуре общества, сохраняется как один из его структурных уровней. Структура определяется развитием, она есть снятый генезис.

В соответствии с законом последовательности напластования при нормальном развитии каждый подстилающий пласт древнее покрывающего. Верхний пласт составляет поверхность буржуазного общества. Эта формация только формируется и обновляется: «Буржуазная промышленность и торговля создают эти материальные условия нового мира подобно тому, как геологические революции создали поверхность земли»[366].

[363] Там же.
[364] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 413.
[365] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 142.
[366] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 230.

В связи с этим важным является различие между поверхностью общественной жизни и ее недрами, нижележащими пластами. Революции 1848 года оценивались как мелкие эпизоды, незначительные трещины в твердой коре европейского общества. «Но они вскрыли под ней бездну, – писало К. Маркс. – Под поверхностью, казавшейся твердой, они обнаружили колышущийся океан, которому достаточно прийти в движение, чтобы разбить на куски целые материки из твердых скал»[367]. В 1857 году во Франции, на его взгляд, социальная поверхность уже колышется и вздымается под действием подземного огня[368].

Ассоциируя поверхность общества с политическими формами, сокровенные недра социальной жизни, ее глубокую основу К. Маркс видел в производстве[369] или в динамике форм собственности[370]. Это действительно верно применительно к одному из пластов общества. Но под тонкой пленкой буржуазной цивилизации скрыты пласты предыдущих формаций, которые обнаруживаются, например, как варварство. Так, во время подавления французской революции в июне 1848 года буржуа расстреливали рабочих как диких зверей[371]. Война велась на уничтожение: «Буржуа убивали всех без исключения, кто попадался им под руку»[372]. Внутреннее варварство проявлялось и в эксцессах французских крестьян: «…Ничего иного и нельзя было ожидать от этого варварского племени. Их нисколько не интересует правительство и т. д.; прежде всего они стремятся разрушить дом сборщика податей и нотариуса, изнасиловать его жену, а его самого избить до смерти, если он попадет им в руки»[373]. А без всяких покровов, в обнаженном виде варварство, скрытое буржуазной цивилизацией, выступает в колониях[374].

Следовательно, ни одна общественная формация не погибает окончательно и не исчезает совсем. Формации сохраняются в виде

[367] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 3.
[368] Там же. С. 245.
[369] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 186.
[370] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 434–435.
[371] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 132.
[372] Там же. С. 133.
[373] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 351.
[374] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 229.

определенных пластов общественного организма и обеспечивают его функционирование.

5.2. Типы общественных формаций

Укрупненно К. Маркс выделял две общественные формации – первичную (архаическую) и вторичную[375]. Первичная общественная формация основана на общей (общинной) собственности, а вторичная – на частной собственности[376].

При этом первичная общественная формация включает ряд фаз. «…Подобно геологическим образованиям и в этих исторических образованиях, – писал К. Маркс о первобытных общинах – есть ряд типов первичных, вторичных, третичных и т. д. …»[377]. На его взгляд, существует ряд общественных формаций, основу которых составляет общинная собственность[378].

Один из типов архаической общественной формации представлен кровнородственной общиной[379], а новейший тип этой же формации представлен в историческом движении Азии, Западной Европы, Ост-Индии и России земледельческой общиной. По сравнению с более древними типами архаической общественной формации земледельческая (сельская) община есть последнее слово (этап, период) этой формации[380].

Вторичная общественная формация охватывает ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве[381]. К. Маркс пишет, что азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства – прогрессивные эпохи экономической общественной

[375] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 404.
[376] Там же. С. 404, 419.
[377] Там же. С. 403.
[378] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1969. Т. 46. Ч. II. С. 394.
[379] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 414.
[380] Там же. С. 403, 418.
[381] Там же. С. 419.

формации[382]. Он также пишет о различных экономических общественных формациях[383] и о буржуазной общественной формации[384]. Последней предшествовал целый ряд более старых формаций общественного производства[385]. Различные общественные формации отличались «только формой выжимания прибавочного труда»[386].

Следовательно, в рамках вторичной общественной формации предполагалось существование ряда субформаций, основывающихся на различных способах производства. Эти формации имеют различную локализацию (Азия, Античность). Феодальное развитие начинается в Европе: «Если для Античности исходным пунктом служил город и его небольшая округа, то для Средневековья исходным пунктом служила деревня. Эта перемена исходного пункта была обусловлена редкостью и рассеянностью по обширной площади первоначального населения, которое приток завоевателей не увеличивал сколько-нибудь значительно»[387]. Как мы видим, античный и феодальный способы производства могут выступать не как последовательно сменяющие друг друга эпохи, а в качестве альтернативных вариантов общественного прогресса, относительная успешность которых обусловлена местными условиями.

Кроме «прогрессивных эпох экономической общественной формации» выделяются и другие способы производства, например, патриархальный строй, кастовый строй и цеховой строй[388] (цеховой способ производства[389]), а также способ производства кочевников. Самостоятельное значение имел способ производства мелких собственников[390]. Вследствие изолированности и особенных природных условий Норвегии свободное мелкое крестьянство и мел-

---

[382] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 7.
[383] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1973. Т. 47. С. 281.
[384] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 8.
[385] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 307.
[386] Там же. С. 274.
[387] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 22.
[388] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 153.
[389] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 45. С. 77.
[390] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 771. См. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1980. Т. 48. С. 30.

кая буржуазия представляли собой нормальное состояние общества в течение многих столетий[391]. Но эти способы производства отличались застойным характером.

Множественность способов производства в составе вторичной общественной формации позволяла говорить об «общественной формации, в которой преобладает капиталистический способ производства»[392]. Следовательно, допускается сочетание в одной общественной формации нескольких способов производства, подобно сочетанию горных пород в геологической формации или видов растений в растительной формации. Например, капитализм сочетается с рабством (и не только в Античности): «Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т. д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля – необходимое условие крупной машинной промышленности. До установления торговли неграми колонии давали Старому свету очень мало продуктов и не изменяли сколько-нибудь заметно лицо мира»[393].

Необходимость сочетания капитализма с другими способами производства обусловлена и тем, что капитализм характеризуется суженным воспроизводством работников наемного труда и вынужден пополнять ряды пролетариата за счет избытка населения, формируемого иными способами производства материальной жизни людей: «…капиталистическое производство не может обойтись без рабочих сил из других социальных формаций»[394]. По заключению Р. Люксембург, буржуазная формация «для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде: оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду»[395]. При необходимости, такая

[391] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 352.
[392] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 26. Ч. I. С. 419.
[393] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 408.
[394] *Люксембург Р.* Накопление капитала. М. – Л., 1931. С. 255.
[395] Там же. С. 257.

среда регенерируется на периферии мирового капиталистического хозяйства.

Таким образом, достаточно однозначно можно говорить о том, что исторический материализм выделяет первичную и вторичную общественные формации, а также предполагает возникновение следующих общественных формаций. В каждой из этих общественных формаций возможно выделение неопределенного количества субформаций, различающихся как исторически, так и географически.

В отношении, например, коммунизма указывалось, что «коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества»[396]. Но и само коммунистическое действие «будет проделывать в действительности весьма трудный и длительный процесс»[397].

5.3. Базисно-надстроечная структура общественной формации

Базисно-надстроечная структура – это такая детерминация частных структур в системе, в которой имеется определяющая сторона, сама непосредственно зависящая от определяемой стороны. Собственной системной основой для каждой частной структуры выступает предшествующая структура данной системы. Новая надстроечная структура возникает на основе исходной, генетически первичной базисной структуры.

Обособление отдельных внутренних опосредствований исходной структуры ведет к появлению надстроечной структуры, которое по-прежнему выступает как посредствующее звено базисного процесса, но выполняет эту роль уже иначе, хотя это не осознается сразу. Так, политическая жизнь в моменты своего еще юношеского энтузиазма «объявляет себя простым *средством,* целью которого является жизнь гражданского общества»[398].

Надстройка имеет собственные опосредствования, относительно самостоятельна и модифицирует движение базиса. Иногда

---

[396] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 127.
[397] Там же. С. 136.
[398] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 402.

надстройка функционально подчиняет себе базис и начинает играть ведущую роль. Так, кора головного мозга, возникая на основе предшествующих структур, в значительной мере подчиняет их себе, делает их средством своего собственного движения, снимает их в себе.

Базисно-надстроечная модель общества восходит к Г.В.Ф. Гегелю, который писал: «Если первым базисом государства является семья, то вторым следует считать сословия»[399]. Фиксируется определенная двойственность базиса государства – семья и сословия. Это констатировал и К. Маркс: «Семья и гражданское общество являются как бы темной природной основой, из которой возгорается светоч государства. В действительности семья и гражданское общество составляют предпосылки государства…»[400]. При этом гражданское общество и семья «предпосылаются государству как особые сферы»[401].

В структуре общества существуют два типа детерминации: во-первых, «вертикальная» детерминация – в частности, между базисом и государством, – и, во-вторых, «горизонтальная» детерминация – в частности, между семьей и сословиями (гражданским обществом). Впрочем, «горизонтальная» детерминация есть снятая «вертикальная» детерминация: «гражданское общество … имеет своей предпосылкой и основой простую семью и сложную семью, так называемый племенной быт»[402].

Семья – это естественный базис, а гражданское общество – искусственный базис государства[403]. По отношению к гражданскому обществу («миру потребностей, труда, частных интересов, частного права»[404]) семья также есть естественный базис. Семья, разросшаяся в племя и комбинацию племен, выступает как естественно сложившийся коллектив (природная общность). Такого рода стадность есть первая предпосылка земельной собственности,

[399] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 241.
[400] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 223.
[401] Там же. С. 222.
[402] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 35.
[403] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 226.
[404] Там же. С. 405.

присвоения людьми объективных условий их жизни[405]. Но по отношению к семье естественным базисом является земля[406].

Следовательно, различение в обществе естественного и искусственного базисов проводится по генетическому основанию: «Люди начинают трудиться на определенной основе – сперва на естественно возникшей, затем создается историческая предпосылка труда. Но потом сама эта основа, или предпосылка, уничтожается или к ней относятся как к временной предпосылке, ставшей слишком узкой для того, чтобы на ней могла развиваться прогрессивная человеческая масса»[407]. Первичная структура является естественной, а вторичная – искусственной структурой. Поэтому «политическая революция» относится «к гражданскому обществу, как к основе своего существования, как к последней, не подлежащей дальнейшему обоснованию, предпосылке, и потому как к своему естественному базису»[408].

Гражданское общество, будучи надстройкой, функционально подчинило себе семью и стало играть ведущую роль: «Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил»[409].

Возникая из семьи, гражданское общество формирует иной собственный базис – первоначально внешнее основание – развитые производительные силы. Это еще одна линия «вертикальной» детерминации. Производительные силы – это внутренний «материальный»[410] («технический»[411], «технологический»[412]) базис каждой особой общественной организации.

Развитые производительные силы становятся базисом более высокой общественной формы, которая далее создает свой собственный материальный базис. Например, когда крупная промышленность стала производить машины с помощью машин, «она создала

---

[405] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 462–463.
[406] Там же. С. 463.
[407] Там же. С. 486–487.
[408] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 405.
[409] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 35.
[410] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 49. С. 47.
[411] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 383.
[412] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1980 Т. 48. С. 7.

адекватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги»[413].

Говоря о смене общественных формаций, К. Маркс указывает на развитие производительных сил и на новые производственные отношения, с изменением которых более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке, включающей юридические и политические учреждения[414]. Вся эта надстройка возвышается над способом производства материальной жизни людей. Структура общественной формации включает, следовательно, базис в виде определенного способа производства и надстройку.

Ф. Энгельс подчеркивал, что «производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления…»[415]. В.И. Ленин акцентировал внимание на то, что марксизм взял за исходный пункт «способ добывания средств к жизни»[416]. Но способ производства – это базисная структура, которая состоит из технического базиса (производительных сил)[417] и экономического базиса (отношений собственности). Технический базис является основой экономического базиса.

Экономическая жизнь общества также организована в рамках базисно-надстроечных связей. В частности, «собственный капитал торговцев и банкиров есть только базис, на котором возводится огромная надстройка и который не находится ни в каком отношении (чем он больше, тем в меньшей мере) к чужим капиталам, которые они вводят в оборот и с которыми ведут свое дело»[418].

Базисно-надстроечная детерминация присуща и самой надстройке. Признано, что сила – базис права[419]. Господствующие

---

413 Там же. С. 396.

414 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 7.

415 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 350–351.

416 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 1. С. 429.

417 «Техника, производительные силы, образуют базис общества» (*Гортер Г. Исторический материализм*: популярное изложение для рабочих. М., 2021. С. 38.).

418 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1980. Т. 48. С. 345.

419 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 322.

индивиды конституируют свою силу в виде государства и выражают государственную волю в форме закона[420].

Способ производства материальной жизни людей наряду со способом производства жизненных средств включает способ производства непосредственной жизни людей. Так, Ф. Энгельс писал: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны – производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой – производство самого человека, продолжение рода»[421]. Последнее организовано в форме семьи (племени и др.) и также выступает базисом не только гражданского общества и государства, но и иной надстройки[422].

Общественные порядки обусловливаются «обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны – труда, с другой – семьи»[423]. Чем меньше развит труд, тем сильнее зависит общественный строй от родовых связей[424].

Соответственно двум составляющим системы материального производства и надстроечные отношения разделяются на две подсистемы. Надстройка над способом производства материальных благ включает в себя политические и правовые отношения, а надстройка над способом производства человека – эстетические и нравственные отношения. Правовые отношения опосредствуют и закрепляют политические отношения. А эстетические отношения обеспечивают влияние нравственных отношений на производство человека.

На основании изложенного, базисно-надстроечная структура общественной формации может быть представлена следующей схемой (рис. 1).

---

[420] Там же.
[421] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 25–26.
[422] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 35.
[423] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 26.
[424] Там же.

Рис. 1. Базисно-надстроечная модель социума

Базисно-надстроечная детерминация присутствует и в духовной жизни. Обыденное представление о том, что продукт сам по себе считается товаром, «образует базис для фетишизма политико-экономов»[425]. Отрыв от эмпирического базиса порождает иллюзии философии, придает ей характер идеологического, спекулятивного выражения действительности[426].

Все виды общественных отношений содержат в качестве внутреннего момента опосредствующие их виды общественного сознания (политические отношения – политическое сознание и т. д.). Надстройка также состоит из религиозных, философских и иных воззрений[427], укорененных в определенных видах общественных отношений (философия – в политике[428] и т. д.). Но часть форм общественного сознания и мировоззрений функционируют в составе способа производства материальной жизни. Например, при капитализме наука становится непосредственной производительной силой[429].

5.4. Общественный уклад

Смена общественных формаций не упраздняет полностью предшествующий строй, а снимает его, сохраняя в качестве внутреннего основания развития. Для описания этого процесса применимо

[425] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 45. С. 40.
[426] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 271.
[427] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 20. С. 26.
[428] *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 71.
[429] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1969. Т. 46. Ч. II. С. 215.

следующее наблюдение Гегеля: «…Движение вперед не следует принимать за процесс, протекающий от чего-то иного к чему-то иному. …Всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет от своего диалектического движения вперед, не только ничего не оставляет позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя»[430].

Благодаря снятию удается сохранить все лучшее из достигнутого и обеспечить общественный прогресс. Так, буржуазное общество К. Маркс оценивал как наиболее развитую и наиболее многостороннюю историческую организацию, понимание которой дает возможность «проникнуть в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собою еще непреодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д.» [431].

Кроме обломков прошлого каждое общество содержит зародыши будущих формаций. К. Маркс напоминает: «Так же как и при последовательной смене различных геологических формаций, при образовании различных экономических общественных формаций не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды. В недрах ремесла развиваются зачатки мануфактуры, а местами, в отдельных сферах и для выполнения отдельных процессов уже имеет место применение машин»[432]. Всеобщим законом является то, «что материальная возможность последующей формы [производства] – как технологические условия, так и соответствующая им экономическая структура предприятия – создается в рамках предшествующей формы»[433]. Так, «семья содержит в зародыше не только рабство (servitus), но и крепостничество»[434]. В недрах феодализма развилось могущество бюргерства[435]. «А социализм – писал В.И. Ленин, – теперь смотрит на нас через все окна

[430] *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. М., 2018. С. 896.
[431] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 731.
[432] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1973. Т. 47. С. 460.
[433] Там же. С. 461.
[434] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1975. Т. 45. С. 249.
[435] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 208.

современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, практически, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма»[436].

Общественный уклад (уклад общественной жизни) – общественные отношения разной формационной природы, сосуществующие в конкретных обществах. Всякая общественная формация, возникшая как объективно необходимый этап поступательного развития, имеет предпосылкой своего возникновения некоторую исходную систему, которая не исчезает сразу. Элементы исходной системы частично превращаются во вновь возникшую систему общественных отношений, частично продолжают существовать наряду с ней и во взаимодействии с ней.

В конкретных обществах как правило существуют, взаимодействуют, образуя некоторое более сложное целое, общественные уклады разной формационной природы. В царской России «представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой…»[437]. В Советской России существовало пять взаимно переплетающихся укладов: 1) патриархальное крестьянское хозяйство, в значительной степени натуральное и зачастую находящееся в кочевом или полукочевом состоянии; 2) мелкое товарное производство; 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм[438]. Среди этих укладов преобладала «мелкобуржуазная стихия»[439].

Господствующий уклад модифицирует остальные уклады. Преобладание земледелия и земельной собственности в античном и феодальном обществе ведет к тому, что принципы организации земледелия переносятся в городские отношения, и «даже капитал – поскольку он не есть чисто денежный капитал, – в Средние века, в виде традиционных орудий ремесла и т. д., имеет тот же землевладельческий характер»[440]. А в буржуазном обществе наоборот:

[436] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 34. С. 193.
[437] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 263.
[438] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1970. Т. 43. С. 158.
[439] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 36. С. 296.
[440] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 44.

«Земледелие все более и более становится только одной из отраслей промышленности и совершенно подпадает под господство капитала»[441].

С позиций доминирующего уклада остальные могут оцениваться отрицательно и отрицаться. Положение в Германии первой половины XIX века Ф. Энгельс описывал следующим образом: «Здесь еще сохранилось от прежних феодальных и послефеодальных отношений множество общественных элементов, которые, так сказать, затемняют общественную среду (medium) и лишают социальный строй Германии того простого, ясного, классического характера, которым отличается стадия развития Англии. Здесь, в Германии, в атмосфере, все более модернизирующейся с каждым днем, среди вполне современных капиталистов и рабочих живьем разгуливают изумительнейшие допотопные ископаемые: феодальные господа, вотчинные суды, захолустное юнкерство, телесные наказания, регирунгсраты, ландраты, цеховщина, конфликты из-за сферы компетенции, право административных взысканий и т. д.»[442]. Отношения предшествующих формаций могут встречаться «в совершенно захиревшем или даже шаржированном виде»[443], или, наоборот, получить дополнительное развитие – как плантационное рабство в Новое время. Констатировалось, что рабство – как аномалия – возможно в отдельных пунктах буржуазной системы[444].

Понятно, что «допотопные» ископаемые могут использоваться в качестве «полезных» ископаемых. По убеждению В.И. Ленина, новое социалистическое содержание, «может и должно проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые, – не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма»[445]. «И наша обязанность, как коммунистов, – писал

---

441 Там же.
442 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 67.
443 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 732.
444 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1980. Т. 48. С. 99.
445 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1981. Т. 41. С. 89.

В.И. Ленин, – всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой»[446].

Формационная природа общественного уклада определяет его сложную структуру, которая включает материальный и духовный уклад, особые уклады техники, экономики и культуры[447]. Выделяют также правовой уклад, нравственный уклад, семейно-бытовой уклад, уклад школьной жизни и др. Особый уклад общественного хозяйства есть «фундамент особого уклада всей общественной жизни человека»[448].

Когда такой уклад общественной жизни фиксируется в его исторической конкретности, он выступает как соответствующая культура. Тогда общество выступает в виде сложного иерархического единства различных культур (патриархальной, феодальной, мелкобуржуазной и др.). Судьба реального общества определяется логикой развития, определяемой ансамблем культур, в составе которого развивается каждый такой культурный слой, механизмами их взаимодействия, способом иерархической взаимосвязи и т. д.

---

[446] Там же.
[447] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1971. Т. 3. С. 623.
[448] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 4. С. 37.

Глава 6. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

6.1. Закон соответствия

Общественная формация есть многосложный организм, в котором, говоря словами французского анатома и палеонтолога Ж.Л. Кювье (1769–1832), «ни одна из частей не может измениться, чтоб не изменились при этом и другие, и, следовательно, каждая из них, взятая отдельно, указывает и определяет все другие»[449]. Поэтому организм может быть восстановлен по одной своей части.

Закон корреляции Ж.Л. Кювье имел эвристическое значение для исторического материализма. К. Маркс полагал, что «такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций»[450]. Ф. Энгельс также писал: «В то время как семья продолжает развиваться, система родства окостеневает, и пока последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки. Но с такой же достоверностью, с какой Кювье по найденной около Парижа сумчатой кости скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там когда-то жили вымершие сумчатые животные, – с такой же достоверностью можем мы по исторически дошедшей до нас системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи»[451].

Существенно, что при этом органы общественного организма не оценивались как равнозначные. Когда говорилось, что «ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом»[452], то в более общем виде указывалось на зависимость одних органов от других: «Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, спо-

[449] *Кювье Ж.* Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара. М. – Л., 1937. С. 130.
[450] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 191.
[451] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 37.
[452] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 133.

соба обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения»[453]. С изменением экономического базиса «более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»[454]. В результате люди «создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям»[455].

Таким образом, фиксируется многоэтапный процесс последовательной модификации общественных структур, запускающийся изменениями в производительных силах. В результате соответствие общественных структур выглядит следующим образом: «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, – словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества»[456].

Производительные силы, функционирующие в структуре системы трудовой деятельности, опосредствуют взаимодействие общественного организма с внешней средой. В эволюционной биологии отмечается закономерность, согласно которой в организме первоначально изменяются внешние органы, адаптирующиеся к изменениям в окружающей среде, и лишь затем к изменениям внешних органов адаптируются функционально и морфологически координированные с ними внутренние органы[457]. Соответственно общественные организмы адаптируются к изменениям во внешней среде путем развития производительных сил. При этом существенны изменения не только в природной, но и в исторической среде общественных организмов. Например, крестовые походы и

[453] Там же.
[454] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 7.
[455] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 133.
[456] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 17. С. 402.
[457] *Северцов А.Н.* Морфологические закономерности эволюции. М. – Л., 1939. С. 425.

географические открытия стимулировали развитие в Европе науки и техники[458].

Разумеется, не всякое изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях. В определенном диапазоне происходит функциональная адаптация общественных форм к изменениям производительных сил. В конечном счете «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора…»[459]. Когда функциональные резервы надстроечных структур оказываются исчерпанными, то появляется необходимость в морфологической перестройке внутренних органов общественного организма.

Так, первоначально в рамках привилегий, предоставляемых абсолютными монархиями, и цехового строя «накоплялись капиталы, развивалась морская торговля, были основаны колонии…»[460]. Но чтобы когда-то «не лишиться плодов цивилизации – приобретенных производительных сил… надо разбить те традиционные формы, в которых они были произведены»[461].

6.2. Историческое отрицание

Как отмечал Ф. Энгельс, «в истории прогресс выступает в виде отрицания существующих порядков»[462]. В истории встречается «плохое», «бесплодное» отрицание[463]. Менее культурные народы уничтожали производительные силы завоеванных стран, не умея их использовать.

Из-за безразличия завоевателей к ирригационным и осушительным работам пустынными и бесплодными оказались некогда прекрасно возделанные территории Пальмиры, Йемена, Египта, Персии и Индостана[464]. Христиане в мавританской Испании дали заглохнуть большей части «оросительных сооружений, которым

[458] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 501.
[459] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 7.
[460] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 403.
[461] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 144.
[462] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 527.
[463] Там же. С. 640.
[464] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 132.

мавры обязаны были своим высокоразвитым хлебопашеством и садоводством»[465]. Англичане в Индии запустили оросительные каналы и шлюзы, и лишь «благодаря регулярно повторяющимся голодовкам, они начинают, наконец, соображать, что пренебрегли единственной деятельностью, которая могла бы сделать их господство в Индии правомерным хотя бы в такой степени, в какой было правомерно господство их предшественников»[466].

Впрочем, следует «ближе присмотреться к столь опороченному отрицанию, чтобы убедиться, что оно по существу своему насквозь положительно»[467]. Например: «Если для Античности исходным пунктом служил *город* и его небольшая округа, то для Средневековья исходным пунктом служила *деревня.* Эта перемена исходного пункта была обусловлена редкостью и рассеянностью по обширной площади первоначального населения, которое приток завоевателей не увеличивал сколько-нибудь значительно. Поэтому, в противоположность Греции и Риму, феодальное развитие начинается на гораздо более широкой территории, подготовленной римскими завоеваниями и связанным с ними вначале распространением земледелия»[468].

При длительном завоевании «менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому хозяйственному положению завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания; он ассимилируется покоренным народом и большей частью вынужден усваивать даже его язык»[469]. Если побежденный народ большой, то в итоге он «выигрывает иногда и в экономическом, и в политическом, и в моральном отношениях больше, чем победитель»[470]. Налицо прогресс, который «в то же время означает и относительный регресс, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и подавления других»[471].

---

[465] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 188.
[466] Там же. С. 185.
[467] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 482.
[468] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 22.
[469] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 188.
[470] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 417.
[471] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 68–69.

Например, все народы начинают с общей собственности на землю. Затем общая собственность после ряда промежуточных стадий превращается в частную собственность. На более высокой ступени развития земледелия возникает необходимость «подвергнуть отрицанию теперь уже частную земельную собственность, превратить ее снова в общую собственность»[472]. И это даст возможность полностью использовать современные химические открытия и механические изобретения.

Обобщая, Ф. Энгельс писал, что почти у всех народов *общая* собственность «в ходе общественного развития отменяется, *отрицается,* вытесняется другими формами – частной собственностью, феодальной собственностью и т. д.»[473]. Задача следующей социальной революции – «подвергнуть отрицанию это отрицание, восстановить общую собственность на более высокой ступени развития»[474].

Это истинное отрицание – «естественное, историческое и диалектическое»[475], при котором на основе приобретенного опыта вновь достигается первоначальный исходный пункт, но на более высокой ступени[476]. Такое отрицание – проявление действия закона отрицания отрицания – есть движущее начало исторического развития.

Индивидуальная частная собственность, основанная на собственном труде, отрицается капиталистической частной собственностью. Следующее отрицание отрицания, как прогнозировал К. Маркс, «восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»[477].

В истории философии первоначальный, стихийный материализм, неспособный выяснить отношение мышления к материи,

[472] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 142.
[473] Там же. С. 640.
[474] Там же.
[475] Там же.
[476] Там же. С. 641.
[477] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 773.

подвергся отрицанию со стороны идеализма, предложившего учение о бессмертной душе[478]. В дальнейшем идеализм подвергся отрицанию со стороны современного материализма, который не просто восстановил старый материализм, а присоединил к непреходящим основам последнего «все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания»[479].

Необходимой признается задача как возвращения к материализму греческих философов, так и задача критики господствовавшего более двух тысячелетий идеализма: «Ведь дело идет тут отнюдь не о простом отбрасывании всего идейного содержания этих двух тысячелетий, а о критике его, о вышелушивании результатов, добытых в рамках ложной, но для своего времени и для самого хода развития неизбежной идеалистической формы, из этой преходящей формы»[480]. Признавалось, что старая натурфилософия, в которой много нелепостей и фантастики, содержала плодотворные зачатки, много осмысленного и разумного[481].

Позитивное значение отрицания заключается в расширении базиса исторического развития. Так, спиритуализм, учивший о противоположности между душой и телом, посредством христианства стал общераспространенным[482].

6.3. Историческая преемственность

Обломки и элементы отживших форм сохраняются как строительный материал более высокой общественной формы[483]. Так, французская буржуазия использовала централизованную государственную власть, существовавшую со времен абсолютной монархии, как оружие в борьбе за освобождение от феодализма[484]. Это оружие применялось и в демократической республике, «где слиты воедино способы подавления, применявшиеся при всех отошедших в прошлое режимах (которая берет орудия подавления из арсена-

---

[478] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 142.
[479] Там же.
[480] Там же. С. 513.
[481] Там же. С. 11.
[482] Там же. С. 640.
[483] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 731.
[484] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 17. С. 612.

лов всех отошедших в прошлое режимов) и где эти способы применяются беспощадно…»[485]. В итоге общий уровень организации общественного организма повышается: «Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства»[486].

Поколения наследуют друг от друга и производительные силы и формы общения[487]. По наследству передается способ труда вместе с организацией труда и орудием труда[488]. Специальная сноровка, накопленная из поколения в поколение и передаваемая по наследству от отца к сыну, «сообщает индийцу, как и пауку, его виртуозность»[489]. Аналогично, так как разные поколения наемных рабочих работают совместно, «то приобретенные приемы технического искусства закрепляются, накопляются и быстро передаются от одного поколения к другому»[490].

В соответствии с изменившимися потребностями видоизменяется социальный строй[491]. Общественные формы заменяются[492] или развиваются[493]. Развитие происходит медленно: «…Различные ступени и интересы никогда не преодолеваются целиком, а лишь подчиняются побеждающим интересам, продолжая на протяжении веков влачить свое существование рядом с ними»[494]. Поэтому прежние формы общения хотя и вытесняются, но еще долго по традиции продолжают обладать властью.

И в битвах «позднейшей эпохи можно опираться на авторитет теоретиков прошлого»[495]. Программное заявление К. Маркса гласило: «…Мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым

---

[485] Там же. С. 615.
[486] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 731.
[487] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 440.
[488] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 488.
[489] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 352.
[490] Там же. С. 351.
[491] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 42.
[492] Там же. С. 347.
[493] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 456.
[494] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 72–73.
[495] Там же. С. 73.

новым принципом: тут истина, на колени перед ней! – Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов»[496].

Например, К. Маркс открыто объявил себя учеником Г.В.Ф. Гегеля и поставил задачу вскрыть рациональное зерно его диалектики[497], освободить истинные законы диалектики от мистической формы[498]. По оценке Ф. Энгельса, К. Маркс смог высвободить из гегелевской логики «то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мысли»[499]. Оценивая его и свою деятельность Ф. Энгельс также писал: «Маркс и я были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории»[500].

В.И. Ленин подчеркивал, что «учение Маркса … есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»[501]. В качестве исторического преемника предшествующих форм мысли «Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще»[502.] Принципиальная точка зрения в оценке марксизма состоит в следующем: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтыся-

---

[496] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 381.
[497] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 21–22.
[498] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 32. С. 456.
[499] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 496–497.
[500] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 10.
[501] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1973. Т. 23. С. 43.
[502] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 26. С. 50–51.

челетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»[503].

Относительная самостоятельность, самообусловленность и историческая преемственность наблюдаются в развитии других областей идеологии. Например, религия сохраняет унаследованный по традиции запас представлений. В него вносятся изменения, определяемые классовыми отношениями людей[504]. Как оговаривал Ф. Энгельс в отношении философии (и других областей идеологии), «экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части косвенным образом…»[505].

Теоретический социализм есть последовательное развитие принципов Французского Просвещения: «Как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в экономических фактах»[506]. Ф. Энгельс призывал не отрекаться от наследия патриархов утопического социализма, «как современные химики не могут отречься от своих родоначальников – алхимиков»[507].

Отмечалось, что «права и законы «передаются по наследству»[508], хотя и номинально.

Например, в Англии пришлось «сохранять значительную часть форм старого феодального права, вкладывая в них буржуазное содержание, и даже прямо подсовывать буржуазный смысл под феодальное наименование»[509]. Компромисс между крупными землевладельцами и капиталистам обусловил преемственную связь между дореволюционными и послереволюционными учреждени-

---

[503] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1981. Т. 41. С. 337.
[504] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 315–316.
[505] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 420.
[506] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 16.
[507] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 18. С. 298.
[508] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 323.
[509] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 311.

ями, преемственность судебных прецедентов и почтительное сохранение феодальных правовых форм[510]. В результате английское право стало выражать буржуазные отношения «на варварски-феодальном наречии, которое столько же соответствует выражаемому им предмету, сколько английская орфография английскому произношению…»[511]. Но в этом было и определенное историческое преимущество, так как «английское право является единственным, в течение веков сохранившим в неискаженном виде и перенесшим в Америку и в колонии лучшую часть тех древнегерманских свобод – личную свободу, местное самоуправление и гарантию от всякого вмешательства, кроме судебного, – которые на континенте совершенно исчезли в период абсолютных монархий и до сих пор нигде еще не восстановлены в полном объеме»[512].

На основе римского права создан «такой классический свод законов буржуазного общества, как французский Code civile»[513]. Хотя революция порвала с традициями прошлого и уничтожила последние следы феодализма, все же в Code civile французские юристы настолько мастерски приспособили старое римское право к капиталистическим условиям, что «этот революционный французский кодекс законов еще и сейчас во всех других странах, не исключая и Англии, служит образцом при реформах в области права собственности»[514].

Сохраняются и интегрируются в более высокую общественную форму не только производительные силы, но и экономические структуры: «Всеобщий же закон, который здесь действует, состоит в том, что материальная возможность последующей формы [производства] – как технологические условия, так и соответствующая им экономическая структура предприятия – создается в рамках предшествующей формы»[515].

Государство Ф. Энгельс считал единственной готовой организацией, которой пролетариат может воспользоваться после свой победы: «Но разрушить его в такой момент – значило бы разрушить

[510] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 311–312.
[511] Там же. С. 312.
[512] Там же.
[513] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 311.
[514] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 312.
[515] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1973. Т. 47. С. 460.

то единственное орудие, посредством которого победоносный пролетариат может осуществить только что завоеванную им власть, подавить своих капиталистических противников и провести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа должна была бы закончиться новым поражением и массовым убийством рабочих, как то было после Парижской Коммуны»[516].

В целом предполагалось, что пролетариату необходимо переделать традиционный рабочий механизм государства[517]. Унаследованный государственный аппарат потребуется значительно изменить, чтобы «отсечь худшие стороны этого зла»[518]. В отличие от буржуазных республиканцев, в оппозиции резко критиковавших эту машину, но с приходом к власти принимавших ее без изменения, «победивший пролетариат должен заново переделать старый бюрократический, административно-централизованный государственный аппарат, прежде чем сможет использовать его для своих целей»[519].

Полагая, что с переходом к социализму необходимо разбивать преимущественно «угнетательский» аппарат (армия, полиция, чиновничество), В. И. Ленин указывал, что в буржуазном государстве есть учетно-регистрационной аппарат (банки, синдикаты, потребительные общества, союзы служащих), который разбивать нельзя и не надо[520]. В частности, «крупные банки есть тот «государственный аппарат», который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее»[521]. Предполагалось, что единый государственный банк станет скелетом социалистического общества.

---

[516] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 359–360.
[517] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 17. С. 597.
[518] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 201.
[519] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 70.
[520] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 34. С. 307.
[521] Там же.

6.4. Неравномерность развития сфер общественной жизни

Самостоятельность сфер общественной жизни проявляется в относительной независимости их развития друг от друга. Недостаточный уровень развития одних сфер может сопровождаться гипертрофированным развитием других сфер. А достигнутый в последнем случае уровень развития может быть настолько высок, что оказывается либо непревзойденным в последующей истории, либо вполне достаточным ресурсом на многие столетия.

Так, переход от родового строя к цивилизации был обусловлен и сопровождался, по мнению Ф. Энгельса, нравственным регрессом: «Самые низменные побуждения – вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния – являются воспреемниками нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства – воровство, насилие, коварство, измена – подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели»[522]. Самые низменные побуждения и страсти людей стали движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня, и она развила их в ущерб всем остальным человеческим задаткам. Это стало «упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества»[523].

А экономический регресс даже может вести к нравственному прогрессу. Разрушение германцами античной цивилизации создало предпосылки для величайшего нравственного прогресса – формирования индивидуальной половой любви[524].

В эпоху Возрождения «в Италии наступил невиданный расцвет искусства, который явился как бы отблеском классической древности и которого никогда уже больше не удавалось достигнуть»[525].

В Германии конца XVIII века «все прогнило, расшаталось, готово было рухнуть…»[526]. И на этом фоне наблюдался расцвет литературной жизни: «Эта позорная в политическом и социальном

---

[522] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 99.
[523] Там же.
[524] Там же. С. 72.
[525] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 346.
[526] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 562.

отношении эпоха была в то же время великой эпохой немецкой литературы. Около 1750 г. родились все великие умы Германии: поэты Гете и Шиллер, философы Кант и Фихте, и не более двадцати лет спустя – последний великий немецкий метафизик Гегель. Каждое из выдающихся произведений этой эпохи проникнуто духом вызова, возмущения против всего тогдашнего немецкого общества»[527]. Убогая действительность, существовавшая в Германии с XVI века, определила преимущественный интерес к вещам не от мира сего: «Отвлечение от убогой действительности – основа позднейшего превосходства немцев в теории, от Лейбница до Гегеля»[528].

Неравномерно протекают и революционные преобразования в различных сферах общественной жизни. В Германии 1848 год произвел полный переворот только в области философии: «…Нация решительно отвернулась от затерявшейся в песках берлинского старогегельянства классической немецкой философии»[529].

Опора на запас собственного материала, переданного предшественниками, объясняет то, что «страны, экономически отсталые, в философии все же могут играть первую скрипку: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум»[530].

Аналогично, экономически отсталая мелкобуржуазная Норвегия во второй половине XIX века «пережила такой подъем в области литературы, каким не может похвалиться за этот период ни одна страна, кроме России»[531]. Этот подъем Ф. Энгельс объяснял оживлением застойной экономики Норвегии[532].

Таким образом, мера относительного прогресса различных сфер общественной жизни оказывается непредсказуемой. Ф. Энгельс упоминал открытый Ч. Дарвином закон соотношения роста. По данному закону «известные формы отдельных частей органического существа всегда связаны с определенными формами других

[527] Там же.
[528] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 18. С. 573.
[529] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 368.
[530] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 419–420.
[531] Там же. С. 351.
[532] Там же.

частей, которые, казалось бы, ни в какой связи с первыми не находятся»[533]. Например, белые кошки с голубыми глазами почти всегда оказываются глухими. По заключению Ф. Энгельса, «изменения определенных форм влекут за собой изменение формы других частей тела, хотя мы и не в состоянии объяснить эту связь»[534].

В общем виде феномен неравномерности развития сфер общественной жизни применительно к искусству описал К. Маркс: «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами, или также Шекспир. Относительно некоторых форм искусства, например, эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда не могут быть созданы, как только началось художественное производство, как таковое; что, таким образом, в области самого искусства известные значительные формы его возможны только на низкой ступени развития искусств. Если это имеет место в пределах искусства в отношениях между различными его видами, то тем менее поразительно, что это обстоятельство имеет место и в отношении всей области искусства ко всему общественному развитию»[535]. И К. Маркс еще раз подчеркивал, что греческое искусство и эпос «продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недосягаемым образцом»[536].

Объективным фактом является враждебность капиталистического производства «известным отраслям духовного производства, например, искусству и поэзии»[537]. Поэтому иллюзией было бы полагать, что если «в механике и т. д. мы ушли дальше древних, то почему бы нам не создать и свой эпос?»[538].

Значительно опередило свое время римское право. «Римское право является настолько классическим юридическим выражением

[533] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 488.
[534] Там же.
[535] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 735.
[536] Там же. С. 736.
[537] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 26. Ч. I. С. 280.
[538] Там же.

жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений»[539], – писал Ф. Энгельс. Когда бюргерская собственность стала превращаться в чистую частную собственность, то это «развитие должно было найти могучий рычаг в римском праве, в котором содержалось уже в готовом виде все то, к чему бюргерство позднего Средневековья стремилось пока еще только бессознательно»[540]. Таким образом, систематизированное на закате Античности римское право полностью предвосхитило буржуазную собственность и ушло далеко вперед даже по сравнению с феодальными гражданскими правоотношениями[541].

Правда, эта высокая оценка относится только к римскому частному праву, тогда как римское государственное право было самым гнусным из существовавших[542].

[539] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 412.
[540] Там же.
[541] Там же.
[542] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 312.

Глава 7. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

7.1. Общественное сознание как отражение общественного бытия

Специфика социальной формы движения материи состоит том, что в ней движение материи опосредствовано сознанием. Отражение как всеобщее свойство материи, присущее каждой форме ее движения в специфической модификации, в обществе достигает стадии сознательного отражения.

Общественное сознание – это сознание, формирующееся и функционирующее в обществе как средство его существования и развития. Общественный характер сознания иллюстрируется на примере языкового сознания. «В отношении отдельного человека, например, ясно, что он даже к языку как к *своему собственному* языку относится только как естественный член какого-нибудь человеческого коллектива. Язык как продукт отдельного человека – бессмыслица... – писал К. Маркс. – Сам язык в такой же мере является продуктом определенного коллектива, как, с другой стороны, он сам есть наличное бытие этого коллектива, к тому же его самоговорящее бытие»[543].

Общественное бытие – это реальный процесс материальной жизни людей. И, как замечал В.И. Ленин, «общественное сознание отражает общественное бытие – вот в чем состоит учение Маркса»[544]. Противоположный взгляд опровергается всей предшествующей историей, «в которой до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, каких желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположными тому, чего желали»[545]. И только в отдаленном будущем «люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя, вызванную изменением отношений, и пожелают этого изменения, прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли» [546].

[543] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 479.
[544] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1968. Т. 18. С. 843.
[545] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 639.
[546] Там же.

Несостоятельным признается идеалистическое обыкновение исходить из субъективно определенного (или из якобы извечно истинного) понятия («свобода», «честь», «справедливость», «равенство» и т. п.) и измерять этим понятием вещи, по которому они должны равняться. Ф. Энгельс напоминал К. Каутскому, что абстракции К. Маркса отражают в форме мысли то общее содержание, которое заключается в вещах и отношениях[547]. Все идеи извлечены из конкретного опыта, «они – отражения действительности, верные или искаженные»[548].

Сознательное отражение человеком действительности есть сложный конструктивный процесс. «Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. (мышление, наука= «логическая идея») и охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы, – писал В.И. Ленин. – Тут действительно, объективно три члена: 1) природа; 2) познание человека, =мозг человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc. Человек не может охватить= = отразить = отобразить природы всей, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь вечно приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.»[549].

Способ отображения действительности определяется характером и содержанием практики. «…Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения»[550], – писал В.И. Ленин.

[547] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 180.
[548] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 169.
[549] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 29. С. 163–164.
[550] Там же.

Так, кочевой образ жизни формирует широкий и подвижный ум номада[551]. В качестве организационной схемы поведения он определяет специализированную духовную деятельность. Так, о методике разработки учения об электричестве говорилось, что «мы имеем перед собой хаотическую груду старых, ненадежных экспериментов, не получивших ни окончательного подтверждения, ни окончательного опровержения, какое-то неуверенное блуждание во мраке, не связанные друг с другом исследования и опыты многих отдельных ученых, атакующих неизвестную область вразброд, подобно орде кочевых наездников»[552].

Объектами отражения в религиозном сознании первоначально были «силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения»[553]. Ф. Энгельс полагал, «что единство бога, контролирующего многочисленные явления природы, объединяющего враждебные друг другу силы природы, есть лишь отражение единого восточного деспота, который по видимости или действительно объединяет людей с враждебными, сталкивающимися интересами»[554].

По оценке К. Маркса, часы и водяная мельница стали модельными объектами для разработок в области теоретической механики. На основе анализа часов «развилась вся теория производства равномерного движения»[555]. На примере мельницы впервые было разработано учение об измерении величины двигательной силы, о лучших способах ее применения, создано учение о трении, проведены исследования о математических формах зубчатой передачи, зубьев и т. д.[556]

Наука не сваливается с неба, подчеркивал Ф. Энгельс. Древнеегипетскую астрономию создала «необходимость вычислять периоды подъема и спада воды в Ниле»[557]. Чистая математика, как и все

[551] *Каутский К.* Материалистическое понимание истории. Т. II. Государство и развитие человечества. М. – Л., 1931. С. 2.
[552] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 334.
[553] Там же. С. 328.
[554] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 56.
[555] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 30. С. 263.
[556] Там же.
[557] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 23. С. 522.

другие науки, возникла из практических потребностей – «из измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, из счисления времени и из механики»[558]. Представления о линиях, поверхностях, углах, многоугольниках, кубах, шарах и т. д. взяты отнюдь не из свободного воображения ума, а отвлечены от грубой действительности. «Так, напр., геометрия не существовала бы, если бы человек не изобрел шеста для измерения длины и ширины полей, вместо того, чтобы определять ее на глаз, – писал П. Лафарг. – Палка первобытных народов, – для измерения пашни при ежегодном переделе ее между семьями рода или деревни, – имеет для них такое значение, что она приобретает у них мистическое значение: крестьяне русского «мира» – общины называли ее «святой палкой» и хранили в церкви; египтяне изображали локоть, – меру передела пашни, – иероглифическим знаком, означающим в тоже время истину и справедливость; все, что измерено им, было справедливо и точно»[559]. Практическая потребность продвигала науку вперед больше, чем десяток университетов, в частности, «вся гидростатика (Торричелли и т. д.) была вызвана к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках»[560].

Действительно, на основе теоретического отображения действительности осуществлялась ее регуляция. Так, Дж. Кардано давал практические советы об устройстве часов[561]. Изучение неравномерности действия двигательной силы на мельницах, приводившихся в движение ударом и тягой при помощи коромысел, привело «к теории и практическому применению махового колеса, которое впоследствии стало играть такую важную роль в крупной промышленности»[562]. Исходя из того, что только земля является источником богатства, физиократы предлагали перенести налоги исключительно на земельную ренту. И Французская революция приняла эту налоговую теорию[563].

---

558 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 39.

559 *Лафарг П.* Экономический детерминизм Карла Маркса: Исследования о происхождении и развитии идей справедливости, добра, души и Бога. М., 2007. С. 318.

560 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 174.

561 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 30. С. 263.

562 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 388.

563 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 26. Ч. I. С. 38.

Несомненно, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»[564]. Машины, локомотивы, железные дороги, электрический телеграф, сельфакторы – «все это продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой… Все это – созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания»[565].

Историческая дифференцированность общественного бытия дифференцирует состояние и уровень развития сознания в конкретных обществах. Развитие мозга, подчиненных ему чувств, проясняющегося сознания, способностей к абстракции и к умозаключению является у различных народов и в различные эпохи по степени и по направлению различным, и иногда прерывается местными и временными движениями назад[566]. Это оказывает обратное воздействие на труд народа и его язык.

7.2. Объективные мыслительные формы

Формы мышления Г.В.Ф. Гегель рассматривал как объективно обусловленные прежде всего ландшафтом. Характеризуя ислам как религию арабов, Г.В.Ф. Гегель пишет, что «здесь дух совершенно прост, и здесь распространена склонность к бесформенному»[567]. Объясняет он это тем, что в пустынях «нет ничего такого, что могло бы быть формируемо»[568]. В противоположность однообразным ландшафтам Востока вся Греция расчленена, изрезана заливами, раздроблена на мелкие части обилием гор и рек. Отсутствие географического однообразия и массивности, а также индивидуализация разнородных природных субстанций определяют способ

---

[564] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 29. С. 194.
[565] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1969. Т. 46. Ч. II. С. 203.
[566] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 490.
Как вспоминал В. Либкнехт, при приеме в «Союз коммунистов» К. Маркс экзаменовал уровень развития его мозга «не только вопросами, но и пальцами, которыми он искусно ощупывал мою голову» (см.: *Либкнехт В.* Воспоминания о Марксе. Одесса, 1905. С. 16). Далее В. Либкнехт был направлен на планомерное обследование к партийному френологу К. Пфендеру.
[567] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 374.
[568] Там же.

представления, присущий греческому духу. В основе его «лежат предметы, существующие в природе, но не в их массе, а в их обособленности»[569]. Предметность мышления определяет эйдетический характер познания: «Ведь греки лишь всматриваются в предметы, существующие в природе, и составляют себе догадки о них, задаваясь в глубине души вопросом об их значении»[570].

Размышления К. Маркса над формами человеческой жизни на примере форм товара, его меновой стоимости и его денежной формы привели к заключению о том, что в общественных отношениях имеются «общественно значимые, следовательно объективные мыслительные формы»[571]. Так, деньги – это форма, в которой товары «идеально выступают по отношению друг к другу как меновые стоимости»[572]. Цена – это «мысленно представляемое золото»[573], то количество денег, в которое «товар идеально превращается»[574].

В сознании товаровладельцев меновые стоимости товаров превращаются в денежные названия, в объявления о том, сколько они стоят. «Хранителю товаров приходится поэтому одолжить им свой язык или навесить на них бумажные ярлыки, чтобы поведать внешнему миру их цены, – писал К. Маркс. – Так как выражение товарных стоимостей в золоте носит идеальный характер, то для этой операции может быть применимо также лишь мысленно представляемое, или идеальное, золото»[575].

Форма денег – идеальная, мысленная форма, приобретаемая товаром (или его заместителем – знаком, символом), выполняющим в обмене функцию всеобщего эквивалента. В качестве монеты «деньги приобретают местный и политический характер, они говорят на разных языках и носят разные национальные мундиры»[576].

---

[569] Там же. С. 263.
[570] Там же.
[571] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 86.
[572] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 50.
[573] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 106.
[574] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 58.
[575] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 105–106.
[576] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 90.

В денежном обращении из-за изнашивания происходит идеализация монеты: «От трения со всякого рода руками, сумками, карманами, кошельками, мешочками, шкатулками и сундуками монета стирается, оставляет один золотой атом тут, другой там и таким образом, шлифуясь в скитаниях по миру, все больше и больше теряет в своем внутреннем содержании»[577]. Монета становится лишь тенью, призрачным золотом, но продолжает выполнять функцию денег. «В то время как другие существа вследствие соприкосновения с внешним миром теряют свой идеализм, монета вследствие практики идеализируется, превращается в чисто призрачное бытие своего золотого или серебряного тела»[578].

В качестве примера естественного возникновения знака (символа) стоимости К. Маркс приводит одну из версий появления копеек в России. «В те времена, когда деньгами там служили шкуры и меха, противоречие между этим неустойчивым и неудобным материалом и его функцией в качестве средства обращения породило обычай заменять его маленькими кусочками штемпелеванной кожи, которые таким образом превращались в ассигновки, подлежавшие оплате шкурами и мехами, – пишет он. – Впоследствии эти кусочки кожи превратились под названием копеек в простые знаки долей серебряного рубля и в некоторых местах удержались в этой роли до 1700 г., когда Петр Великий приказал обменять их на мелкие медные монеты, выпущенные государством»[579].

Аналогичный процесс идеализации происходит со средствами труда. На взгляд В.А. Колеватова, возникновение модели как объективной мыслительной формы могло быть таким: «Можно предположить, что в силу случайных обстоятельств (ошибка в выборе материала и т. п.) иногда производились предметы, совпадающие с предполагаемым продуктом по форме, но непригодные для удовлетворения той или иной потребности… Естественно, что эти предметы не потреблялись и поэтому иногда сохранялись дольше, чем стандартный продукт труда. Рано или поздно было замечено, что такие предметы, не обладая необходимыми для потребления свой-

[577] Там же. С. 91.
[578] Там же. С. 92.
[579] Там же. С. 99–100.

ствами, в то же время способны служить образцом для воспроизводства «нормальных» продуктов труда. Это «открытие» позволило затем перейти к намеренному изготовлению предметов, заведомо непригодных для потребления, но сохраняющих информацию о форме продукта. По-видимому, именно так появились различные мерки, шаблоны, литейные формы и многое другое»[580].

Шаблон нормирует процесс труда, обеспечивая соответствие продукта определенным требованиям. Поскольку шаблон замещает предмет в коммуникационных процессах, то он выступает как знак. От шаблона (и иного воспроизведения формы в другом материале) «путь ведет к рисунку, а от него к иероглифам и далее к абстрактным символам»[581]. Таким способом орудия труда используются для мнемонических целей, а затем для создания изображений, моделирующих наиболее значимые для производства объекты[582].

Знак есть способ существования общественного сознания в составе опредмеченной деятельности. Первичной знаковой системой были орудия труда. Вещь, в которой воплощен труд (например, топор или яблоко) объективно задает определенный набор разных способов ее использования, которые общественно выработаны в процессе коллективного труда и закреплены за вещью. Так, топор хранит в себе «общественно выработанный способ действия, те трудовые операции, которые материально оформлены, как бы кристаллизованы в нем»[583].

Поскольку такие вещи являются носителями некоторой программы деятельности, опосредствованы идеальным, то они наряду с первичной основной функцией выполняют и вторичную, знаковую функцию. Знаковые функции способно выполнять также человеческое тело (телодвижения, жесты, мимика, танцы). Идеальное оказывается способом «модуляции» процесса деятельности.

Косвенным образом средство труда обобщенно отражает объективные свойства предметов труда. При обработке осуществляется практический анализ и обобщение объективных свойств предметов

---

[580] *Колеватов В.А.* Социальная память и познание. М., 1984. С. 97.
[581] Там же. С. 98.
[582] Там же. С. 167.
[583] *Леонтьев А.Н.* Эволюция психики. М.; Воронеж, 1999. С. 227.

по признаку, объективированному в орудии. Поэтому именно орудие становится «носителем первой настоящей сознательной и разумной абстракции, первого настоящего сознательного и разумного обобщения»[584].

К.Р. Мегрелидзе выделял ряд последствий внешней объективации разума в вещах:

– материальная фиксация мысли: «В этом объективном своем бытии мысль не принадлежит более к миру психических феноменов и не участвует в «потоке сознания» в качестве составной части этого потока, как нечто мимолетное и преходящее. Идеи и мысли человека в акте их осуществления выносятся из зыбкого, внутрисубъективного психического существования в мир ставшего, уже происшедшего и объективно закрепленного существования и приобретают прочность внешнего материального бытия»[585];

– обеспечение практической проверки: «Мысль становится доступной самой себе через свое осуществление, через объективное бытие мысли. В процессе сознательного осуществления идей, т. е. практического использования идейных достижений, люди, проверяя степень истинности своих понятий, приходят к новым идеям, открывают новые проблемы, а следовательно, еще более углубляют и расширяют свои знания о действительности»[586];

– общественная апробация мысли: «Она делается достоянием многих, а потому подвергается всесторонней проверке на деле, на опыте многих тысяч, получает соответствующие коррективы, совершенствуется и рождает новые проблемы»[587];

– развитие сознания путем обмена мыслями: «Молния мысли сверкает только там, где она встречается с другой. Мысль же другого доступна нам лишь через ее внешнее проявление, будь то в споре, технической конструкции, рисунке или в архитектурном произведении»[588];

---

[584] Там же. С. 226.
[585] *Мегрелидзе К.Р.* Основные проблемы социологии мышления. М., 2007. С. 140.
[586] Там же. С. 481.
[587] Там же. С. 139.
[588] Там же. С. 140.

– сохранение и накопление идей: «Сознание человека, как субъективно феноменальный процесс, ограничено в каждом моменте своего существования, как индивидуальное сознание. Сфера и объем охвата того, что психологи называют памятью, крайне невелики, а ее точность далеко не безупречна. Если бы существование мыслей было ограничено только внутрипсихической областью и исчерпывалось бы одним только субъективным опытом, сознание человека было бы столь же бедно, как и сознание животного»[589];

– передача интеллектуальных достижений от поколения к поколению: «Мысли и намерения субъекта, запечатлеваясь и оседая в продуктах деятельности, приобретают в них объективно-историческое существование, против которого поток времени хотя и действует разрушительно, но все же гораздо более медленными темпами. Камень, принявший в руках человека определенную форму, назначение и смысл, металл, отлитый и обработанный для определенных целей, рисунки или письмена, нанесенные на поверхности материала, и т. д. – переживут не одно поколение людей, неся в будущие века, сквозь тысячелетия, свидетельства человеческого образа жизни и образа мыслей»[590].

Таким образом, мышление представлено не только в форме актуального субъективного процесса, но и виде общественно значимых объективно существующих образований. В наиболее общем виде объективные мыслительные формы – опредмеченная духовная деятельность, специализированная и неспециализированная.

7.3. Идеология

В общественно-политическом дискурсе XIX века под идеологами понимали мыслителей-доктринеров, которые предлагали свои идеи – не всегда соответствовавшие действительности – как теоретическую основу практической деятельности. Соответственно, идеологии – это «системы мыслей, чувств, образов, норм…»[591].

[589] Там же. С. 141.
[590] Там же. С. 137.
[591] *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма. М. – Л., 1928. С. 366.

К. Маркс и Ф. Энгельс к идеологам относили духовенство, политиков, чиновников, ученых, учителей, врачей, писателей, журналистов, ораторов и др., составляющих в совокупности «идеологическое сообщество»[592]. В качестве идеологических областей позиционировались политика, право, религия, философия, наука, литература, пресса и др.

В качестве примера идеолога приводился древнеримский философ Сенека. «Этот стоик, проповедовавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона, причем дело не обходилось без пресмыкательства; он добивался от Нерона подарков деньгами, имениями, садами, дворцами и, проповедуя бедность евангельского Лазаря, сам-то в действительности был богачом из той же притчи»[593], – писал Ф. Энгельс. Образ жизни приверженцев таких школ вызывал недоверие к их учениям[594].

Идеологам, принадлежащим к особым областям разделения труда, «кажется, что они разрабатывают независимую область»[595]. Развитие идеологических областей характеризуется сохранением известного запаса представлений, унаследованных от предшественников[596]. Эти представления воспринимаются как априорно данные[597], как самостоятельные сущности, обладающие независимым развитием и подчиняющиеся только своим собственным законам[598]. Вместе с тем они систематизируются, перерабатываются, внутренние противоречия последовательно искореняются[599].

Плоды мыслительного процесса выводятся из своего собственного мышления или из мышления предшественников, в том числе его преодолением («даже «преодоление» меркантилистов физиократами и А. Смитом рассматривается как чистая победа мысли, не как отражение в области мышления изменившихся экономических

---

[592] *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. I. М., 1991. С. 154.
[593] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 311.
[594] Там же. С. 313.
[595] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 419.
[596] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 315.
[597] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 418.
[598] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 313.
[599] Там же. С. 312.

фактов»[600]). На этом основании Ф. Энгельс характеризовал идеологический процесс как деятельность мыслителя с ложным сознанием, не отдающего себе отчета в своих истинных движущих силах и источниках[601]. Тем не менее, идеологии признавались относительно истинными, несмотря на противоречия в фактах и идеологических конструкциях: «В английской конституции еще больше противоречий, она сплошь противоречит самой себе, а ведь она все же существует, стало быть истинна!»[602].

Поскольку идеологии, как, например, религия, возникают «из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей»[603] и у каждого народа развиваются весьма своеобразно, то они насыщены бессмыслицей: «История наук есть история постепенного устранения этой бессмыслицы или замены ее новой, но все же менее нелепой бессмыслицей»[604]. В общественно-политическом развитии приходится учитывать чувства масс и чтобы вызвать бурное движение, необходимо представлять им собственные интересы в приемлемой идеологической одежде[605].

«Идеологии – сгустки общественной психологии»[606], – писал Н.И. Бухарин. Идеолог обобщает практический опыт общественного класса, теоретически выражает то понимание наличной ситуации, которое формируется у класса в его общественной жизни. Так, во Франции XVIII века чувствовалась необходимость «в такой книге, которая привела бы в систему тогдашнюю жизненную практику и дала бы ей теоретическое обоснование»[607]. Поэтому сочинение Д. Локка о происхождении человеческого разума во Франции «встречено было с энтузиазмом, как давно и страстно ожидаемый гость»[608].

Идеолог капиталиста – экономист[609].

---

[600] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 84.
[601] Там же. С. 83.
[602] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 342.
[603] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 313.
[604] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 419.
[605] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 314.
[606] *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма. С. 240.
[607] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 142.
[608] Там же.
[609] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 585.

Вульгарная политическая экономия «педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире»[610]. В другом месте К. Маркс пишет, что вульгарная политическая «доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства»[611]. Вульгарный экономист переводит на теоретический язык причудливые представления капиталистов и «своими конструкциями пытается обосновать правильность этих представлений»[612].

Но и вся буржуазная политическая экономия – «наука обогащения»[613] – находится во власти представлений капиталиста[614]. Доктрина «прибыли от отчуждения» взята из воззрений купеческого капитала[615]. Классическая политическая экономия некритически заимствовала из обыденного сознания категорию «цена труда»[616]. Призывы А. Смита к бережливости и сокращению непроизводительных расходов на государство, церковь, здравоохранение, литературу и искусство К. Маркс характеризовал как «язык еще революционной буржуазии, которая еще не подчинила себе все общество, государство и т. д.»[617]. Но если А. Смит, великий идеолог передовой буржуазии[618], все же есть экономист мануфактурного периода и рассматривает все «главным образом с точки зрения среднего буржуа, то Рикардо – экономист крупной промышленности и рассматривает вещи с точки зрения крупного буржуа»[619]. Для него капиталистический способ производства – естественная и абсолютная форма общественного производства, а развитие потребления во всех формах – условие свободного развития производства.

---

[610] Там же. С. 91.
[611] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 383.
[612] *Маркс К., Энгельс*. Ф. Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 26. Ч. II. С. 288.
[613] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 544.
[614] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 418.
[615] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. I. С. 252–253.
[616] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 547.
[617] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 26. Ч. I. С. 296.
[618] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 2. С. 520–521.
[619] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 45. С. 494.

В.И. Ленин писал, что «идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет впереди стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются»[620].

Идеология – это специализированное самосознание класса. Назначение идеологии состоит в том, чтобы четко сформулировать цели, которые объективно задаются классу его местом в системе общественных отношений, а также разработать программу деятельности по их реализации. Так, меркантилисты требовали обеспечить положительное сальдо торгового баланса государства, а классическая буржуазная политическая экономия стала системой свободы торговли[621].

Как отмечал Ф. Энгельс, цели существовавших до сих пор ассоциаций были «завуалированы и скрыты идеологическими аксессуарами»[622]. Но это были не просто аксессуары, а необходимые и важнейшие идеологические цели: «Античный полис, средневековый город или цех, феодальный союз дворян-землевладельцев – все имели побочные идеологические цели, святость которых они чтили и которые у патрицианского родового союза и у цеха возникали из воспоминаний, традиций и символов родового общества в не меньшей степени, чем у античного полиса»[623].

Такого рода идеологии А. Грамши предлагал характеризовать не как надуманные произвольные измышления определенных индивидов, а как идеологии «исторически органичные, то есть необходимые определенному базису»[624]. Органичные идеологии «исторически необходимы, они имеют действенность, «психологическую» действенность, они «организуют» людские массы, служат той почвой, на которой люди движутся, осознают свои собственные позиции, борются и т. д.»[625]. Поддержка массой класса той или

[620] *Ленин В.И.* Полн. собр. Соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 5. С. 363.
[621] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 545.
[622] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 405.
[623] Там же.
[624] *Грамши А.* Тюремные тетради. С. 75.
[625] Там же.

иной идеологии или нежелание поддержать ее – вот критерий надуманности или органичности идеологии. «Произвольные построения более или менее скоро оказываются вытесненными из исторического соревнования, даже если иной раз им удается благодаря благоприятному стечению непосредственных обстоятельств некоторое время пользоваться кое-какой популярностью; построения же, органически соответствующие требованиям сложного исторического периода, всегда в конечном счете берут верх и удерживают превосходство, даже если им приходится проходить через многие промежуточные фазы, когда их утверждение происходит лишь в более или менее странных и причудливых комбинациях»[626], – заключал А. Грамши.

Будучи молодым журналистом, К. Маркс призывал: «…Возьмем мир таким, каков он есть, не будем идеологами…»[627]. Но позже Ф. Энгельс признал, что это невозможно, так как «фактически каждое мысленное отображение мировой системы остается ограниченным, объективно – историческими условиями, субъективно – физическими и духовными особенностями его автора»[628].

В идеологии нуждаются все классы, в том числе рабочий класс. По оценке В.И. Ленина «массовому (стихийному) движению недостает «идеологов», настолько подготовленных теоретически, чтобы быть застрахованным от всякого шатания, недостает руководителей, обладающих таким широким политическим кругозором, такой революционной энергией, таким организаторским талантом, чтобы создать на базисе нового движения боевую политическую партию»[629]. Пролетарской идеологией, на его взгляд, способен выступить марксизм[630].

---

[626] Там же. С. 74

[627] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 171.

[628] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 35–36.

[629] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 5. С. 364.

[630] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1963. Т. 6. С. 269.

7.4. Сравнение феодального и буржуазного мировоззрений

Западноевропейский мир в Средние века был объединен христианством (католицизмом) в борьбе против общего внешнего врага – сарацин[631]. Мировоззрение европейского мира было по преимуществу теологическим. Это теологическое единство опиралось на церковь, организованную на феодальных началах. Церковь освящала светский государственный строй и, владея в каждой стране третьей частью всех земель, была реальной связью между ними. Поскольку духовенство было единственным образованным классом, то «церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления»[632]. Католическое мировоззрение было скроено по мерке феодализма.

Мировоззрение буржуазии первоначально теологично: «Все реформационные движения и связанная с ними борьба, происходившая с XIII до XVII столетия под религиозной вывеской, были по своему теоретическому содержанию лишь многократными попытками бюргерства, городских плебеев и поднимавшегося вместе с ними на восстания крестьянства приспособить старое теологическое мировоззрение к изменившимся экономическим условиям и жизненному укладу новых классов»[633]. Но классическим мировоззрением буржуазии стало юридическое мировоззрение – фактически «теологическое мировоззрение, которому придали светский характер»[634].

Право человека заместило божественное право, а государство – церковь, а «равенство перед законом стало основным боевым кличем буржуазии»[635]. Она потребовала дешевого правительства, подобно тому как средневековые бюргеры требовали дешевой церкви – упразднения сословия священников и устранения монахов (прелатов, римской курии и т. п.), восстановления простого строя раннехристианской церкви[636].

---

[631] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 495.
[632] Там же.
[633] Там же. С. 496.
[634] Там же.
[635] Там же.
[636] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 361–362.

Поскольку товарообмен, система авансирования и кредита основываются на сложных договорных отношениях и на общепризнанных правилах, установленных государством, постольку создалось представление о базисной роли права. Всеобщность правовой формы породила юридическое мировоззрение, выражающееся: 1) в восприятии мира как управляемого законами, нарушение которых влечет за собой возмездие; 2) в интерпретации общества как правового союза, основанного на общественном договоре; 3) в правовом детерминизме – трактовке права как определяющей сферы общественного развития (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение мировоззрений

Признаки	**Средние века**	**Новое время**	**Новейшее время**
Мировоззрение	Теологическое (католическое)	Юридическое	Историческое
Ведущий класс	Крупные землевладельцы (в т.ч. церковь)	Буржуазия	Пролетариат
Господствующая организация	Папская церковь	Государство	?
Основная форма права	Божественное право	Права человека	?
Интеллигенция	Духовенство	Юристы	?
Догматизм	Религиозная догма	Юридическая догма	?
Идеал	Равенство народов перед Богом («Нет ни эллина…»)	Юридическое равенство	Общественное равенство

Полемизируя с этим мировоззрением, выраженном в требовании соблюдения законности, К. Маркс в речи на процессе против Рейнского окружного комитета демократов говорил: «Но общество основывается не на законе. Это – фантазия юристов. Наоборот, закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей, в противоположность

произволу отдельного индивидуума. Вот этот Code Napoleon, который я держу в руке, не создал современного буржуазного общества. Напротив, буржуазное общество, возникшее в XVIII веке и продолжавшее развиваться в XIX веке, находит в этом Кодексе только свое юридическое выражение. Как только он перестанет соответствовать общественным отношениям, он превратится просто в пачку бумаги. Вы не можете сделать старые законы основой нового общественного развития, точно так же, как и эти старые законы не могли создать старых общественных отношений. Из этих старых отношений они возникли, вместе с ними они должны и погибнуть»[637].

Практическое опровержение почвы законности осуществлялось в буржуазных революциях: «Политический строй, существующий в настоящее время повсюду в Европе, является результатом революций. Почва законности, историческое право, законность повсюду тысячекратно нарушались или вовсе отбрасывались»[638]. Парадоксальным образом провозглашалось право на революцию в прошлом, но требование священности новой законности упраздняло право на революцию в будущие времена. По убеждению Ф. Энгельса, никогда не надо отказываться от чрезвычайного права на вооруженное сопротивление при известных обстоятельствах[639].

Как буржуазия долго придерживалась по традиции теологического мировоззрения, так и пролетариат искал оружие против буржуазии в юридическом мировоззрении. В частности, выдвигались требования права на труд, права на полный трудовой доход, права на существование. Требование юридического равенства было обобщено в требовании общественного равенства. Тем самым была оставлена чисто «правовая почва» и стали приниматься во внимание конкретные исторические условия реализации притязаний.

---

[637] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 259.
[638] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 205.
[639] Там же. С. 207.

Глава 8. ОТЧУЖДЕНИЕ

8.1. Естественное отчуждение

Отчужденность есть естественное состояние относительной обособленности, отдельности и самостоятельности существования и развития множества особей. В ассимиляции организмы усваивают и присваивают одни элементы среды, отчуждая другие в процессе диссимиляции. Деление и размножение организмов, с одной стороны, ведет к взаимному отчуждению, но с другой стороны – к освоению видом ойкумены. Животные в пространственном поведении различают и маркируют территории знакомые и незнакомые, свои и чужие. Аналогично распознаются в коммуникации знакомые и незнакомые особи, принадлежащие к своим и чужим видам и сообществам.

Теоретики общественного договора предполагали, что общество возникает с целью снятия естественного отчуждения между людьми путем искусственного отчуждения (точнее, самоотчуждения частичного или полного). Например, Ж.-Ж. Руссо писал: «Эти условия договора, правильно понятые, сводятся в сущности к одному условию, а именно, к полному отчуждению каждого члена со всеми своими правами в пользу всей общины»[640]. Последняя как целое подчиняет себе индивидов.

Народы, в частности, германцы, селились так, чтобы «со стороны врага, т. е. всякого чужого народа, их защищали обширные необитаемые леса»[641]. В исторической действительности естественно возникшее отчуждение индивидов, общин и племен снималось в различных обменах, в ритуалах сепарации и интеграции, в ассоциациях и союзах, в войнах и порабощении.

Взаимное присвоение через посредство взаимного отчуждения происходит по общей воле в общинах при дележе пищи и оказании услуг в рамках естественного половозрастного разделения труда и в обмене между общинами. В этих узких рамках производители «знают, что делается с продуктом: они потребляют его, он не выходит из их рук, и пока производство ведется на этой основе, оно

---

[640] *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права. М., 1938. С. 13.
[641] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 450.

не может перерасти производителей, не может породить таинственные, чуждые им силы, как это постоянно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации»[642].

Различия между общинами являются естественно выросшими различиями, так как общины «находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы»[643]. Как следствие, они различаются «по способу производства, образу жизни и производимым продуктам»[644]. Обмен товарами с чужими общинами устанавливает связь между различными отраслями производства.

К. Маркс приводит ряд примеров ритуала интеграции – присвоения чужого. Так, эскимосы западного берега Баффинова залива используют язык как орган присвоения: они лижут вещь, предложенную для обмена[645]. Земельный собственник заключает почетный брачный союз с землей[646].

Мужчин из побежденного племени могли принимать как братьев в племя победителей, а женщин «брали в жены или иным способом также принимали вместе с их уцелевшими детьми в состав своего племени»[647]. Введение рабства оценивается в целом положительно: «Даже для самих рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых вербовалась основная масса рабов, оставлялись теперь, по крайней мере, в живых, между тем как прежде их убивали, а еще раньше даже жарили и поедали»[648].

Продолжительные военные походы «перемешивали между собой не только племена и роды, но и целые народы»[649]. Разрывая кровнородственную связь, «земледельческая община оказывается более способной расширяться и выдерживать соприкосновение с чужими»[650].

---

[642] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 175.
[643] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 105.
[644] Там же.
[645] Там же.
[646] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 82.
[647] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 58.
[648] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 186–187.
[649] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 496.
[650] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 403.

Но основной формой естественного отчуждения является отчуждение человека от природы, которая «первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила»[651]. «Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят *все* культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения»[652], – писал Ф. Энгельс.

Опредмечивание труда создает продукт, который получает существование, относительно независимое от индивида. Продукт труда оказывается под властью стихийных сил природы и живет собственной жизнью. Выкорчевывание лесов сопровождается опустыниванием, посадки картофеля распространяют вместе с ним золотуху: «каждая вещь сама оказывается иной, чем она сама»[653]. Труд имеет «в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых»[654].

Только познание сил природы создает предпосылки для их присвоения. Впервые господство над определенной силой природы человеку доставило добывание огня трением[655]. Изобретением орудий и приручением животных люди также заставили служить себе некоторые силы природы. Благодарная память о первых больших победах человека над природой продолжала жить в добывании священного огня путем трения, в совершении религиозных жертвоприношений с помощью каменных ножей[656].

Ирокезы, весьма далекие от власти над природой, в известных границах были господами своего производства: «Если не считать неурожаев на их небольших огородах, истощения запасов рыбы в их озерах и реках и резкого уменьшения дичи в их лесах, они знали заранее, на что могут рассчитывать при своем способе добывания

[651] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 29.
[652] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 639.
[653] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 136.
[654] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 495–496.
[655] Там же. С. 117.
[656] Там же. С. 430.

средств к жизни»[657]. Это преимущество с наступлением эпохи цивилизации было утрачено.

Решающую роль в истории хозяйства имела необходимость обуздать, общественно контролировать и использовать какую-либо силу природы, в частности, посредством сооружений крупного масштаба (например, регулирование воды в Египте, Ломбардии, Голландии, Индии, Персии и т. д.)[658].

8.2. Самоотчуждение

Наряду с естественным отчуждением в процессе труда возникают новые формы отчуждения. Они выступают как самоотчуждение.

Наиболее наглядно оно чувствуется в больших городах. Ф. Энгельс писал о жителях Лондона: «…Они пробегают один мимо другого, как будто между ними нет ничего общего, как будто им и дела нет друг до друга, и только в одном установилось безмолвное соглашение, что идущий по тротуару должен держаться правой стороны, чтобы встречные толпы не задерживались; и при этом никому и в голову не приходит удостоить остальных хотя бы взглядом. Это жестокое равнодушие, эта бесчувственная обособленность каждого человека, преследующего исключительно свои частные интересы, тем более отвратительны и оскорбительны, что все эти люди скопляются на небольшом пространстве. И хотя мы и знаем, что эта обособленность каждого, этот ограниченный эгоизм есть основной и всеобщий принцип нашего современного общества, все же нигде эти черты не выступают так обнаженно и нагло, так самоуверенно, как именно здесь, в сутолоке большого города. Раздробление человечества на монады, из которых каждая имеет свой особый жизненный принцип, свою особую цель, этот мир атомов достигает здесь своего апогея»[659].

Аналогичное распадение общества на однородные, не связанные между собой атомы усматривалось в сельской жизни: «Изолированность сельских общин породила отсутствие дорог в Индии, а отсутствие дорог увековечивало изолированность общин. При та-

---

[657] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 112.
[658] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 522.
[659] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 264.

ком порядке вещей община существовала на данном низком жизненном уровне, почти не вступая в сношения с другими общинами, не проявляя никаких стремлений к социальному прогрессу и не делая никаких необходимых для этого усилий»[660]. К. Маркс полагал, что неподвижная, растительная жизнь сельских общин «вызывала, с другой стороны, в противовес себе дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала в Индостане даже убийство религиозным ритуалом»[661]. Он напоминал, «что эти маленькие общины носили на себе клеймо кастовых различий и рабства, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до положения властелина этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, предопределенный природой рок и тем создали грубый культ природы, унизительность которого особенно проявляется в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Ханумани и перед коровой Сабалой»[662].

Продукт труда изначально «противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя»[663]. Опредмеченный труд становится противостоящей человеку самостоятельной силой: «…жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая»[664]. Возникает ситуация, когда «наш собственный продукт встал на дыбы против нас, он кажется нашей собственностью, а на деле его собственностью являемся мы»[665].

Внешний, объективированный труд ограничивает и определяет человека, подчиняет его себе. Так, необходимость поддержания огня сковывает человека. Закабаление предметом выражается в том, что крепостной есть придаток земли, и владелец майората принадлежит земле, которая его наследует[666]. Земля есть неорганиче-

[660] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 227.
[661] Там же. С. 136.
[662] Там же.
[663] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 83.
[664] Там же. С. 89.
[665] Там же. С. 34.
[666] Там же. С. 81.

ское тело своего хозяина: «Земельный участок индивидуализируется вместе со своим хозяином, имеет его титул, баронский или графский, его привилегии, его юрисдикцию, его политическое положение и т. д. <…> Феодальная земельная собственность дает имя своему владельцу, как королевство дает имя своему королю»[667].

С появлением обмена продукт труда оказывается под властью стихийных сил общественной жизни. «Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним, – писал Ф. Энгельс. – Они уже больше не знали, что с ним станет. Возникла возможность использовать продукт против производителя, для его эксплуатации и угнетения»[668]. Возникшие из обмена деньги оказались новой общественной силой, имеющей всеобщее влияние и вынуждающей все общество силу склониться перед собой[669].

Источником отчуждения является также разделение труда: «И не одни только рабочие, но и классы, прямо или косвенно эксплуатирующие их, также оказываются, вследствие разделения труда, рабами орудий своей деятельности: духовно опустошенный буржуа порабощен своим собственным капиталом и своей собственной страстью к прибыли; юрист порабощен своими окостенелыми правовыми воззрениями, которые как некая самостоятельная сила владеют им; «образованные классы» вообще порабощены разнообразными формами местной ограниченности и односторонности, своей собственной физической и духовной близорукостью, своей изуродованностью воспитанием, выкроенным по мерке одной определенной специальности, своей прикованностью на всю жизнь к этой самой специальности – даже и тогда, когда этой специальностью является просто ничегонеделание»[670].

Это необходимый этап истории, когда человек извлекает из себя свои родовые силы – что возможно лишь в совокупной деятельно-

---

[667] Там же.
[668] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 113.
[669] Там же.
[670] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 303–304.

сти человечества, – и в объективации относится к ним как к предметам[671]. Разделение труда опустошает по сравнению с первоначальной полнотой индивида, но вместе с тем вырабатывает универсальность развития потенций индивида – противопоставлением их в качестве независимых от него общественных сил и отношений[672]. Этому содействует перемена труда как всеобщий закон общественного производства: частичный рабочий заменяется «всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»[673].

Вследствие разделения труда и обмена люди становятся представителями вещей: «Наша взаимная ценность есть для нас стоимость имеющихся у каждого из нас предметов. Следовательно, сам человек у нас представляет для другого человека нечто лишенное ценности»[674].

Впрочем, для К. Маркса несомненно, что «эту вещную связь следует предпочесть отсутствию всякой связи между ними или же наличию всего лишь локальной связи, основанной на самом тесном кровном родстве или на отношениях господства и подчинения»[675]. Благодаря мировому обмену индивиды освобождаются от местных и национальных рамок, для них становится возможным пользование результатами материального и духовного производства всего земного шара[676].

Но все это имеет и обратное значение. Возникает стремление пробудить в другом человеке какую-нибудь новую потребность: «…Расширение круга продуктов и потребностей становится изобретательным и всегда расчетливым рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и надуманных вожделений»[677]. Каждый новый продукт становится чуждой сущностной силой, господствующей над другим человеком, ставящей его в новую зависимость.

[671] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 159.
[672] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 105.
[673] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 499.
[674] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 35.
[675] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 105.
[676] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 36.
[677] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 129.

С ростом массы продуктов «растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек»[678].

Разделение труда отправляет предмет в стихию обмена. Хотя отдельные акты обмена исходят «от сознательной воли и особых целей индивидов, тем не менее совокупная целостность этого процесса выступает как некоторая объективная связь, возникающая стихийно; хотя она и проистекает из взаимодействия сознательных индивидов, но она не заключена в их сознании и в целом им не подчинена»[679]. Эта общественная связь индивидов между собой действует как самостоятельная, не зависящая от них и чуждая им общественная сила.

Разделение труда умножает производительную силу индивидов. Но эта социальная сила возникает стихийно и представляется индивидам «не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, – напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение»[680]. Эта сила принимает формы власти общины, судьбы, государства. Благодаря образованию мирового рынка эта таинственная сила постепенно приняла более постижимую форму[681]. Большую роль в ее постижении и преодолении играют всеобщая статистика, прейскуранты, вексельные курсы, почтовая и телеграфная связь между лицами, ведущими торговлю и т. д.[682] Посредством этого каждое лицо старается приспособиться к деятельности всех остальных.

---

[678] Там же. С. 128.

[679] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 141.

[680] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 33.

[681] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 346.

[682] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 104.

8.3. Всемогущий контроль

Всемогущий контроль – метафорическое обозначение убежденности в том, что человечество способно подчинить и контролировать стихийно действующие природные и общественные силы. По мнению Ф. Энгельса, общественные силы «противостоят человеку в качестве столь же чуждых и первоначально столь же необъяснимых для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью»[683]. Но в историческом процессе всесторонняя зависимость, как ожидается, «превращается благодаря коммунистической революции в контроль и сознательное господство над силами, которые, будучи порождены воздействием людей друг на друга, до сих пор казались им совершенно чуждыми силами и в качестве таковых господствовали над ними»[684].

Ф. Энгельс полагал, что надо понять природу и характер этих сил. Электричество разрушительно в грозовой молнии и укрощено в телеграфном аппарате и дуговой лампе; огонь может быть не только пожаром, но и действовать на службе человека[685]. «Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними, – писал он. – Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей»[686].

Для этого необходимо познание общественных сил, познание законов общественных действий и умение правильно применять их[687]. Тогда объективные, чуждые силы, господствовавшие над историей, смогут оказаться под контролем людей.

Примером установления контроля над чуждыми общественными силами является традиционная внешняя политика России. В отношении нее К. Маркс писал: «Вторгаться, используя обманным

683 *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 328–329.
684 *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 36.
685 *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 291.
686 Там же. С. 290.
687 *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 227.

путем враждебную силу, ослаблять эту силу именно этим использованием и, в конце концов, ниспровергнуть ее с помощью средств, созданных ею же самой, – эта политика была продиктована Ивану Калите специфическим характером как господствующей, так и порабощенной расы. Его политика стала также политикой Ивана III. Такова же политика и Петра Великого, и современной России, как бы ни менялись название, местопребывание и характер используемой враждебной силы»[688].

Для подчинения общественных сил господству общества кроме познания необходимо еще общественное действие, а именно – коллективный контроль над общественными отношениями[689]. С установлением планомерной, сознательной организацией прекратится борьба за отдельное существование. Планомерное регулированием будет осуществляться «сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности»[690]. Тем самым человек из звериных условий существования перейдет в условия действительно человеческие и окончательно выделится из царства животных[691].

Поэтому отчужденность и самостоятельность общественной связи по отношению к индивидам означает, что «люди еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни, не живут уже социальной жизнью, отправляясь от этих условий»[692]. В частности, объединение людей в общество навязано природой и историей. Люди должны стать господами своего собственного объединения в общество: оно станет их собственным свободным делом[693].

Люди удаляются от животных тем дальше, чем больше они делают историю сознательно, и тем «меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых

---

[688] *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века / https://scepsis.net/library/id_884.html.
[689] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 141.
[690] Там же.
[691] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 227.
[692] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 105.
[693] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 227.

сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели»[694]. Лишь сознательная планомерная организация «может поднять людей над прочими животными в общественном отношении»[695]. Контролируя приводимые в движение общественные причины и получая в преобладающей и все возрастающей мере желаемые следствия, люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю: «Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»[696].

Сроки данного скачка оцениваются как весьма продолжительные и гораздо превышающие те тысячелетия, в течение которых люди научились в известной мере учитывать заранее отдаленные естественные последствия трудовой деятельности[697]. Учитывать косвенные и отдаленные общественные последствия гораздо труднее, и это требует долгого, часто жестокого опыта, сопоставления и анализа исторического материала[698].

8.4. Снятие самоотчуждения

Согласно К. Марксу, «снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение»[699]. Для уничтожения частной собственности потребуется действительное коммунистическое действие, и оно «будет проделывать в действительности весьма трудный и длительный процесс»[700].

Поскольку ближайшим источником самоотчуждения является частная собственность (в т. ч. в форме капитала), на первых порах коммунизм выступает как всеобщая частная собственность, ее обобщение и завершение. Это определяется тем, что «первое уничтожение монополии всегда равносильно приданию ей всеобщего характера, расширению рамок ее существования»[701].

---

[694] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 358.
[695] Там же. С. 359.
[696] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 228.
[697] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 496.
[698] Там же. С. 497.
[699] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 136.
[700] Там же. С. 113.
[701] Там же. С. 83.

Категория рабочего распространится на всех людей[702]. Для такого коммунизма «общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом»[703].

Первое положительное снятие частной собственности есть грубый коммунизм. Он исходит из представления о некоем минимуме, аскетизме и уравнительности. Ему присуще зависть и нивелирование, абстрактное насильственное отрицание личности человека и его таланта, мира культуры и цивилизации, возврат «к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека»[704].

Вторая форма коммунизма характеризуется К. Марксом как коммунизм еще политического характера – в формах коммунизма демократического или коммунизма деспотического.

Третья форма коммунизма возникает со снятием государства. Но это коммунизм еще «незавершенный и все еще находящийся под влиянием частной собственности»[705]. Положительная сущность частной собственности еще не уяснена.

В четвертой форме коммунизм выступает как положительное снятие частной собственности – «как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человечному»[706].

В понимании К. Маркса «все движение истории есть ‚… действительный акт порождения этого коммунизма – роды его эмпирического бытия»[707], находящее отражение в постижении его становления. При этом снятие отчуждения происходит в сферах религии, семьи, государства и т. д. У различных народов это движение начинается в сфере сознания или в сфере действительной жизни – это зависит от того, где преимущественно протекает подлинная признанная жизнь данного народа[708].

---

[702] Там же. С. 114.
[703] Там же. С. 115.
[704] Там же.
[705] Там же. С. 116.
[706] Там же.
[707] Там же.
[708] Там же. С. 117.

Коммунистический идеал К. Маркс видел так: «Предположим, что мы производили бы как люди. В таком случае каждый из нас в процессе своего производства двояким образом утверждал бы и самого себя и другого: 1) Я в моем производстве опредмечивал бы мою индивидуальность, ее своеобразие, и поэтому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным проявлением жизни, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как предметная, чувственно созерцаемая и потому находящаяся вне всяких сомнений сила. 2) В твоем пользовании моим продуктом или твоем потреблении его я бы непосредственно испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена человеческая потребность, следовательно, опредмечена человеческая сущность, и что поэтому создан предмет, соответствующий потребности другого человеческого существа. 3) Я был бы для тебя посредником между тобою и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого, – и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоем мышлении и в твоей любви. 4) В моем индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твое жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно утверждал бы и осуществлял бы мою истинную сущность, мою человеческую, мою общественную сущность»[709].

Момент индивидуализации К. Маркс считал очень важным в общественной жизни. «Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей, – писал он. – Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту твоей воли проявлением твоей действительной индивидуальной жизни»[710].

[709] Там же. С. 35–36.
[710] Там же. С. 151.

РАЗДЕЛ II. ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Глава 9. ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

9.1. Естественно возникшие и исторически созданные общественные формы

В историческом материализме общественное движение понимается как естественно-исторический процесс – процесс закономерный[711] и поступательно проходящий определенные фазы развития[712]. В данном процессе общественные явления дифференцируются на естественно возникшие и исторически созданные.

Естественно возникают средства к жизни (воздух, обилие рыбы в водоемах), а также некоторые орудия производства (пашня и вода[713], плодородие почвы, действующие водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь[714]) и человеческое тело с его органами («естественные производственные инструменты»[715]), в совокупности составляющие естественные производительные силы. Естественно вырастает физиологическое разделение труда в семье (вследствие половых и возрастных различий)[716], а также система общественного разделения труда[717]. Из кооперации и разделения труда возникают естественные производительные силы общественного труда[718]. Естественно складываются коллективы – род[719], племя[720], община[721], город[722], государство[723].

Выделяются естественно возникшие формы собственности. В условиях естественного по происхождению разделения труда в се-

[711] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 20.
[712] Там же. С. 10.
[713] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 65.
[714] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 251.
[715] Там же. С. 385.
[716] Там же. С. 64.
[717] Там же. С. 83.
[718] Там же. С. 398.
[719] Там же. С. 64.
[720] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 481.
[721] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 449.
[722] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 60.
[723] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 97.

мье между полами «каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина – оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина – домашней утвари»[724]. При разводе муж забирал орудия и оружие, а за женой оставалась ее домашняя утварь[725].

Первая, естественно возникшая форма богатства – избыток, или излишек жизненных средств[726]. Примером естественного возникновения знака стоимости являются маленькие кусочки штемпелеванной кожи, заменившие шкуры и меха, служившие деньгами[727]. Естественно сложившимся капиталом был сословный капитал, который «заключался в жилище, ремесленных инструментах и естественно сложившейся, наследственной клиентуре…»[728]. Он был неотделим от владельца и переходил по наследству от отца к сыну.

Столь же естественно возникают политические формы. Первобытности присуща «естественно выросшая демократия»[729]. Первобытная демократия столь же естественно превратилась в первобытную аристократию[730] и в военную демократию.

Все общественные формы сложились в той или иной степени естественным путем, и в то же время являются результатами стихийного и бессознательного исторического процесса. Люди, не имеющие сознания своей родовой общности, действуют как рассеянные атомы, «несознательным, бессмысленным, предоставленным господству случая способом»[731]. В результате «касты и цехи возникают под влиянием такого же естественного закона, какой регулирует образование в животном и растительном мире видов и разновидностей»[732]. Так стихийно возникшие общественные формы успевают приобрести «прочность естественных форм общественной жизни»[733].

---

[724] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 159.
[725] Там же. С. 58–59.
[726] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 109.
[727] Там же. С. 99.
[728] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 52.
[729] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 168.
[730] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 166.
[731] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 561.
[732] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 352.
[733] Там же. С. 85.

Естественные условия и формы общества ограничены и ограничивают общественное развитие, определяют его. Поэтому земля господствует над крестьянином – придатком к земле[734]. Естественно возникшие ограничения и различия (например, расовые) могут быть устранены историческим развитием[735]. Это происходит, в частности, благодаря опосредствованию трудом[736] или искусственной организацией (в случае коммунизма перуанцев)[737]. В целом естественно выросшие условия и предпосылки производства «превращаются из естественно выросших в исторические, и если для одного периода они выступают как естественная предпосылка производства, то для другого периода они были его историческим результатом»[738]. Сперва люди начинают трудиться на естественно возникшей основе, а затем создаются исторические предпосылки труда[739].

9.2. Природная основа исторического процесса

Стремление увидеть в природе формы и структуры, присущие человеческому обществу, основоположники исторического материализма воспринимали с иронией: «Человек» мог бы увидеть в природе еще многое другое, например ожесточенную конкуренцию среди растений и животных; он мог бы, например, увидеть, как в растительном царстве, в его «лесу высоких и гордых дубов», эти высокие и гордые капиталисты отнимают средства к жизни у мелкого кустарника, который мог бы воскликнуть: terra, aqua, aere et igni interdicti sumus [нам запрещен доступ к земле, воде, воздуху и огню]; он мог бы увидеть паразитические растения, этих идеологов растительной жизни, далее – открытую войну между «лесными птицами» и «безмерным множеством крохотных животных», между травой его «лугов» и «резвым стадом жеребят». Он мог бы увидеть в «несчетном множестве миров» настоящую небесно-феодальную монархию с ее оброчными и бобылями, из которых некоторые, как, например, луна, влачат весьма жалкое существование,

---

[734] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 145.
[735] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 426.
[736] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 49.
[737] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 449.
[738] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 33.
[739] Там же. С. 486–487.

aere et aqua interdicti [ибо им запрещен доступ к воздуху и воде]; он увидел бы ленную систему, в которой даже безродные бродяги, кометы, имеют сословное расчленение и в которой, например, астероидные обломки свидетельствуют о временных неприятных приключениях, между тем как метеориты, эти падшие ангелы, стыдливо пробираются через «бесконечное пространство», пока не найдут себе где-нибудь скромное пристанище. А еще дальше он натолкнулся бы на реакционные неподвижные звезды»[740].

И все же, как и в формационном процессе[741], предпосылки более высокой формы развития возникают в недрах предыдущей. Более высокая форма движения первоначально подчиняет свои предпосылки формально, а затем формирует собственный базис, обеспечивающей реальное подчинение основ своего развития. Так, наемный труд возник задолго до первых капиталистов, но «существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, подсобного промысла, переходного положения»[742] и лишь с концентрацией средств производства в руках капиталистов «стал правилом и основной формой всего производства»[743]. А меновая стоимость, игравшая в обществах с господством земельной собственности побочную роль (по сравнению с потребительной стоимостью), в форме капитала стала базисом буржуазного общества[744]. Главной форме движения материи всегда сопутствовали побочные формы движения[745], которые при определенных условиях могли стать главенствующими.

Общество имеет социальные зачатки в природе – государства насекомых, производящие животные с органами-орудиями (пчелы, бобры)[746]. По оценке Ф. Энгельса, «это является чем-то лишь побочным и не оказывающим воздействия на положение в целом»[747].

Впрочем, многие животные живут сообществами. А у высших позвоночных животных известны, по меньшей мере, «две формы

---

[740] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 474–475.
[741] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1980. Т. 48. С. 117.
[742] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 282.
[743] Там же. С. 182.
[744] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 199.
[745] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 563.
[746] Там же. С. 563.
[747] Там же. С. 624.

семьи: многоженство и сожительство отдельными парами»[748]. Обезьяноподобные предки человека были общественными животными[749]. Одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны был общественный инстинкт[750]. Человеческое общество возникло из стада лазящих по деревьям обезьян[751]. Превращение в человека могло совершиться при условии образования крупных и долговечных групп, характеризующихся взаимной терпимостью взрослых самцов, отсутствием ревности[752]. Но «перенесение, без соответствующих оговорок, законов жизни животных обществ на человеческое общество»[753] представлялось некорректным.

Первые формы труда – даже у человека – животнообразны, инстинктивны[754]. Человек же – в отличие от паука или пчелы – представляет результат труда идеально и осуществляет сознательную цель[755].

Но существование у животных способности к планомерным, преднамеренным действиям не отрицается: «Напротив, планомерный образ действий существует в зародыше уже везде, где протоплазма, живой белок существует и реагирует, т. е. совершает определенные, хотя бы самые простые движения как следствие определенных раздражений извне»[756]. Ф. Энгельс считал твердо установленным, что законы движения материи «на определенной ступени – то тут, то там – с необходимостью порождают в органических существах мыслящий дух»[757]. Планомерные действия бессознательно совершаются даже насекомоядными растениями[758]. А у животных развивается способность к сознательным, планомерным действиям, вплоть до хитрости[759].

---

748 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 39.
749 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 488.
750 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 34. С. 138.
751 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 491.
752 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 40.
753 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 34. С. 622.
754 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 189.
755 Там же.
756 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 488.
757 Там же. С. 510.
758 Там же. С. 488.
759 Там же.

Размышляя о различии между рассудком и разумом, Ф. Энгельс писал: «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстрагирование… анализ незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), синтез (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, эксперимент (в случае новых препятствий и при затруднительных положениях)»[760]. Высшие животные и человека различаются по степени развития соответствующего метода. И только диалектическое мышление возможно «для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки)»[761].

Люди произошли от породы обезьян, которая «далеко превосходила все остальные смышленостью и приспособляемостью»[762]. Таким образом, без предыстории человеческого духа, его развития от простой, бесструктурной, но ощущающей раздражения протоплазмы низших организмов, «существование мыслящего человеческого мозга остается чудом»[763].

9.3. Существенные отличия человека от животного

Диалектика не знает абсолютно резких разграничительных линий, признает «как то, так и другое» и опосредствует противоположности[764]. Поэтому ряд отличительных черт человека существует и в мире животных, но выражен незначительно.

Но количественные изменения переходят в качественные изменения и то, что «существует как зачаток у одного животного вида, может стать отличительным признаком другого вида животных»[765].

---

[760] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 537.

[761] Там же. С. 538.

[762] Там же. С. 491.

[763] Там же. С. 495.

[764] Там же. С. 527–528.

[765] *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 1. М., 1956. С. 609.

Так, наиболее характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян, – это труд[766]. И животные производят, но это производство имеет ряд отличий от трудовой деятельности человека:

– создание и употребление средств труда свойственны животным только в зародышевой форме[767];

– производственное воздействие животных на окружающую природу равно практически нулю, тогда как человек «переместил различные виды растений и животных, изменил также внешний вид и климат своего местожительства, изменил даже самые растения и животных до такой степени, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с общим омертвением земного шара»[768];

– «животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш»[769];

– животное «производит односторонне, тогда как человек производит универсально»[770];

– животное «производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее»[771];

– «животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу»[772];

– «продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту»[773];

---

766 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 491.
767 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 190–191.
768 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 357.
769 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 93.
770 Там же.
771 Там же.
772 Там же.
773 Там же. С. 93–94.

– «животное строит только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку»[774].

Деятельность человека отличается от жизнедеятельности животного тем, что она является свободной сознательной жизнедеятельностью[775]. Как и люди, животные обладают свободой движения и волей[776], но во всем существенном они несвободны[777]. И каждый шаг человека вперед на пути культуры был шагом к свободе[778].

«…Все планомерные действия всех животных не сумели наложить на природу печать их воли», тогда как «человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям…»[779]. Животные являются пассивными объектами своей истории, которая происходит без их ведома и желания[780]. Например, они ведут «хищническое хозяйство» и «в высшей степени расточительны в отношении предметов питания и притом часто уничтожают в зародыше их естественный прирост»[781]. Необходимость приспособляться к новым, необычным для них родам пищи влечет постепенное изменение видов.

В отличие от всех остальных животных человека характеризует безграничность потребностей и способность к их расширению. С другой стороны, он способен до невероятной степени сокращать свои потребности и ограничиваться минимумом условий своей жизни[782].

Человек научился есть все съедобное и жить во всяком климате[783]. Это создало новые потребности и отрасли труда[784]. Благодаря труду люди все в большей мере «делают свою историю сами,

[774] Там же. С. 94.
[775] Там же. С. 93.
[776] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1973. Т. 47. С. 208.
[777] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 116.
[778] Там же.
[779] Там же. С. 495.
[780] Там же. С. 358.
[781] Там же. С. 491.
[782] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 45. С. 122.
[783] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 493.
[784] Там же. С. 493.

сознательно, и тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели»[785].

Но даже у самых развитых народов современности «существует огромное несоответствие между поставленными себе целями и достигнутыми результатами» и «продолжают преобладать непредвиденные последствия», а «неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем силы, приводимые в движение планомерно»[786]. Отсутствие сознательной, планомерной организации общественного производства не позволяет поднять людей над прочими животными в общественном отношении[787].

9.4. Естественные состояния в предыстории человечества

Каждая общественная форма имеет свою предысторию. Например, предысторию капитала образует первоначальное накопление капитала – исторический процесс отделения непосредственных производителей от средств производства[788].

Предполагается, что предыстория человеческого общества завершится буржуазной общественной формацией[789]. Пока анархия общественного производства не заменена его планомерной, сознательной организацией, человек остается в звериных условиях существования[790].

О зверином состоянии общественной жизни в условиях отсутствия общей власти (дикости, войны всех против всех) говорил еще Т. Гоббс. «В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как ни за кем не обеспечены плоды его труда, и потому нет земледелия, нет судоходства, нет морской торговли, нет удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания темной поверхности, нет исчисления времени, нет ремесла, нет литературы, нет общества, а что хуже всего – это вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь

[785] Там же. С. 358.
[786] Там же.
[787] Там же. С. 359.
[788] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 727.
[789] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 8.
[790] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 227.

человека одинока, бедна, беспросветна, зверина и кратковременна»[791], – утверждал он.

Животный характер носит начало общественной жизни (стадное, «баранье», племенное[792]). Люди относятся к природе по-животному и подчиняются ее власти как скот[793]. Будучи сначала зверем, человек нуждался для развития «в варварских, почти зверских средствах»[794].

Феодализм, приравнивающий касту и сословие к виду людей – животное царство: «Средние века – это животный период в истории человечества, человеческая зоология»[795]. Возникающее из разделения труда противоположность между городом и деревней «одного превращает в ограниченное городское животное, а другого – в ограниченное деревенское животное…»[796]. «…При феодализме одна порода питается за счет другой, плоть до той, которая сама приросла к земле подобно полипу и которая обладает только множеством рук, чтобы срывать плоды земли для высших пород…»[797] – писал К. Маркс.

Апеллируя к обычным правам, высшие породы требуют «животной формы права», превратившейся в звериную маску[798]. Деспотизм несовместим с человечностью и ему необходимо присуще скотство, поддерживающее скотские отношения[799]. Сосланные на каторгу доводятся там до отвратительного скотства и озверения[800]. Находящийся в одиночном заключении в течение нескольких месяцев доводится до скотоподобного состояния безумия[801].

Обыватели тоже хотят только жить и размножаться: «Филистерский мир – это мир политических животных»[802].

---

791 *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2017. С. 134–135.

792 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 30.

793 Там же. С. 29.

794 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 186.

795 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 313.

796 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 59.

797 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 126.

798 Там же.

799 Там же. С. 377.

800 Там же. С. 638–639.

801 Там же. С. 639.

802 Там же. С. 373.

Либерализм сделал вражду всеобщей, превратив человечество в стадо хищных зверей, пожирающих в конкуренции друг друга[803] («Естественное состояние животных выступает как венец человеческого развития»[804]).

Буржуазия обращается с рабочими как с неразумными животными. Действительно, «хороший рабочий», «верно» соблюдающий интересы буржуа, «неизбежно превращается в бессмысленное животное»[805] из-за отупляющего действия однообразного, продолжительного труда. В своих человеческих функциях рабочий чувствует себя только лишь животным, а «свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще располагаясь у себя в жилище, украшая себя и т. д.» [806]

Такие рабочие «плывут по течению, не интересуются тем, что происходит на свете, помогают буржуазии еще крепче заковывать рабочих в цепи; в духовном отношении они так же мертвы, как это было в доиндустриальный период; другие становятся игрушкой судьбы, теряют внутреннюю устойчивость, так же как уже потеряли внешнюю, живут сегодняшним днем, пьют водку и бегают за женщинами; в обоих случаях – это животные»[807]. Ф. Энгельс убежден, что рабочие «остаются людьми, лишь пока они исполнены гнева против господствующего класса; они становятся животными, когда безропотно подставляют шею под ярмо и пытаются только сделать более сносной свою подъяремную жизнь, не думая о том, чтобы от этого ярма избавиться»[808].

Наряду с животным состоянием возможна регрессия в растительное состояние.

Наиболее простой была растительная жизнь индийских сельских общин, пассивная и неподвижная, лишенная достоинства форма существования[809]. В Англии тихую, лишенную умственных

[803] Там же. С. 550.
[804] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 217.
[805] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 352.
[806] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 90.
[807] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 348.
[808] Там же. С. 348.
[809] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 136.

интересов растительную жизнь вели йомены[810], а позже ткачи-надомники. Они жили своим ткацким станком и садиком, «честно и спокойно, в мире и почете, и материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось, и все же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле – работы, которая сама уже была для них отдыхом, – и кроме того они имели еще возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т. п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела»[811]. Это было «растительное и уютное существование»[812], замкнутое и обособленное, без резких колебаний в условиях жизни. Правда, «в духовном отношении они были мертвы»[813].

Когда общество возьмет во владение средства производства и анархия общественного производства будет заменена планомерной и сознательной организацией, прекратится борьба за отдельное существование и человек окончательно выделится из царства животных и из звериных условий существования перейдет в условия действительно человеческие[814]. Благодаря труду человек способен выбраться из чисто животного состояния, и «его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и должно быть создано им самим»[815]. Люди будут господами своего собственного объединения в общество: оно станет их собственным свободным делом, тогда ранее противостояло как навязанное природой и историей[816]. Законы природы будут применяться с полным знанием дела «и только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают»[817].

---

[810] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 247.
[811] Там же. С. 244.
[812] Там же.
[813] Там же. С. 245.
[814] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 294.
[815] Там же. С. 510.
[816] Там же. С. 294–295.
[817] Там же. С. 295.

Глава 10. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

10.1. Континентально-океаническая дихотомия

В вводном разделе «Географическая основа всемирной истории» к своему курсу лекций «Философия истории» Г.Ф.В. Гегель дифференцирует ландшафты по соотношению суши и воды: 1) безводные плоскогорья (степи, равнины); 2) низменности с большими реками; 3) прилегающие к морю прибрежные страны[818]. Эти различения существенны, так издержки транспортировки по воде в десятки раз ниже, чем издержки перевозок по суше. Вода объединяет, а море позволяет стране включиться в мировую связь, развить торговлю и промышленность. Море – это стихия свободы, тогда как земля ограничивает и разделяет.

В историческом материализме считается, что следует учитывать географическую основу экономического развития[819]. А всякая историография должна исходить из геологических, орогидрографических, климатических условий[820].

Континентально-океаническая дихотомия стала значимой для человека с момента овладения огнем. Обработка огнем делает пригодной к употреблению рыбную пищу. С этой пищей «люди стали независимыми от климата и местности; следуя по течению рек и по морским берегам, они могли даже в диком состоянии расселиться на большей части земной поверхности»[821].

Уже в древности и Средневековье стали различаться морские и континентальные народы. Мореходные нации – это греки, финикийцы, карфагеняне[822]. Во главе всех морских народов до сих пор находится германское племя[823]. Славяне предпочитали удаленные от моря территории, оставляя морское побережье другим народам[824]. Перенеся столицу из традиционного континентального ядра

---

[818] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 134.
[819] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 104.
[820] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 19.
[821] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 29.
[822] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1975. Т. 45. С. 475.
[823] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 146.
[824] *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века / https://scepsis.net/library/id_884.html.

национального развития в Петербург, Петр I бросил вызов антиморским инстинктам великой русской расы[825].

В России, как в континентальной стране, в XIX веке преобладало сельскохозяйственное производство[826]. В противоположность ей Балканы, с огромной протяженностью их береговой линии, были по преимуществу регионом транзитной торговли и обладали потенциалом для развития собственной промышленности. Южные славяне заинтересованы в расширении рынка, в ввозе западноевропейских товаров на восточные рынки. Поэтому у южных славян и греков больше общих интересов с Западной Европой, чем с Россией. Предсказывалось, что со строительством трансъевропейских железнодорожные линий «влияние западной цивилизации и западной торговли на юго-востоке Европы станет постоянным»[827].

Отмечалось, что «буржуазная цивилизация распространялась вдоль морских берегов и по течению больших рек»[828]. Отдаленные от моря страны горные местности, особенно неплодородные и труднопроходимые, «оставались убежищем варварства и феодализма»[829].

Впрочем, говоря о конфликте «между горной областью и равниной»[830] в штате Мэриленд (США), К. Маркс указывал, что «низменности, с их огромными болотами рисовых полей и широко раскинувшимися хлопковыми плантациями, и представляют подлинную зону рабства»[831]. Горная область – в большей своей части свободная страна, так как «по своим физическим свойствам почва здесь может успешно обрабатываться лишь свободными парцелльными крестьянами»[832]. В период гражданской войны в США горные области были центрами сопротивления партии рабовладельцев[833].

---

[825] Там же.
[826] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 34.
[827] Там же. С. 35.
[828] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 472.
[829] Там же.
[830] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 15. С. 350.
[831] Там же. С. 349.
[832] Там же.
[833] Там же. С. 351.

В Европе ядром сплошного варварства стала Австро-Венгрия[834]. Только строительство железных дорог подорвало провинциальное варварство: «Участие в общих делах всего государства, в событиях внешнего мира становится необходимостью»[835].

Отсталость германской промышленности Ф. Энгельс объяснял, в частности, неблагоприятным географическим положением страны, ее отдаленностью от Атлантического океана, который «превратился в большую дорогу для мировой торговли»[836]. Промышленные районы Германии пользовались для вывоза и ввоза преимущественно голландскими и бельгийскими гаванями[837].

Впрочем, до первой всемирной торгово-промышленной выставки в Лондоне, проходившей в мае – октябре 1851 года, жизнь в Англии характеризовалась островной замкнутостью[838]. После проведения выставки Англия постепенно интернационализировалась в пище, манерах, идеях. В частности, «распространение прованского масла (до 1851 г. известного только аристократии) сопровождалось роковым распространением континентального скептицизма в религиозных вопросах…»[839].

В ближайшей исторической перспективе прогнозировалось смещение центра деловой жизни из Атлантического океана в Тихий океан: «Средоточием мировых сношений в Средние века была Италия, в новейшее время Англия, теперь же таким центром становится южная половина североамериканского полуострова. Промышленность и торговля старой Европы должны употребить огромные усилия, если не хотят прийти в такой же упадок, в каком находятся промышленность и торговля Италии с XVI столетия, если они не хотят, чтобы Англия и Франция превратились в то, чем являются в настоящее время Венеция, Генуя и Голландия... Благодаря калифорнийскому золоту и неутомимой энергии янки оба побережья Тихого океана скоро будут так же густо населены, так же открыты для торговли, так же развиты в промышленном отношении, как теперь побережье от Бостона до Нового Орлеана. И тогда

[834] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 472–473.
[835] Там же. С. 476.
[836] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 9.
[837] Там же. С. 8.
[838] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 302.
[839] Там же.

Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в Средние века Средиземное море, – роль великого водного пути для мировых сношений; а Атлантический океан будет низведен до роли внутреннего моря, какую теперь играет Средиземное море»[840].

В следующем международном обзоре Ф. Энгельс подчеркивал, что даже грандиозный калифорнийский рынок незначителен по сравнению с ростом торговли в Чили и Перу, в Западной Мексике, на Сандвичевых островах, а также торговли Калифорнии с Азией и Австралией, Новой Зеландией. Благодаря Калифорнии Тихий океан «становится самым важным океаном в мире»[841]. Вскоре он с удовольствием отмечал, что «наши предсказания о доминирующей роли Тихого океана осуществляются еще быстрее, чем мы могли этого ожидать»[842].

Единственное спасение европейских цивилизованных стран от провинциализации и зависимости виделось в социальной революции и создании новых производительных сил, способных обеспечить превосходство европейской промышленности и уравновесить невыгоды ее географического положения.

10.2. Великие материки: особый путь

Комментируя исследования американского этнографа Л.Г. Моргана[843], Ф. Энгельс соглашается с его характеристикой различий в природных богатствах Старого света и Нового света. По оценке Л.Г. Моргана, восточное полушарие имело всех годных для приручения животных (за исключением ламы) и большую часть хлебных злаков, тогда как в западном полушарии имелся только маис. Различия в природных условиях обоих великих материков настолько велико, что население каждого полушария развивалось своим особым путем[844].

Наиболее развитые племена восточного полушария приручили животных, что доставляло постоянную мясную и молочную

[840] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 233.
[841] Там же. С. 462.
[842] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 307.
[843] *Морган Л.Г.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935.
[844] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 30.

пищу[845]. Регулярное потребление этой пищи укрепляло и оздоровляло[846]. Домашние животные дополняли своей силой мускульную силу человека[847].

Тесные контакты с различными домашними животными усложнили биом человека Старого света различными патогенами[848]. В результате «после того как европейцы прибыли в Америку, туземцы стали мало-помалу гибнуть от дуновения европейской деятельности»[849].

Л.Г. Морган также отмечал, что существование в Старом свете континентальной связи позволяло всем племенам участвовать в прогрессе каждого племени за счет распространения изобретений или открытий. Определенные племена становились ведущими, но это первенство неоднократно сменялось. Разрушение связей между племенами задерживало прогресс[850].

Об этом факторе исторического прогресса также писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Только от распространенности сношений зависит, теряются – или нет – для дальнейшего развития созданные в той или другой местности производительные силы, особенно изобретения. Пока сношения ограничиваются непосредственным соседством, каждое изобретение приходится делать в каждой отдельной местности заново; достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала. На первых ступенях исторического развития приходилось изобретать ежедневно заново, и в каждой местности – независимо от других. Как мало были гарантированы от полной гибели развитые производительные силы, даже при сравнительно обширной торговле, показывает пример финикиян, большинство изобретений которых было утрачено надолго в результате вытеснения этой

[845] *Морган Л.Г.* Древнее общество… С. 16–17.
[846] Там же. С. 18.
[847] Там же.
[848] *Даймонд Дж.* Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ. М., 2010.
[849] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 128.
[850] *Морган Л.Г.* Древнее общество… С. 26.

нации из торговли, завоевания Александром и последовавшего отсюда упадка. Другой пример – судьба средневековой живописи на стекле. Только тогда, когда сношения приобретают мировой характер и базируются на крупной промышленности, когда все нация втягиваются в конкурентную борьбу, только тогда обеспечивается сохранение созданных производительных сил»[851].

Итальянский марксист А. Лабриола (1843–1904), в частности, писал: «Возьмем, для примера, Италию XVI века: она явно клонилась к упадку, но в то время как звезда ее закатывается, она передает остальной Европе весь свой интеллектуальный арсенал. Этот последний не только становится достоянием цивилизации, продолжающей следовать по своему пути, но весь мировой рынок укрепляется, как на фундаменте, на тех географических открытиях и изобретениях в области мореходного искусства, которые были сделаны итальянскими купцами, путешественниками и моряками. Из Италии же перешли в другие страны не только методы военного дела и утонченные приемы политического коварства, но даже и искусство чеканить деньги, превратившееся в детально разработанную коммерческую дисциплину; а затем, один за другим, туда перекочевали и зачатки знаний, на которых основала вся современная техника и, прежде всего, методическое орошение полей и общие законы гидравлики. Итак, не подлежит сомнению, что в истории существует известная непрерывность в эмпирическом и ограниченном смысле передачи и последовательного роста средств цивилизации»[852].

Сходным образом К. Каутский объяснял отсталость аборигенов Австралии: «Австралия геологической катастрофой прежних времен вскоре же после появления там палеолитического человека была отрезана от остального мира. Всякое влияние извне приостановилось и человеческая жизнь стала застывать»[853]. Совсем другое в Афроевразии: «В тысячу раз большие выгоды положения местности, изрезанные берега, многочисленные лежащие неподалеку

---

[851] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 54.

[852] *Лабриола А.* Исторический материализм: очерки материалистического понимания истории. М., 2010. С. 142.

[853] *Каутский К.* Еврейство и раса. Статьи по вопросам национальности. М., 2012. С. 52.

(вдоль берега) острова, судоходные реки и в особенности постоянные переходы из Азии в Европу и из Европы в Азию и Африку, богатый обмен знаний, открытий, изобретений, непрерывная торговля и сообщение – сделали нас тем, чем мы есть на самом деле»[854].

В связи с этим интересно и наблюдение И.Г. Гердера о том Америка расколота на мелкие и мельчайшие части реками, озерами, и горами. Небольшие племена были слишком разъединены, «так что, в отличие от Азии, на ее территории не могла утвердиться и распространиться вширь ни культура, общая для всей части света, ни древнее слово традиции отцов»[855].

10.3. Восток – Запад, Север – Юг

Согласно Г.В.Ф. Гегелю, всемирная история начинается в Азии, направляется с Востока на Запад и завершается на Севере, в германском мире[856]. Основоположники исторического материализма также применяли регионально конкретизируемое позиционирование по сторонам света. В отношении Германии, например, писалось: «Юг имел совершенно иные торговые связи и рынки сбыта, чем север; между востоком и западом почти вовсе не существовало обмена»[857].

В отличие от Г.В.Ф. Гегеля в соответствии с данными археологии констатировалось историческое движение человечества с Юга на Север: «Людям раннего палеолита сопутствуют животные преимущественно южного происхождения, тогда как в эпоху позднего палеолита наряду с человеком появляются животные северного происхождения…»[858]. Допускалось, что движение вытеснявших друг друга старых и новых рас и в Европе и в Северной Америке имело возвратно-поступательный характер, а также сопровождалось продвижением на Восток, вплоть до Индии и Австралии[859].

---

[854] Там же.
[855] *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М.; СПб., 2013. С. 32.
[856] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 147.
[857] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 347.
[858] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 443.
[859] Там же.

В обращении к П. Лафаргу Ф. Энгельс фиксировал естественный антагонизм между югом и севером: «Вы, южане, все приносите в жертву форме, северяне слишком пренебрегают ею, придерживаясь лишь существа дела. Вы любите театральный эффект, они, быть может, излишне пренебрегают им»[860]. В частности, в отношении реакции испанцев на смену политических декораций в виде принятия Кадисской конституции 1812 года К. Маркс писал, что «у этих страстных южан от разочарования до ненависти всего лишь один шаг»[861]. По-видимому, в силу более существенного отношения к делу «на севере существует обычай обносить гостей перед скудной трапезой отборными спиртными напитками»[862].

Возвратно-поступательным также было в первобытности и древности миграционное движение населения по оси Запад – Восток[863].

Ключом к пониманию всего Востока Ф. Энгельс считал отсутствие частной собственности на землю, обусловленного необходимостью искусственного орошения, что было «делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства»[864]. Допускалось, что на Востоке не земля, а вода и система орошения были предметом классового присвоения[865]. Если на Западе, как во Фландрии и в Италии, необходимость экономного и совместного использования воды заставила частных предпринимателей соединяться в добровольные ассоциации, то «на Востоке, – где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, – повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства»[866].

Типичное азиатское государство состоит «из множества сельских общин, каждая из которых имеет свою совершенно самостоя-

---

860 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 20–21.
861 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 471.
862 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 93.
863 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 444–446.
864 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 28. С. 221.
865 *Оранский С.А.* Основные вопросы марксистской социологии. Л., 1929. Т. 1. С. 172–173.
866 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 132.

тельную организацию и представляет собой особый замкнутый мирок»[867]. Изоляция отдельных общин друг от друга является основой дополняющего ее восточного деспотизма[868].

Еще одна особенность Востока усматривалась в обрядности, в системе обстоятельнейших предписаний и религиозных запретов, при которой люди разных религий «не могут вместе ни пить, ни есть, не могут выполнить совместно ни одного самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом»[869]. Это отделение человека от человека в противоположность терпимости Греции и Рима. Христианство смогло стать мировой религией, тогда как «ислам, сохранив свою специфически восточную обрядность, сам ограничил область своего распространения Востоком и Северной Африкой, завоеванной и вновь заселенной арабскими бедуинами»[870].

Кроме того, в восточных государствах наблюдается «неподвижность социальной базы при неустанной смене лиц и племен, захватывающих в свои руки политическую надстройку»[871]. Но это все «бесплодные движения, происходящие на политической поверхности»[872], но вызывавшие «дикие, слепые и необузданные силы разрушения»[873], без каких-либо зачатков плодотворной деятельности. Только Англия, подорвав ввозом тканей домашнюю промышленность, смогла вызвать в Индостане «единственную социальную революцию, пережитую когда-либо Азией»[874].

---

[867] Там же. С. 228.
[868] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 18. С. 544.
[869] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 313.
[870] Там же.
[871] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 15. С. 529.
[872] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 228.
[873] Там же. С. 136.
[874] Там же. С. 135.

Ключевым в столкновении цивилизаций признается восточный вопрос. К. Маркс писал о «постоянном горячем споре между Востоком и Западом»[875], состоящем в решении вопроса о принадлежности Константинополем – «Рима Востока»[876]. Со времен византийской цивилизации и при господстве турок в нем переплелись западная цивилизация и восточное варварство.

Константинополь был и оставался серьезной преградой для европейского прогресса, поскольку дух старой Византийской империи при поддержке России, цивилизация и религия которой имеют византийское происхождение, мог возродиться, стать более агрессивной силой и оказывать тогда еще более деморализующее влияние, чем при греческих императорах[877]. «Борьба между Западной Европой и Россией за обладание Константинополем заключает в себе вопрос о том, падет ли византинизм перед западной цивилизацией или же антагонизм между ними снова оживет в более ужасных и насильственных формах, чем когда-либо раньше. Константинополь, это – золотой мост между Востоком и Западом, и западная цивилизация, подобно солнцу, не может обойти вокруг света, не пройдя через этот мост; а через этот мост нельзя пройти без борьбы с Россией»[878], – писал К. Маркс. Только революция на Западе сможет уничтожить на берегах Невы последний оплот старого порядка и одолеть «демоническое влияние восточного Рима»[879].

По мнению А. Грамши, «Восток и Запад – произвольные, условные, то есть исторически сложившиеся конструкции, поскольку вне реальной истории любой пункт земли одновременно является и Востоком и Западом». Очевидна применимость данного замечания к оппозиции Севера и Юга[880]. Наряду с этим А. Грамши подчеркивал, что «совместившийся в понятии Востока и Запада исторический и географический смысл указывает в конечном итоге на определенные отношения между различными типами цивилизации»[881].

---

[875] Там же. С. 239.
[876] Там же.
[877] Там же. С. 239–240.
[878] Там же. С. 240.
[879] Там же.
[880] *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. I. М., 1991. С. 175.
[881] Там же.

10.4. Географические гомологии в истории

О гомологии Ф. Энгельс писал, иллюстрируя переход количества в качество на примере гомологических рядов соединений углерода[882], а также в связи со сравнением гомологичных органов организмов, обитающих в сходных физико-географических условиях[883]. Сходство в географическом положении стран определяет и наличие общих черт в историческом развитии общественных организмов. Это сходство может достигать степени структурного подобия, при котором отдельные элементы географической структуры выполняют сходные исторические функции.

Например, по наблюдению Ф. Энгельса, Финикия по отношению к Палестине играла ту же роль, что Голландия и Бельгия – отделенные от Германии болотами и Арденнами – играли по отношению к Германии[884]. По-видимому, к этому наблюдению относимо следующее замечание Г. В. Ф. Гегеля: «Та деятельность, к которой призывает море, совершенно своеобразна; поэтому прибрежные страны в большинстве случаев всегда отделяются от стран, не прилегающих к морю, хотя они и связаны с ними при посредстве реки. Таким образом, Голландия отделилась от Германии, Португалия от Испании»[885]. О том же писал и Ф. Энгельс: «Португалия – иберийская Голландия – завоевала себе право на самостоятельное существование благодаря мореплаванию…»[886].

Для Англии функциональным эквивалентом Ирландии на Востоке стал Шлезвиг-Гольштейн как источник ввоза скота и масла[887]. Существенно и сходство разворачивающихся процессов – развитие скотоводства за счет гибели земледелия, начинающаяся эмиграция. В перспективе та же участь, по прогнозу Ф. Энгельса, могла ожидать другие местности Северо-Германской низменности[888].

---

[882] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 388.
[883] Там же. С. 353.
[884] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1975. Т. 45. С. 124.
[885] *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 136.
[886] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 18. С. 571.
[887] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1975. Т. 45. С. 123.
[888] Там же.

К. Маркс отмечал географическое сходство Индии и Италии: «Индостан – это Италия азиатских масштабов. Гималайские горы соответствуют Альпам, равнины Бенгалии – равнинам Ломбардии, Деканский хребет – Апеннинам, а остров Цейлон – острову Сицилии»[889]. Со сходством географического положения связывалась общность исторических судеб: «То же богатство и разнообразие даров земли и та же раздробленность в политическом устройстве. И подобно тому как в Италии время от времени меч завоевателя лишь насильственно объединял различные национальные массы, точно так же мы видим Индостан – в те периоды, когда он не находится под гнетом мусульман, или моголов, или британцев – разделенным на столько же независимых и враждующих между собой государств, сколько он насчитывает городов или даже деревень»[890]. В религиозном отношении Индостан и Италия – это «мир сладострастия и мир печали»[891].

На них также похожа Испания, ограниченная с севера Пиренеями. Ее географический облик обусловил отсутствие единообразия в общественной жизни страны, независимость провинций и коммун. Эти черты исторически закрепились благодаря тому, что «различные провинции самостоятельно освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства…»[892]. Все это создало материал, не поддающийся централизации. Абсолютная монархия в Испании не допускала возникновения общих интересов, обусловленных внутринациональным разделением труда и многообразием внутреннего обмена. Поэтому абсолютную монархию в Испании К. Маркс характеризовал как восточный деспотизм, азиатскую форму правления: «Испания, подобно Турции, оставалась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе. Деспотизм принимал различный характер в различных провинциях, где общее законодательство произвольно толковалось вице-королем и губернаторами; но при всем своем деспотизме правительство не мешало провинциям со-

[889] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 117.
[890] Там же.
[891] Там же.
[892] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 432.

хранять свои различные законы и обычаи, различные монетные системы, военные знамена разнообразных цветов и свою особую систему налогового обложения»[893].

Кичившаяся своим положением независимой великой державы Австро-Венгрия сравнивалась с самой древней и самой прочной империей в мире, архиреакционной и архиконсервативной твердыней, огороженной Китайской стеной[894]. Отдаленные от моря страны верхнего Дуная объединились в интересах обороны с откатом буржуазной революции в Германии и образованием в Западной Европе крупных монархий: «Здесь, в центре Европы, варвары всех языков и народностей соединились под скипетром Габсбургского дома. Ядром этого сплошного варварства стала Венгрия. Дунай, Альпы, скалистые горные преграды Богемии – вот основы существования австрийского варварства и австрийской монархии»[895]. После 1815 года К. Меттерних создал настоящую китайскую стену: «Таможенные пошлины не пропускали материальной немецкой продукции, цензура – духовной; невероятнейшие паспортные ограничения сводили личные сношения до крайнего минимума. Внутри страна была застрахована от всякого, даже самого слабого, политического движения абсолютистским произволом, единственным в своем роде даже в Германии. Таким образом, Австрия оставалась совершенно чуждой всему буржуазно-либеральному движению Германии»[896].

---

[893] Там же.
[894] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 234.
[895] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 272.
[896] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 432.

Глава 11. ИНТЕРНАЦИОНАЛ

11.1. Национальный вопрос

Всемирно-исторический процесс в историческом материализме представляется как стихия взаимодействий крупных и мелких рас, племен, народов и народностей, наций и национальностей, а также их обломков, осколков и остатков. В раннем европейском Средневековье из смешения народов постепенно развивались новые национальности[897]. С разграничением на языковые группы и образованием на их основе государств национальности начали развиваться в нации[898]. Не только человеческое общество в целом, но и отдельные общества и практически каждый человек имеют сложный национальный состав и могут быть представлены как «интернационал».

Такое представление основывается на том, что первая, устанавливаемая чисто эмпирическим путем, предпосылка человеческой истории – существование живых человеческих индивидов с присущими им физическими свойствами, с телесной организацией и обусловленной этой организацией отношением людей к остальной природе[899]. Соответственно, естественным исходным пунктом в анализе общества признавалась «природная определенность; субъективно и объективно; племена, расы и т. д.»[900]. Раса рассматривается в качестве значимого экономического фактора[901].

В первом приближении регионы мира выглядят как сопряжения различных народов. Индию образует «вражда между различными расами, племенами, кастами, религиями и государствами»[902]. Евро-

---

[897] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 409.
[898] Там же. С. 410.
[899] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 19.
[900] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 736.
[901] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 174.
[902] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 240.

пейская Турция населена «конгломератом различных рас и национальностей»[903]. К югу от Карпат беспорядочно разбросаны и перемешаны друг с другом разноплеменные народы[904]. Австро-Венгрия – «пестрый конгломерат народов»[905], а в 1848 году – просто «хаос народов»[906]. В Восточной Европе в целом «приливы азиатских нашествий в течение тысячелетия, набегая один за другим, оставили на берегу … груды перемешанных обломков наций, которые даже и теперь этнолог едва может различить, и где в полнейшем беспорядке перемешаны тюрки, финские мадьяры, румыны, евреи и около дюжины славянских племен»[907].

Отдельные народы также являются результатом смешения. Австрийцы – это смешение трех главных европейских рас: «немецкие элементы, привитые на кельтскую основу, с сильной примесью славянских элементов»[908]. Национальность англичан представляет собой «смешение немецких и французских элементов»[909]. Хотя немцы в Польше старались не смешиваться с местным населением и в городах со смешанным населением существовало различное право для немцев, для поляков и для евреев, все же польские немцы «сочетали в себе дурные особенности обеих наций, не усвоив хороших»[910]. Французы тоже результат синтеза. С раннего Средневековья провансальская (южнофранцузская) нация была не более родственна северофранцузской, чем польская – русской, пока наконец «железный кулак Конвента впервые сделал жителей Южной Франции французами»[911].

Некоторые нации – швейцарцы и бельгийцы – всего лишь смешанные псевдонации[912].

---

[903] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 6.
[904] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 353.
[905] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 49.
[906] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 179.
[907] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 162.
[908] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 107.
[909] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 600.
[910] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 338.
[911] Там же. С. 178.
[912] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1977. Т. 44. С. 61.

Австрийская нация – искусственная[913]. Подлинную австрийскую нацию составляют офицеры и чиновники, которые из поколения в поколение служат императору и образуют особую породу людей: «Они не принадлежат ни к одной из многочисленных национальностей, которые соединены под крылами двуглавого орла. Их постоянно перемещали и перемещают из одного конца империи в другой – из Польши в Италию, из немецких областей в Трансильванию; они с одинаковым презрением относятся к венгру, поляку, немцу, румыну, итальянцу, хорвату и т. д. – ко всякому лицу … обнаруживающему особый национальный характер»[914].

В связи с этим возникает *национальный вопрос* – вопрос о действительности существования нации, ее жизнеспособности и возможности самоорганизации.

Поскольку границы нации относительны, а ее структура многоуровневая, то один национальный вопрос неразрешим без другого: «Польский вопрос – это германский вопрос. Без независимой Польши не может быть независимой и единой Германии…»[915].

Вследствие иммиграции, заимствования культуры и других факторов может происходит распад нации. В отношении Англии замечается: «Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия. Это два совершенно различных народа, которые так же отличаются друг от друга, как если бы они принадлежали к различным расам…»[916].

По оценке Ф. Энгельса, практически в каждой стране Европы под управлением одного правительства находятся несколько различных национальностей, естественные границы которых – границы языка. Эти национальности вошли в состав более мощных наций, оказавшихся более жизнеспособными. И есть немалая польза в том, что «различные нации, сформировавшиеся политически, в большинстве случаев имеют в своем составе кое-какие инородные элементы, которые создают связующее звено с их соседями

[913] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 11. С. 207.
[914] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 31.
[915] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 15. С. 596.
[916] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 356.

и вносят разнообразие в слишком монотонную однородность национального характера»[917].

Сравнительная ассимиляционная способность наций определяется двумя факторами – расовыми особенностями и уровнем цивилизационного развития. Например, в Нью-Йорке китайцы далеко превосходят голландцев, ирландцев, итальянцев, евреев и венгров «своей способностью жить, питаясь всякой дрянью»[918].

Ввиду огромной гибкости ирландской расы после многовековой борьбы с англичанами «во втором, а часто и в первом поколении, чужеземцы превращались в больших ирландцев, чем сами ирландцы, а последние – чем больше усваивали английский язык и забывали свой собственный, тем больше становились ирландцами»[919]. Завоевывавшие Индию арабы, турки, татары, моголы быстро ассимилировались с коренным населением: «Согласно непреложному закону истории, варвары-завоеватели сами оказывались завоеванными более высокой цивилизацией покоренных ими народов»[920]. Так, в большинстве бывших римских провинций побежденное население ассимилировало германцев[921].

Германизация, мадьяризация и итальянизирование славян определялись более высоким уровнем цивилизации. В частности, о территориях славян Ф. Энгельс писал: «Немецкая промышленность, немецкая торговля и немецкая культура сами собой ввели в стране немецкий язык»[922]. Но немцы также ассимилируются: «Поляки никогда не умели ассимилировать чужеродные элементы. Немцы в городах остались и остаются немцами. Между тем каждый русский немец во втором поколении является живым примером того, как Россия умеет русифицировать немцев и евреев. Даже у евреев вырастают там славянские скулы»[923]. Ославянилась часть немецкого и мадьярского дворянства в Венгрии[924]. Сохранившие немецкий

---

[917] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 161.
[918] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 274.
[919] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 523.
[920] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 225.
[921] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 409.
[922] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 297.
[923] Там же.
[924] Там же. С. 177.

язык венгерские немцы «стали по духу, характеру и обычаям настоящими мадьярами»[925].

Исторически недееспособные нации – это народы, которые либо не имели ни своей истории, ни энергии, необходимой для того, чтобы ее создать, либо не сохранили национальную историческую традицию. По мнению Ф. Энгельса, к ним относятся румыны из Валахии и Трансильвании, чехи, моравы, словаки, иллирийские словенцы, далматинцы, хорваты, шокцы и другие австрийские славяне. По его оценке, все это «народы, которые никогда не имели своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, нежизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность»[926].

Даже те народы, которые когда-то имели собственную государственность и совершали исторические деяния (например, моравы в составе Великой Моравии) к настоящему времени утратили историческую дееспособность и превратились в умирающие нации, поглощаемые более сильными соседями. Одним из признаком нежизнеспособности является, например, то, что «восемь миллионов славян в продолжение восьми веков вынуждены были терпеть ярмо, возложенное на них четырьмя миллионами мадьяр»[927]. Только в Сербии южные славяне имеют просвещенное и сильное национальное ядро: «У сербов есть своя собственная история и своя собственная литература. Своей теперешней внутренней самостоятельностью они обязаны одиннадцатилетней отважной борьбе с противником, значительно превосходящим их численностью. За последние двадцать лет они добились быстрого роста культуры и средств цивилизации»[928]. Поэтому христиане Болгарии, Фракии, Македонии и Боснии видят в Сербии центр объединения в борьбе за независимость и национальное существование.

[925] Там же. С. 181.
[926] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 241.
[927] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 297.
[928] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 34.

Первые условия национального существования – значительная численность и сплошная территория[929]. Жизнеспособные нации – это прежде всего крупные и многочисленные, сплоченные, сильные и энергичные, территориально не раздробленные на части нации[930] (в Европе – французская, английская, немецкая, испанская, итальянская, русская, венгерская и польская нации). А малочисленные нации – фактически обломки национальностей, насчитывающие 1–3 млн чел. (австрийцы, голландцы, датчане, хорваты, чехи, словаки) – бессильны[931].

Указывалось на несомненную жизнеспособность больших и четко определенных исторических наций Европы (Италия, Польша, Германия, Венгрия. Франция, Испания, Англия, Скандинавия), «которые не были разделены и не находились под иностранным господством»[932]. И высказывалось сомнение в «праве на самостоятельное национальное существование многочисленных мелких остатков тех народов, которые фигурировали более или менее продолжительное время на арене истории, но затем были превращены в составную часть той или иной более мощной нации, оказавшейся в силу большей жизнеспособности в состоянии преодолеть большие трудности»[933].

Впрочем, умирающие, утратившие жизнеспособность национальности (австрийские и германские славяне, валлийцы в Англии, баски в Испании, нижнебретонцы во Франции, испанские и французские креолы Северной Америки), могут доказать свою былую жизнеспособность. Так, славяне могут проявить революционную инициативу[934]. Еще одна возможность состоит в восстановлении известной самостоятельности в союзе с другими нациями[935]. Войдя в большое государство «маленькие, хилые и бессильные национальности» способны «принять участие в историческом развитии,

---

[929] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 184.
[930] Там же. С. 84.
[931] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1977. Т. 44. С. 61.
[932] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 160.
[933] Там же. С. 161.
[934] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 299.
[935] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 56.

которому они, предоставленные сами себе, остались бы совершенно чужды!»[936].

Соответственно, под вопросом была жизнеспособность «маленьких промежуточных государств»[937]. Для сохранения жизнеспособности, особенно в форме национального государства, кроме значительной численности и сплошной территории требуются иные необходимые условия. Например, жизнеспособная Польша должна обладать территорией 1772 года, владеть «не только бассейнами, но и устьями своих больших рек и большой прибрежной полосой, по крайней мере, на Балтийском море»[938].

11.2. Национальный характер

Каждый народ отличается определенным национальным характером, который предуказывает путь, по которому должно шествовать национальное государство[939].

Так, характер *австрийцев* «более живой и сангвинический, чем у менее смешавшихся с другими расами немцев, а также более инициативный благодаря импульсивности»[940]. Поэтому следует ожидать, что «пока Париж будет осторожничать, Вена может подать сигнал грядущей революции»[941]. Но венцы такие сангвиники, что их «нужно не подгонять, а, скорее, сдерживать, чтобы плоды многолетних трудов не пропали в один день»[942].

Древненорманнский национальный характер – характер жестокий, грубый, проявляющейся в «крайней замкнутости, при которой избыток мыслей и чувств выражается не в словах, а только в делах, именно в грубом обращении с женщинами, в постоянном пьянстве и в неистовой воинственности, перемежающейся со слезливой сентиментальностью»[943].

---

[936] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 298.
[937] Там же. С. 299.
[938] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 353.
[939] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1970. Т. 41. С. 257.
[940] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 107.
[941] Там же.
[942] Там же. С. 140.
[943] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 404.

Норвегия – оплот индивидуализма: «Через каждые две–три английские мили можно видеть на скалах клочки рыхлого грунта такой величины, что их плодами могла бы, может быть, прокормиться одна семья; и действительно, на каждом из этих участков живет по семье, отрезанной от всего мира. Люди здесь, то есть в сельской местности, красивы, сильны, смелы, ограничены и – фанатически религиозны»[944].

Ф. Энгельс согласен с тем, что *шведы* – чувствительные и сердечные люди, хотя чувства уходят глубоко внутрь души, не проявляясь во вне, а *датчане* – веселый и жизнерадостный народ, со слабым и мягким характером, с мягким выговором южан[945]. Впрочем, Ф. Энгельсу датчане не симпатичны «нравственным убожеством, цеховой и сословной узостью»[946]. Датчане – «народ адвокатов: чтобы отстоять свою точку зрения, они *лгут прямо и сознательно…* »[947].

Фризы «считают себя расой, стоящей выше датчан и в физическом, и в моральном отношении, и это соответствует действительности»[948]. Натура северных фризов умозрительная, и они «поставили *внутренний* горизонт на место внешнего…»[949].

Фламандцы «всю свою жизнь прозябают в самом мелочном мещанском утилитаризме, в самой мелкотравчатой, ужасающей погоне за барышом»[950].

Потомок кельтов *ирландец* – дитя природы, беспечное и жизнерадостное[951], действующее «с чисто кельтским энтузиазмом и с характерной ирландской наивностью»[952]. Его характер южный, легкомысленный и беззаботный, веселый, но нрав грубый[953]. Особенности ирландского характера соответствуют погоде в Ирландии: «Характер погоды, как и жителей, в Ирландии более резко очерчен,

---

944 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 373.
945 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 421.
946 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 19.
947 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 31. С. 5.
948 Там же. С. 4.
949 Там же. С. 14.
950 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 404
951 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 522.
952 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 505.
953 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 237.

переход от одной крайности к другой происходит более стремительно и непосредственно; небо напоминает лицо ирландской женщины: туча и солнечный луч появляются на нем так же внезапно и так же неожиданно, но для серой английской скуки нет места»[954]. При страстном, живом темпераменте, легкомыслии и возбудимости горячий ирландец великодушен до самоотверженности[955].

Германцы – высокоодаренная ветвь арийской группы[956]. Но поскольку в Германии первоначальное население не тронулось с места, то немцы кретинообразны[957]. Гордость германской расы составляет широкая кость[958]. Общей наследственной чертой германской расы является физическая и духовная неуклюжесть[959]. Немецкий народ мечтательный и сонливый[960], христианско-спиритуалистический[961]. Истые немцы основательны[962] и солидны[963]. Основательность у них «страшно тяжеловесная» – это «основательное глубокомыслие или глубокомысленная основательность»[964]. Они тяжелы на подъем[965], идут по прямому и ясному пути[966], но запаздывают[967]. «В каждом немце сидит бюрократ»[968], но вообще-то немцы призваны быть «мещанами мировой истории»[969].

Обладают простым здравым смыслом[970], но пристрастны к абстрактным принципам[971]. Поскольку принцип почти всегда укро-

---

[954] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 496.
[955] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 356.
[956] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 154.
[957] Там же. С. 485.
[958] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 519.
[959] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 485.
[960] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 11.
[961] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 600.
[962] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 583.
[963] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 19.
[964] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 294.
[965] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 177.
[966] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 255.
[967] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 416.
[968] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 41.
[969] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 337.
[970] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 11. С. 481.
[971] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 540.

щает притязания интересов, то немцы – нация, далекая от практических интересов[972]. Если принцип не может быть немедленно проведен в жизнь, то он «откладывается на отдаленное будущее, а в настоящее время предоставляется безобидной разработке его «мыслителями»[973]. Немцам свойственен идеализм[974], они способны к обобщениям[975] и склонны к теории[976]. «Немцы – нация философская, – писал Ф. Энгельс, – они не пожелают, не смогут отказаться от коммунизма, раз он покоится на здоровых философских основах, в особенности, когда он является неизбежным выводом из их собственной философии[977].

А вот такая южнонемецкая группа как *швабы* отличается фантазией[978].

Рейнцы же по натуре – сангвиники, с всегда веселым характером, открытой и простодушной безмятежностью. Уроженец Рейна – счастливчик среди немцев, так как ему «мир всегда представляется прекраснее и жизнь радостнее, чем остальным»[979]. Ф. Энгельс пишет: «Несомненно, ни один рейнский житель не пропускал когда-либо представлявшегося ему случая к житейскому наслаждению, иначе его приняли бы за величайшего дуралея. Этот веселый нрав сохраняет ему еще надолго молодость, в то время как северный германец уже давно перешел в филистерскую полосу степенности и прозы. Житель Рейна всю свою жизнь забавляется веселыми, резвыми шалостями, юношескими шутками или, как говорят мудрые, солидные люди, сумасбродными глупостями и безрассудствами...»[980].

---

[972] Там же.
[973] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 22.
[974] Там же.
[975] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 32. С. 134.
[976] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 255.
[977] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 540.
[978] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 34. С. 190.
[979] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1970. Т. 41. С. 257.
[980] Там же. С. 259–260.

Французы по темпераменту сангвиники[981], легко возбудимые[982] и страстные[983], в своих мнениях и поступках больше поддающиеся влиянию успеха, чем какая-либо другая цивилизованная нация[984]. Темперамент французов и их общество особенно предрасполагают к наслаждению[985]. У них «весьма тонкий нюх»[986] и «быстрая сообразительность»[987]. Соответственно своим особенностям французы, как замечал К. Маркс, цивилизовали английский материализм: «Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием. Они придали ему недостававшие еще темперамент и грацию»[988].

Положение Парижа как мирового города, в котором лично общались представители всех наций, содействовало закреплению у французов «универсального характера»[989] и свойственной им «покровительственной манеры»[990] общения. Его население «сочетает в себе, как никакой другой народ, страсть к наслаждениям со страстью к историческому действию…»[991].

При этом французы не любят предпринимательскую деятельность. Они желают жить, как рантье. А для этого акционерная форма предприятия стала просто находкой[992]. Французы очень любят единообразие[993].

По оценке Ф. Энгельса, французы – «античноматериалистический» и поэтому – «политический народ»[994], обладающий пафосом

---

[981] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 107
[982] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 11. С. 439.
[983] Там же. С. 447.
[984] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С.237.
[985] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 418.
[986] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 28. С. 197.
[987] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 11. С. 481.
[988] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 144.
[989] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 412.
[990] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 92.
[991] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 500.
[992] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 34. С. 44.
[993] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 20.
[994] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 600.

«политического самопожертвования»[995]: «Ни одно усовершенствование, ни одна доктрина не могут приобрести во Франции национального значения, если они не облечены в какую-либо политическую форму»[996].

Имеющие более сильную примесь немецкой крови *бургундцы*, крупнее и светлее, чем французы. «Наивные, добродушные, в высшей степени доверчивые, одаренные большим природным умом в пределах привычного жизненного круга, полные наивно-комических представлений обо всем, что выходит за рамки этого круга, забавно-неловкие в непривычных условиях, всегда неистощимо веселые, – таковы почти все эти добрые люди»[997], – писал Ф. Энгельс.

Специфика *английского* национального характера определяется образованием английской нации из германских и романских элементов, которые затем «развивались рядом и образовали, в конце концов, национальность, которая носит в себе непримиренными обе односторонности»[998]. Ф. Энгельс заключал: «Характер английской национальности – это неразрешенное противоречие, соединение самых резких контрастов. Англичане – самый религиозный народ в мире и в то же время самый иррелигиозный; они больше беспокоятся о потустороннем мире, чем какая-либо другая нация, и, однако, живут при этом так, как будто для них нет ничего другого, кроме земного существования; их надежда на небо нисколько не мешает им верить так же крепко в «ад незарабатывания денег». Отсюда вечное внутреннее беспокойство англичан – чувство неспособности разрешить противоречие, которое само по себе толкает их к деятельности. Чувство противоречия является источником энергии, но энергии, которая устремляется только во внешний мир, и это чувство противоречия было источником колонизации, мореплавания, промышленности и вообще огромной практической деятельности англичан»[999].

Неспособность разрешить противоречие толкает англичан к скептицизму и эмпиризму: не стоит беспокоиться о вещах, которые

---

[995] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 404.
[996] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 526.
[997] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 515–516.
[998] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 600.
[999] Там же. С. 601.

выше нашего разумения[1000]. Поэтому англичанин не верит в абсолютное и во всеобщие интересы.

Из-за полной разобщенности «деятельность Англии была работой независимых, стоящих рядом друг с другом индивидов, движением несвязанных атомов, редко действовавших как целое, да и то лишь по мотивам индивидуального интереса»[1001]. Островитянина Джона Буля отличает индивидуальное своеобразие, которое «нашло последнее прибежище в причудах и капризах частной жизни»[1002]. Островитянам свойственно тупое упрямство, которой «иной раз и раздражает, но оно в то же время порука тому, что раз начатое дело будет доведено до конца»[1003].

Английскому национальному характеру присущи независимость[1004], «энергия, решительная деловитость наряду с самой спокойной рассудительностью»[1005], способность к самовосхвалению (особенно, когда дело идет о храбрости)[1006] и «спокойная уверенность величавого английского материализма»[1007], примат «непосредственной практики, материальных интересов[1008] и «торговый дух»[1009], сдерживаемые почтением к закону, еще свойственному англичанам[1010].

Рассматривая рабочий класс как хранителя лучших черт английского национального характера, Ф. Энгельс отмечал, что он «движется – как все в Англии – медленным, размеренным шагом, то колеблясь, то делая ощупью робкие, порой бесплодные попытки»[1011].

[1000] Там же. С. 601–602.
[1001] Там же. С. 602.
[1002] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 15. С. 475.
[1003] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 289.
[1004] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 618.
[1005] Там же. С. 619.
[1006] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 338.
[1007] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 404.
[1008] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 498.
[1009] Там же. С. 601.
[1010] Там же. С. 503.
[1011] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 319.

Но можно быть уверенным в том, что «в Англии каждый шаг вперед, раз он завоеван, никогда, как правило, не пропадет» [1012]. Поэтому англичане – медлительный народ[1013]. По другому поводу Ф. Энгельс писал: «…Дело здесь двигается вперед, хотя и своеобразным окольным путем, который так любят англичане»[1014].

Американцы – нация, обладающая творческим духом[1015]. В Америке все должно быть новым, рациональным, практичным. Каждый новый проект усовершенствований тотчас же испытывают «с точки зрения его практической пользы и, если только он признан хорошим, его немедленно, почти на следующий же день, проводят в жизнь…»[1016].

США обладают энергичнейшим – «энергия уже благодаря скрещиванию рас»[1017] – в мире населением[1018]. В сравнении с ним «и англичане сонные флегматики»[1019]. В общественном отношении США – оплот индивидуализма[1020]. Янки как людям, живущим у берегов Тихого и Атлантического океанов, присущ также универсализм, при котором одинаково близки как Франция так и Китай[1021].

Поэтому национальный характер американца – выскочка[1022]. Самоопределение американской нации: «Go ahead nation [устремляющаяся вперед нация] – проталкиваться и не допускать, чтобы кто-либо шел или стоял впереди тебя»[1023]. Ф. Энгельс делился своим опытом путешественника: «Американцы говорят, что они самая передовая нация, и это верно в том смысле, что для американца нестерпима даже сама мысль о том, чтобы кто-нибудь шел по улице впереди него: он непременно должен оттолкнуть и обогнать, причем грубо, и это даже в Бостоне, здешних Афинах; женщины и

[1012] Там же. С. 319.
[1013] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 406.
[1014] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 289.
[1015] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1977. Т. 44. С. 360.
[1016] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 484.
[1017] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 72.
[1018] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 272.
[1019] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 514.
[1020] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 373.
[1021] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 10.
[1022] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1981. Т. 50. С. 390.
[1023] Там же. С. 388.

мужчины одинаково расталкивают, даже когда мы, бедные добродушные европейцы, не видим ни малейшего повода ни для спешки, ни для грубости»[1024]. Он также признавал, что «подобно всем англосаксам, они проявляют долготерпение, когда дело касается неприятностей, в которых они повинны сами, но если уж они что-нибудь делают, то делают это основательно»[1025].

Турки не имеют для капиталистического производства «ни темперамента, ни склонности»[1026].

Индийцы обладают природной медлительностью, покорностью, уравновешиваемой спокойным благородством и храбростью[1027].

Характеру *итальянцев* отвечает мелодраматизм[1028].

Евреи одарены предприимчивостью[1029]. Они разумнее и смышленее других, «предопределены и выдрессированы вековым гнетом для карьеризма, к ним следует относиться с большей настороженностью»[1030].

По мнению Ф. Энгельса, *поляков* отличает «беспредметная драчливость»[1031], они и «никогда не совершали в истории ничего иного, кроме смелых драчливых глупостей»[1032].

Русские – неповоротливы и подражатели во всем, «выполнят все, что им прикажут, или все, что их заставят сделать, но они не сделают ничего, если им придется действовать на свою ответственность»[1033]. Русские лишены всякой инициативы, но в рамках своего традиционного образа жизни пригодны решительно на все – это население «выносливое, храброе, послушное, способное преодолевать любые тяготы и лишения»[1034]. Вместе с тем, как писал К. Маркс в отношении членов Комитета Русской секции Интернационала, русский остается русским: «Шестеро русских ссорятся

[1024] Там же. С. 475.
[1025] Там же. С. 475–476.
[1026] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 26. Ч. III. С. 467.
[1027] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 229.
[1028] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 31. С. 188.
[1029] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 35.
[1030] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 198.
[1031] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 241.
[1032] Там же. С. 240–241.
[1033] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 11. С. 587.
[1034] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 16.

между собой так, словно от этого зависит господство над миром»[1035].

Таким образом, по наблюдениям К. Маркса и Ф. Энгельса, особенности характера нации определяются ее расово-антропологическим субстратом, географическими условиями, хозяйственным бытом и историческими обстоятельствами. Разнообразие факторов определяет своеобразие общественного развития каждой нации: «Разве мы не составили себе давным-давно понятие о нациях, разве мы не указали каждой из них соответствующее место, разве мы не отвели область теории немцам, политики – французам, а гражданского общества – англичанам?!»[1036].

11.3. Национальные образы мира

Ф. Энгельс в очерке «Ландшафты» прослеживает обусловленность мировосприятия характером национального ландшафта.

Ландшафты Эллады охвачены рамками гармонии. Поэтому Эллада – страна пантеизма[1037]. «И все же каждое ее дерево, каждый источник, каждая гора слишком рельефно выступают на передний план, ее небо чересчур сине, ее солнце чересчур ослепительно, ее море чересчур великолепно… каждая отдельная часть природы в своей прекрасной завершенности претендует на собственного бога, каждая река требует своих нимф, каждая роща – своих дриад; так создавалась религия эллинов»[1038]. Местообитания других народов не стали основой подобной веры.

В Рейнской долине, где голубые горы, сливаются с горизонтом, зелень полей и виноградников облита золотом солнца, синева неба отражается в реке «небо во всем своем сиянии склоняется к земле и глядится в нее, дух погружается в материю, слово становится плотью и живет среди нас – это воплощенное христианство»[1039].

В северогерманской степи представлено иудейское мировоззрение: «…Там нет ничего, кроме – духа природы; высохших стеблей и жалкого вереска, который в сознании своей слабости не осмеливается подняться с земли; то тут, то там можно встретить некогда

[1035] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 33. С. 13.
[1036] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 601–602.
[1037] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1970. Т. 41. С. 74.
[1038] Там же.
[1039] Там же.

стойкое, а теперь разбитое молнией дерево; и чем безоблачнее небо, тем резче обособляется оно в своем самодовольном великолепии от бедной, проклятой земли, лежащей перед ним в рубище и пепле, тем более гневно глядит его солнечное око на голый, бесплодный песок…»[1040]. Пустынная северогерманская степь, наводящая страх даже в ясный полдень, запечатлена в жутких образах сказок братьев Гримм[1041]. «Жизнь в германской обстановке оказывает на всякого, даже самого лучшего человека, угнетающее действие, суживает его кругозор, – я знаю это по личному опыту; надо по крайней мере время от времени вырываться за пределы страны»[1042], – заключал спустя много лет Ф. Энгельс.

По своему религиозному характеру серые монотонные голландские ландшафты выглядят как по существу кальвинистские, а плотины создают впечатление туго затянутой кальвинистской ортодоксии[1043]. Все пребывает в «духовной смерти», только «ветряные мельницы, единственные движущиеся предметы в этом ландшафте, напоминают об избранниках предопределения, которые одни лишь движимы дыханием божественной благодати…»[1044].

Входя в Северное море, как писал Ф. Энгельс, растворяешься «в гордом сознании свободного, бесконечного духа»[1045]. А глубины спекулятивной философии Гегеля, вспоминает он, «точно бездонное море, от которого не может оторваться устремленный в пучину взор»[1046]. Когда зелень моря сливается с зеркальной синевой неба и золотом солнца в единый чудесный цвет, тогда исчезают все мелочные заботы: «Мы живем, действуем и существуем в боге! На море мы начинаем сознавать это...»[1047].

Ландшафты Англии также структурируют мировосприятие. В отличие от Эллады «здесь нет ослепительных красот, нет колос-

---

[1040] Там же. С. 74–75.
[1041] Там же. С. 75.
[1042] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 363.
[1043] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1970. Т. 41. С. 76.
[1044] Там же. С. 76–77.
[1045] Там же. С. 78.
[1046] Там же.
[1047] Там же.

сальных массивов скал, это страна мягких, волнистых холмов…»[1048]. При приезде «приходится сначала несколько обуздать принесенную с собой с континента жизненную энергию, понизить барометр жизнерадостности примерно с 760 до 750 миллиметров, пока понемногу не освоишься»[1049]. Полутуман, полусолнечный свет, очертания гор тают в отдалении. Удивительная неопределенность присуща как английскому климату, так и английскому праву[1050]. «Изумляешься многообразию сочетаний, созданных из простых элементов; из нескольких холмов, поля, деревьев, пасущегося скота природа создает тысячи прелестных ландшафтов»[1051], – восхищался Ф. Энгельс.

11.4. Национальные отношения

Отношения между народами (и нациями) возникают на основе разделения труда. Так образуются народы охотничьи, земледельческие, пастушеские, торговые, промышленные и др. Общепризнанно, что «взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение»[1052]. По отношению друг другу народы выступают как варварские и цивилизованные, отсталые и передовые.

Прирост населения создает потребность в новых средствах производства[1053]. Борьба за условия труда ведет к войнам, порабощению и эксплуатации. Нации делятся на господствующие и угнетенные, свободные и порабощенные, эксплуатирующие и эксплуатируемые. Изменения в соотношении сил стимулируют национально-освободительные движения. Нации становятся революционными и контрреволюционными, прогрессивными и консервативными, реакционными и антикоммунистическими. Все это, а также особенности национального характера, разделяет и соединяет нации.

[1048] Там же. С. 79.
[1049] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 331.
[1050] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 122.
[1051] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1970. Т. 41. С. 79.
[1052] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 19–20.
[1053] Там же. С. 21.

Например, немцы нигде не получают признания и нигде не встречают симпатии, тогда как французы даже там, куда они приходили как враги, умели снискать себе признание и симпатии[1054]. Немецкие наемники часто использовались европейскими монархиями для продления существования абсолютной власти. Многие народы ненавидят немецкий народ из-за «его ослепления, его рабского духа, его готовности играть роль ландскнехтов и «благодушных» палачей»[1055].

Непростые взаимоотношения между северогерманскими народами в целом. «Лучше самый плохонький немец, чем самый лучший датчанин! – резюмировал итоги своего изучения скандинавских народов Ф. Энгельс. – Такой степени нравственного убожества, цеховой и сословной узости больше нигде не существует. Датчанин считает Германию страной, куда ездят, чтобы «завести любовниц и промотать с ними свое состояние». Он называет немца «немец-ветрогон» и считает себя истинным представителем германского духа»[1056]. И далее Ф. Энгельс продолжал: «Швед же опять-таки презирает датчанина как «онемеченного» и выродившегося, болтливого и изнеженного. Норвежец смотрит на офранцуженного шведа и его дворянство сверху вниз и радуется, что у него в Норвегии еще господствует тот же самый дурацкий крестьянский хозяйственный уклад, как во времена благородного Кнуда. Зато его, в свою очередь, третирует en canaille исландец, который говорит еще на том же самом языке, на каком изъяснялись грязные викинги 900 года, пьет рыбий жир, живет в землянке и погибает, если не ощущает запаха гнилой рыбы»[1057].

У поляков ненависть к русским сильнее, чем ненависть к немцам[1058]. Славяне настолько раздираемы внутренними распрями, что маловероятно объединение южных славян Австрии с турецкими славянами (сербами, босняками, албанцами и болгарами): «…Эти

[1054] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 84.
[1055] Там же. С. 161.
[1056] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 70–71.
[1057] Там же. С. 71.
[1058] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 303.

люди, которые в продолжение многих веков видят друг в друге мошенников и бандитов, при всем своем национальном родстве гораздо сильнее ненавидят друг друга, чем славяне и мадьяры»[1059].

Китайцы с незапамятных времен относились с антипатией ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря, ассоциируя их с пиратами-авантюристами[1060]. Антипатия на русских не распространялась, поскольку они не вели морской торговли с Китаем[1061].

Нации притягиваются и отталкиваются.

Осколки национальностей стремятся к воссоединению либо друг с другом, либо каждая с основной массой своей национальности как со своим естественным центром. Так, австрийские поляки тяготеют к русской Польше, русины – к объединившимся с Россией малороссийским областям, а сербы – к турецкой Сербии[1062]. В середине XIX века Россия выступала как центр притяжения (центр единства и массы) «для всех славян, как ядро, вокруг которого возрожденные славянские народности могут выкристаллизоваться в сильный и единый народ, призванный создать великую славянскую империю от Эльбы до Китая и от Адриатического моря до Ледовитого океана»[1063].

Но не все народности тянутся друг к другу или к основному массиву своей нации. Естественным результатом сложного и медленного исторического развития, через которое прошла Европа в течение последнего тысячелетия, является то, что почти каждой большой нации пришлось расстаться с некоторыми периферийными частями своего организма, которые, оторвавшись от ее национальной жизни, большей частью приобщились к национальной жизни какого-нибудь другого народа и уже не хотят воссоединяться со своим основным стволом. Немцы в Швейцарии и Эльзасе не желают присоединения к Германии, точно так же, как и французы в Бельгии и Швейцарии не хотят политического присоединения к Франции[1064]. Разделяет народы и религия: «…Серб, болгарин, бос-

[1059] Там же. С. 296.
[1060] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 158.
[1061] Там же. С. 157.
[1062] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 11. С. 203–204.
[1063] Там же. С. 206.
[1064] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 161.

нийский «райя», крестьянин-славянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с южными славянами-католиками, говорящими на одном с ними языке» [1065].

Отдельные нации – нации-лидеры – становятся носительницами исторического развития и становятся во его главе[1066]. В эпоху Средневековья провансальская нация, существовавшая в форме дворянской республики, стояла во главе европейского развития: «Она первая из всех наций нового времени выработала литературный язык. Ее поэзия служила тогда недостижимым образцом для всех романских народов, да и для немцев и англичан. В создании феодального рыцарства она соперничала с кастильцами, французами-северянами и английскими норманнами; в промышленности и торговле она нисколько не уступала итальянцам»[1067]. В Австрии немцы и мадьяры тысячу лет назад взяли историческую инициативу в свои руки, а южных славян – на буксир[1068]. Россия играла прогрессивную и цивилизаторскую роль по отношению к Востоку. По сравнению со шляхетски-сонной Польшей «преимуществом России является уже одно то, что русское дворянство, начиная с императора и князя Демидова и кончая самым последним бояриным четырнадцатого класса, у которого только и есть, что его благородное происхождение, занимается промышленным производством, барышничает, надувает, берет взятки и обделывает всевозможные христианские и еврейские делишки»[1069].

Обломки народов, покоренных нацией, которая позднее стала носительницей исторического развития, зачастую становятся фанатическими носителями исторической контрреволюции: «Таковы в Шотландии гэлы, опора Стюартов с 1640 до 1745 года. Таковы во Франции бретонцы, опора Бурбонов с 1792 до 1800 года. Таковы в Испании баски, опора дон Карлоса»[1070]. Так и Габсбургская династия, власть которой установилась путем объединения немцев

[1065] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 9.
[1066] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 183.
[1067] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 378.
[1068] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 184.
[1069] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 241.
[1070] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 183.

и мадьяр в борьбе против южных славян, при помощи объединения последних стремилась продлить свое существование в борьбе против немцев и мадьяр[1071].

Реакционные союзы (например, русско-прусско-австрийский Священный союз наций) могут скрепляться объектом совместного порабощения: «Линия раздела, которую эти три державы провели через Польшу, является цепью, приковывающей их друг к другу; совместный грабеж связал их узами солидарности»[1072].

Соучастие в таком союзе может сдерживать развитие больших и цивилизованных народов. В отношении Пруссии Ф. Энгельс писал: «Таким образом, покуда мы помогаем угнетать Польшу, покуда мы приковываем часть Польши к Германии – мы остаемся сами прикованными к России и к русской политике, мы не можем и у себя дома освободиться радикально от патриархально-феодального абсолютизма»[1073]. Свобода Германия возможна лишь в той же мере, в какой она предоставит свободу соседним народам[1074]. В общем виде данный исторический закон формулировался так: «Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации»[1075].

[1071] Там же. С. 184.
[1072] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 351.
[1073] Там же. С. 353.
[1074] Там же. С. 161.
[1075] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 372.

Глава 12. ХАРАКТЕР ИСТОРИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

12.1. Бессознательная логика национальной истории

Ф. Энгельс полагал, что существует внутренняя логика национальной истории, которая берет верх над побочными моментами и препятствиями[1076]. Эта логика является бессознательной, а «форма всякого бессознательного развития есть отрицание отрицания, движение путем борьбы противоположностей»[1077]. Во Франции это означает борьбу республиканизма с бонапартизмом[1078] и с периодическими приступами бонапартистской лихорадки[1079].

По заключению Ф. Энгельса, «отрицательная сторона парижского революционного характера – шовинистический бонапартизм – столь же неотъемлемая его часть, сколь и сторона положительная»[1080]. Как следствие, после каждого крупного революционного порыва можно ожидать рецидив бонапартизма, когда парижане, почувствовав себя обманутыми, бросаются к какому-нибудь спасителю-чудотворцу. Обмануться в очередной раз им несложно: «Ибо парижане, именно в силу того, что они парижане, знают все от рождения и по праву своего рождения, и учиться, подобно простым смертным, им нечего»[1081].

Каждое бонапартистское увлечение «более постыдно, чем предыдущее»[1082]. Возможно, это обусловлено той особенностью Франции, что «как только ходу событий в этой стране придается определенное направление, они без сопротивления следуют ему до тех пор, пока на этом пути не будут достигнуты крайние пределы»[1083]. По прогнозу Ф. Энгельса, «следует ожидать, что, попав однажды на наклонную плоскость, Франция будет катиться вниз, пока не достигнет дна»[1084].

[1076] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 238.
[1077] Там же. С. 98.
[1078] Там же.
[1079] Там же. С. 234.
[1080] Там же. С. 328.
[1081] Там же. С. 329.
[1082] Там же. С. 140.
[1083] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 237.
[1084] Там же.

Полагая, что самостоятельные народы идут своим собственным путем, Ф. Энгельс заключал, что из всех народов наиболее самостоятельные англичане (и их отпрыски)[1085]. Борьба противоположностей в английской нации происходила в форме столкновения германских и романских элементов. Проявлением германского элемента стал торговый дух англичан. Романский элемент – это «государственная церковь, папизм светских владык и совершенно католическая манера сводить религию к обрядности»[1086].

Неразрешенность базового противоречия между германскими и романскими элементами порождает в общественной жизни бесконечные компромиссы и положение, полное противоречий[1087]. Как практичный народ англичане движутся вперед лишь шаг за шагом[1088]. Англо-саксонская раса развивается «совершенно своеобразным, медленным, зигзагообразным путем <…> это какое-то лавирование против ветра, – но, тем не менее, все же происходит движение вперед»[1089].

Впрочем, «британская публика бывает время от времени подвержена приступам морального рвения и что через каждые шесть или семь лет ее добродетель становится неистовой и обуреваемой желанием сразиться с пороком»[1090]. Английская публика бурно негодует «против морали то фабричных магнатов, то шахтовладельцев, то мелких торговцев фальсифицированными наркотическими средствами, то владельцев железных дорог, заменивших собой вышедших из моды разбойников с большой дороги, – словом, против морали капиталистов»[1091].

В США зигзаги развития гигантские[1092]. Это обусловлено раздвоенностью Америки, которая, «с одной стороны, занята еще первоначальной задачей: освоением огромной девственной целины, а с другой – вынуждена уже участвовать в борьбе и за первое место

[1085] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 289.
[1086] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 601.
[1087] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 342.
[1088] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 319.
[1089] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 319.
[1090] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 232.
[1091] Там же. С. 317.
[1092] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 319.

в промышленном производстве»[1093]. Отсюда подъемы и спады в зависимости от того, что берет перевес в среднем американце – возделывающий целину крестьянин или промышленный рабочий.

Своеобразная логика развития присуща Испании. Внешне она проявляется в значительной продолжительности революционных циклов. К. Маркс отмечал: «Испания никогда не придерживалась новейшей французской моды, столь широко распространившейся в 1848 г., проделывать революцию от начала до конца в трехдневный срок. Ее усилия в этой сфере более сложны и более длительны. Три года – вот, по-видимому, кратчайший срок, которым она ограничивается, хотя ее революционные циклы иногда растягиваются и на девять лет»[1094]. По-видимому, это объясняется исторически сложившейся автономностью регионов Испании и отсутствием у нее центра, подобного Парижу.

12.2. Сознательное следование образцам

Локальные общественные организмы делятся, воспроизводя свою структуру. Так, афинская семья стала «образцом, по которому устраивали свой домашний быт не только остальные ионяне, но постепенно и все греки материка и колоний»[1095]. Индийские общины, покоившиеся на общинном владении землей и сложном разделении труда, при основании каждой новой общины служили «готовым планом и схемой»[1096].

В средневековой Германии по образцу территориальной сельской общины-марки строились все позднейшие городские устройства и городские ремесленные цехи: «…По образцу маркового строя создавались уставы бесчисленных вольных товариществ Средневековья, основанных не на общности землевладения, особенно же уставы вольных цехов. Предоставленное цеху исключительное право занятия определенным ремеслом рассматривалось совершенно так же, как марковое право»[1097]. Каждый член ремесленной корпорации имел равное право в пользовании всеми доходами и привилегиями цеха (например, «кормления от пряжи»).

[1093] Там же.
[1094] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 425.
[1095] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 67.
[1096] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 369.
[1097] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 336.

В горной промышленности каждый пай гарантировал равное участие (как надел общинника), был делим вместе со связанными с ним правами и обязанностями[1098].

И то же самое в организации заморской торговли: «Венецианцы и генуэзцы в гаванях Александрии или Константинополя, – каждая «нация» в своем собственном Fondaco [гостином дворе], состоящем из жилого помещения, трактира, склада, выставочного помещения и магазина с общей конторой, – составляли законченные торговые товарищества; они были ограждены от конкурентов и посторонних клиентов, продавали по ценам, установленным взаимным соглашением, их товары были определенного качества, гарантированного общественным контролем, а часто и наложением особого клейма, они совместно определяли цены, которые приходилось платить туземцам за их товары, и т. д.»[1099]. Также вели дело остальные европейские купцы. «Горе тому, кто продаст дешевле или купит дороже условленных цен! Бойкот, которому он подвергался, означал при тогдашних условиях неизбежное разорение, не говоря уже о прямых штрафах, налагаемых товариществом на виновника»[1100], – писал Ф. Энгельс.

Если в общине-марке пользование правами пропорционально доле надела, а участие в прибыли горнорудных предприятий пропорционально размеру пая, то в крупных торговых товариществах распределение прибыли пропорционально вложенной доле капитала. Таким образом, равная норма прибыли как один из конечных результатов капиталистического развития, «оказывается здесь в своей простейшей форме одним из исходных пунктов исторического развития капитала и даже прямым наследием общины-марки, которая, в свою очередь, есть прямое наследие первобытного коммунизма»[1101].

Впоследствии общинную форму воспроизводили страховые и другие компании[1102].

[1098] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 476.
[1099] Там же.
[1100] Там же.
[1101] Там же. С. 477.
[1102] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 64.

Ф. Энгельс также указывал на архетипическое подобие буржуазных революций: «Английская революция семнадцатого века представляет собой в точности прообраз французской революции 1789 года. В «Долгом парламенте» легко различить три ступени, которым во Франции соответствовали Учредительное собрание, Законодательное собрание и Национальный конвент; переход от конституционной монархии к демократии, военному деспотизму, реставрации и революции juste-milieu [золотой середины] резко выражен в английской революции. Кромвель совмещает в одном лице Робеспьера и Наполеона; Жиронде, Горе и эбертистам с бабувистами соответствуют просвитериане, индепенденты и левеллеры; политический результат обеих революций был довольно жалкий, и вся эта параллель, которую можно было бы провести еще гораздо более точно, показывает между прочим также, что революция религиозная и революция иррелигиозная, поскольку они остаются политическими, обе сводятся, в конце концов, к одному и тому же»[1103]. На основании опыта английской революции Ф. Энгельс прогнозировал, что французская революция придет в конце концов к тем же результатам, что и английская политическая революция (создание двух национальных партий), а также английская социальная и немецкая философская революции.

Некоторое время спустя Ф. Энгельс расширил исторический контекст сопоставления буржуазных революций: «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года – только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию»[1104]. В частности, если «в 1648 году буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, против феодального дворянства и против господствующей церкви»[1105], то «в 1789 году буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви»[1106].

[1103] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 602.
[1104] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 112.
[1105] Там же.
[1106] Там же.

Все эти революции имели европейский масштаб и «выражали в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции»[1107]. В отличие от них восстания 1848 года в Германии имели провинциальный масштаб и представляли собой анахронизм[1108].

Когда с 1851 года Луи Бонапарт начал период революций сверху, за ним последовал О. Бисмарк: «Его подражатель Бисмарк усвоил ту же политику для Пруссии; в 1866 г. он произвел свой государственный переворот, свою революцию сверху по отношению к Германскому союзу и к Австрии, а также и по отношению к прусской палате, вступившей в конфликт с правительством. Но Европа была слишком мала для двух Бонапартов, и вот, по иронии истории, Бисмарк сверг Бонапарта, а Вильгельм, король Пруссии, создал не только малогерманскую империю, но и Французскую республику»[1109]. Это парадоксально: «Германская империя создана революцией, конечно революцией особого рода, но, тем не менее, все же революцией <…> Революция остается революцией, совершается ли она прусской короной или бродячим паяльщиком»[1110].

США дали пример того, как можно обойтись без бюрократии и организовать самоуправление. Во время первой Французской республики с 1792 по 1798 год «каждый французский департамент, каждая община пользовались полным самоуправлением по американскому образцу»[1111], а затем это показывали Австралия, Канада и другие английские колонии.

Отдельные страны рассматривались как образцовые реализации капиталистического способа производства. В XVII столетии образцовой капиталистической страной была Голландия[1112]. До середины XIX века классической страной этого способа производства

[1107] Там же

[1108] Там же.

[1109] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 536–537.

[1110] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 210.

[1111] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 239.

[1112] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 761.

была Англия[1113], но затем она стала приближаться к упадку и к тому, чтобы разделить судьбу Голландии[1114].

На Яве голландцы на основе древнего общинного коммунизма организовали производство на государственных началах. Это стало образчиком распространявшегося как зараза государственного социализма[1115]. Так, чудовищный европейский деспотизм в Индостане британская Ост-Индская компания взрастила в подражание голландской системе управления колониями[1116].

Сербия хотя и тяготела по-славянофильски к России, в качестве образца развития выбрала Австро-Венгрию: «Молодые люди отправляются учиться в австрийские университеты; бюрократическая система, кодекс, судопроизводство, школы – все было скопировано с австрийских образцов. Это было естественно»[1117].

Значение изучения образцовых в том или ином отношении стран К. Маркс видел в том, что более развитая страна «показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»[1118]. Так, система групп городов, существовавшая в Шотландии еще со времени унии с Англией (1707 г.), стала примером для подражания при объединении избирательных округов во время планировавшейся в 1852 году парламентской реформы в Великобритании[1119]. Но видение будущего не реализовалось, например, в случае Киева, который в XI веке «подражал во всем Константинополю, и его называли *вторым Константинополем;* в этом названии нашли свое выражение вековые стремления России»[1120].

Впрочем, отмечалось, что классические общественные формы в образцовых странах являются производными по сравнению с первичными, более простыми формами: «Завершенность и систематическая разработка этих систем из одного верховного центра доказывают их более позднее происхождение»[1121]. Формы общины в

1113 Там же. С. 6.
1114 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 273.
1115 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 96.
1116 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 131.
1117 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 320.
1118 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 9.
1119 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 229.
1120 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 328.
1121 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 479.

Перу и в Уэльсе занесены и введены племенами-завоевателями, стоявшими на более низкой ступени развития и знавшими у себя на родине общую собственность и общинное производство в их древней форме. Аналогично, введенный в Англии феодализм «был по форме более законченным, чем феодализм во Франции, сложившийся там естественным путем»[1122].

12.3. Восходящее и нисходящее развитие

Бесконечно продолжающееся в мире движение локализовано в круговоротах, в которых или идет вечное повторение одного и того же или же круговороты имеют нисходящие и восходящие ветви развития[1123]. В связи с довольно достоверными предсказаниями будущего конца Земли логично предполагать, что «и у истории человечества будет не только восходящая, но и нисходящая ветвь»[1124]. Ф. Энгельс был уверен в том, что «мы находимся, во всяком случае, еще довольно далеко от той поворотной точки, за которой начнется движение истории общества по нисходящей линии»[1125].

Французский утопист Ш. Фурье утверждал, что «каждый исторический фазис имеет не только свою восходящую, но и нисходящую линию»[1126]. В конце XVIII столетия капиталистический способ производства находился еще в начале восходящей линии своего развития: «Пар и новые рабочие машины превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали всю основу буржуазного общества. Вялый ход развития времен мануфактуры превратился в настоящий период бури и натиска в производстве. Со все возрастающей быстротой совершалось разделение общества на крупных капиталистов и неимущих пролетариев, а между ними, вместо устойчивого среднего сословия старых времен, влачила теперь шаткое существование изменчивая масса ремесленников и мелких торговцев, эта наиболее текучая часть населения…»[1127].

[1122] Там же.
[1123] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 551.
[1124] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 276.
[1125] Там же.
[1126] Там же. С. 197.
[1127] Там же. С. 197–198.

Первым признаком того, что способ производства прошел уже немалую часть своей нисходящей линии, условия его существования в значительной мере исчезли и он наполовину изжил себя, являются апелляции к справедливости в распределении[1128]. Но восходящее движение может продолжаться и дальше. В 1858 году К. Маркс отмечал, что на большем пространстве Земли буржуазное общество проделывает еще восходящее движение, и поэтому близящаяся в Европе социалистическая революция может быть «неизбежно подавлена в этом маленьком уголке»[1129].

Восходящую и нисходящую линию имеют отдельные социальные процессы, например, революция. В первой французской революции каждая из приходивших к власти партий опиралась на более передовую: «Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, – эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии»[1130]. В революции 1848 года происходило обратно: «Каждая партия лягает напирающую на нее сзади партию и упирается в спину той партии, которая толкает ее назад. Неудивительно, что в этой смешной позе она теряет равновесие и падает, корча неизбежные гримасы и выделывая удивительные курбеты. Революция движется, таким образом, по нисходящей линии»[1131].

12.4. Приливы и отливы в исторических движениях

Частным колебательным процессом являются приливы и отливы в общественной жизни. Например, это постоянные приливы и отливы капиталов и рабочей силы в различных отраслях производства и странах под влиянием уровня цен, заработной платы, нормы прибыли и нормы ссудного процента. Чередующиеся периоды приливов и отливов, зависевшие от колебаний торгового баланса, имело обращение серебра между Востоком и Западом[1132].

[1128] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 153.
[1129] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 29. С. 496.
[1130] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 127.
[1131] Там же.
[1132] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 68.

Неоднократные переселения народов также представлялись в этой метафоре. О Восточной Европе писалось, что это регион, «где приливы азиатских нашествий в течение тысячелетия, набегая один за другим, оставили на берегу эти груды перемешанных обломков наций, которые даже и теперь этнолог едва может различить, и где в полнейшем беспорядке перемешаны тюрки, финские мадьяры, румыны, евреи и около дюжины славянских племен»[1133].

Периоды приливов и отливов в революционном процессе могут быть краткими. Революционную лихорадку во Франции с осени 1848 года и в первой половине 1849 года К. Маркс характеризовал как беспрерывный ряд лихорадочных встрясок: «Сначала борьба за президентство; затем борьба президента с Конституантой; борьба из-за клубов; процесс в Бурже, в котором – по сравнению с мелкими фигурами президента, объединенных роялистов, «добропорядочных» республиканцев, демократической Горы и социалистических доктринеров пролетариата – его подлинные революционеры предстали такими первобытными титанами, каких только всемирный потоп мог оставить на поверхности общества или какие только могут предшествовать общественному потопу; предвыборная агитация; казнь убийц Бреа; беспрерывные процессы по делам печати; насильственные полицейские вмешательства правительства в банкеты; дерзкие провокации роялистов; портреты Луи Блана и Коссидьера у позорного столба; непрерывная борьба между Учредительным собранием и учрежденной республикой, всякий раз возвращавшая революцию к ее исходному пункту, всякий раз превращавшая победителя в побежденного, побежденного – в победителя, в одно мгновение менявшая положение партий и классов, их разрывы и соединения; быстрый ход европейской контрреволюции; славная борьба венгров; немецкие восстания; римская экспедиция; позорное поражение французской армии у ворот Рима – в этом вихре движения, в этом мучительном и беспокойном ходе истории, в этом драматическом приливе и отливе революционных страстей, надежд и разочарований…»[1134]. Таким, поступательно-возвратные процессы не исключены и в быстротекущих революционных событиях.

[1133] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 162.

[1134] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 60.

Характеризуя состояние рабочего движения в Европе, Ф. Энгельс констатировал: «У меня же здесь перед глазами европейское движение, идущее в общем и целом гигантскими шагами вперед; в центре его – германское движение, растущее равномерно с непреодолимой естественной силой…»[1135]. Такой характер движения внушал оптимизм.

В США же, как соглашался Ф. Энгельс в письме к Ф.А. Зорге, рабочее движение, «развивающееся в виде приливов и отливов, постоянно приносит разочарования и поэтому легко может вызвать пессимизм»[1136]. Ф. Энгельс также писал: «Я охотно верю, что в вашем движении снова наступил отлив. У вас все сопровождается то сильными приливами, то сильными отливами. Но каждый прилив закрепляет все новые успехи, и, таким образом, в итоге движение все же идет вперед»[1137]. А в письме к Г. Шлютеру успокаивал последнего: «В такой стране неизбежны постоянно возобновляющиеся приливы, за которыми следуют столь же неизбежные отливы. Только приливы становятся все более мощными, а отливы все менее парализующими, так что в целом дело все-таки движется вперед»[1138]. Прогнозировался также успех (но нескорый) рабочего движения в США: «Когда созреет момент, тогда дело у вас пойдет вперед с огромной быстротой и силой, но до этого может пройти еще немало времени. Чудес нигде не бывает»[1139].

[1135] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 213.
[1136] Там же.
[1137] Там же. С. 156.
[1138] Там же. С. 274.
[1139] Там же. С. 156.

Глава 13. ИРОНИЯ ИСТОРИИ

13.1. Ирония истории как механизм исторического развития

Ирония истории – механизм исторического развития, проявляющийся в оборачивании противоположностей, в переходе их в иное. Это иное исходит из предыдущего и упраздняет его. Комментируя начало продажи индульгенций католической церковью, Г.В.Ф. Гегель писал: «Правда, целью является и построение собора св. Петра, величественнейшего создания христианского мира в центре престольного города религии. Но подобно тому как величайшее произведение искусства, Афина и ее храм в афинском Акрополе, воздвигается на деньги союзников Афин и лишает Афины их союзников и их могущества, так и построение этого собора св. Петра и «Страшный суд» Микельанджело в папской капелле становятся страшным судом над этой величественной постройкой и ее низвержением»[1140].

Процессы чреваты собственной противоположностью. Так, пожиравший Европу милитаризм «таит в себе зародыш собственной гибели»[1141]. С введением всеобщей воинской повинности «войско монарха превращается в народное войско, машина отказывается служить, и милитаризм погибает в силу диалектики своего собственного развития»[1142].

И по законам диалектического движения любое «другое историческое явление, гибнет от последствий своего собственного развития»[1143]. Например в буржуазных революциях боевой армией буржуазии являются крестьяне[1144]. Парадоксально, но «именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы неизбежно разоряется в результате экономических последствий этой победы»[1145]. Ускоренное развитие посредством протекционизма национальной промышленности и буржуазии формирует также пролетариат. «Нельзя создавать одних, не создавая других, – пояснял Ф. Энгельс. – Наемный рабочий всюду следует по стопам

1140 *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 134.
1141 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 175.
1142 Там же.
1143 Там же. С. 178.
1144 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 308.
1145 Там же.

фабриканта; он подобен «мрачной заботе» Горация, которая сидит позади всадника и от которой тот не может избавиться, куда бы он ни поехал. Нельзя уйти от своей судьбы, – другими словами, нельзя уйти от неизбежных последствий своих собственных действий»[1146].

Действие закона отрицания отрицания ведет к тому, что в антагонистическом процессе, содержащем в себе противоречие, происходит «превращение известной крайности в свою противоположность»[1147]. В германской общине, характеризующейся наличием свободно отчуждаемой земельной собственности (аллода), неумолимо происходила концентрация земельной собственности в немногих руках. Первоначальное равенство земельных владений превратилось в противоположность. В результате на основе аллода возник новый строй, который – «такова обычная ирония истории»[1148] – в конце концов разлагает прежнее государство и уничтожает аллод.

Неисчерпаемую иронию мировой истории Ф. Энгельс видел в том, что с торжеством капитализма исчезает форма брака-купли[1149]. Ирония истории сказалась также в том, что в буржуазной среде только в исключительных случаях бывают «действительно свободно заключаемые браки, тогда как в среде угнетенного класса они … являются правилом»[1150].

Парадоксально, на его взгляд, и завоевание Китая, способное вызвать массовую эмиграцию китайских кули в Европу, а, следовательно – усиление коллизий вплоть до кризиса: «Опять мы имеем великолепный пример иронии истории: капиталистическому производству остается завоевать только Китай, но, наконец завоевав его, оно само делает невозможным свое существование у себя на родине»[1151].

«Это превращение в свою противоположность, это достижение в конечном счете такого пункта, который полярно противоположен исходному, составляет естественно неизбежную судьбу всех исто-

---

[1146] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 388.
[1147] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 144.
[1148] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 497.
[1149] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 81–82.
[1150] Там же. С. 84.
[1151] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 252.

рических движений, участники которых имеют смутное представление о причинах и условиях их существования и поэтому ставят перед ними чисто иллюзорные цели, – писал Ф. Энгельс. – «Ирония истории» неумолимо вносит здесь свои поправки»[1152]. Так он прокомментировал демонстрацию К. Каутским того, что «гуманизм» XV и XVI веков, первая форма буржуазного просвещения, в своем дальнейшем развитии перешел в католическое иезуитство»[1153].

Деятели Французского просвещения XVIII века апеллировали к разуму и «требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму»[1154]. Но этот разум в действительности был «лишь идеализированным рассудком среднего бюргера»[1155]. Вместо общественного договора Ж.-Ж. Руссо французская революция привела к террору, от него – к подкупности Директории, наполеоновскому деспотизму и бесконечной веренице завоевательных войн. «Одним словом, установленные «победой разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей»[1156], – заключал Ф. Энгельс. В конце концов «не имеющий отечества» дворянско-буржуазный интернационал просвещения … пал к ногам северной Семирамиды, также не имевшей отечества Софии-Августы Ангальт-Цербстской, названной в России Екатериной II, и именно из этого интернационала сама Екатерина набирала нужны ей элементы для своего иезуитского ордена русской дипломатии»[1157].

Интересной, практически сбывшейся версией превращения исторического движения в свою противоположность является прогноз Ф. Энгельса в отношении падения самодержавия в России: «В тот день, когда падет царская власть, этот последний оплот общеевропейской реакции, – в этот день во всей Европе подует совсем другой ветер. Ибо реакционные правительства Европы прекрасно понимают, что, несмотря на все их препирательства с царем из-за

[1152] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 21–22.
[1153] Там же. С. 21.
[1154] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 192.
[1155] Там же.
[1156] Там же. С. 193.
[1157] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 21.

Константинополя и т. д., может наступить такой момент, когда они охотно швырнут ему Константинополь, Босфор, Дарданеллы и все, что он только потребует, лишь бы он защитил их от революции. Поэтому в тот день, когда сам этот главный оплот перейдет в руки революции, реакционные правительства Европы потеряют последние остатки самоуверенности и спокойствия; им тогда придется рассчитывать лишь на свои собственные силы и они скоро почувствуют, насколько это меняет положение. Возможно, они решатся даже на то, чтобы послать свои войска для восстановления царской власти, – какая ирония всемирной истории!»[1158]. Такой объективно реакционной была иностранная интервенция в Советскую Россию.

13.2. Несовпадение целей и результатов деятельности

В простейшей форме ирония истории проявляется в несовпадении целей и результатов деятельности: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что сделанная революция совсем, непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели»[1159].

Г.В. Плеханов полагал, что это весьма заслуженно. «История – вообще до крайности ироническая старуха. Однако надо быть справедливым и к ней. Ее ирония страшно зла, но она никогда не бывает совсем незаслуженной, – писал он. – Если мы видим, что история иронизирует над тем или другим крупным и благородным историческим деятелем, то мы можем суверенностью сказать, что во взглядах или действиях этого крупного и благородного деятеля были свои слабые стороны, которые и дали впоследствии возможность воспользоваться его взглядами или действиями, или, что то же, последствиями этих действий, выводами, вытекающими из этих взглядов, для борьбы против некогда одушевлявших его благородных стремлений»[1160].

[1158] Там же. С. 51.

[1159] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 263.

[1160] *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 5. М., 1958. С. 552.

По наблюдениям Ф. Энгельса, в истории лишь в редких случаях желаемое совершается, так как цели недостижимы из-за недостатка средств либо вообще нереализуемы, либо они противоречат друг другу, полученные результаты или их последствия не всегда желательны[1161]. Это та ирония истории, по словам К. Маркса, «когда благие намерения при их реализации превращаются в свою прямую противоположность»[1162].

Примером проявления слабых сторон в поведении исторического деятеля является поведение Наполеона, который пренебрег советом поляков остановиться на Двине и Днепре, «пошел на Москву и тем самым привел русских в Париж»[1163]. В Крымской войне из-за надменного пустоголового царя Николая I «то, что составляет силу России при обороне, – огромная протяженность ее редконаселенной, бездорожной и бедной ресурсами территории, – обернулось против самой же России»: «Южно-русские степи, которые должны были стать могилой вторгшегося неприятеля, стали могилой русских армий, которые Николай со свойственной ему жестокой и тупой беспощадностью гнал одну за другой в Крым вплоть до середины зимы»[1164]. Ирония истории сказалась и в том, что в наступлении на Севастополь в 1854 году командующий английскими войсками лорд Реглан разработал на таком научном уровне всю кампанию и так искусно ее провел, что «десять тысяч человек, то есть чуть ли не один из семи, умерли раньше, чем увидели неприятеля»[1165]. «Поистине, нет ничего более едкого, чем эта «ирония истории»[1166], – заключал Ф. Энгельс. В конечном счете, по его оценке, «союзники сделали все, что могли, на протяжении этой войны, чтобы подготовить себе неслыханное поражение»[1167], поскольку «история никогда не обходится без иронии»[1168].

Поясняя видение К. Марксом хода истории, Ф. Энгельс указывал еще на одну форму проявления иронии истории – появление

1161 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 306.
1162 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 151.
1163 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 30.
1164 Там же. С. 39.
1165 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 509.
1166 Там же.
1167 Там же. С. 515.
1168 Там же.

непредвиденных последствий: «…Участники исторических событий либо желали непосредственно чего-то другого, чем то, что было достигнуто, либо это достигнутое влекло за собой опять-таки совершенно другие, непредвиденные последствия»[1169]. Например, результатом погони каждого отдельного капиталиста за большей прибылью является общая одинаковая норма прибыли[1170].

Еще одним проявлением иронии истории является практическая деятельность, прямо противоположная ранее высказанным намерениям: «Как это обычно бывает, когда власть попадает в руки доктринеров, и те и другие делали, по иронии истории, как раз обратное тому, что им предписывала доктрина их школы»[1171]. Так, Парижская коммуна своим декретом предписала организацию крупной промышленности на основе рабочих ассоциаций, что прямо противоположно учению Прудона[1172]. Коммуна призывала объединить все коммуны Франции с Парижем в одну свободную федерацию, что противоречило намерениям бланкистов о строжайшей диктаторской централизации всей власти в руках нового революционного правительства (большинство Коммуны состояло именно из этих бланкистов)[1173]. В результате прудонизм и бланкизм практически опровергли себя и утратили влияние среди французских рабочих. Произнося либеральные фразы, О. Бисмарк, прибегал к абсолютистским действиям: «Удивительна ирония истории, проявляющаяся в отношении Бисмарка!»[1174].

Бывает и так, что при отстаивании одних позиций с прошествием времени переходят на противоположные позиции. Ирония истории сделала так, что редактор иностранного отдела в газете «National» Ж. Бастид, став в мае 1848 года министром иностранных дел Франции, в каждой из своих депеш опровергал каждую из своих статей[1175]. Неомальтузианцы, ранее проповедовавшие необходимость ограничить рост населения, в 1883 году стали жало-

[1169] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 352.
[1170] Там же.
[1171] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 197–198.
[1172] Там же. С. 198.
[1173] Там же. С. 198–199.
[1174] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 31. С. 191.
[1175] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 38.

ваться на нехватку населения для поглощения избытка произведенных жизненных припасов. «Но какова ирония всемирной истории! <…> О, мудрый Эдип, разреши мне эту загадку!»[1176] – восклицал Ф. Энгельс.

«Вот она, ирония истории!»[1177] – писал Ф. Энгельс о республиканской Франции, которая празднуя столетнюю годовщину своей великой революции, готова преклонить колени перед популярным военным деятелем Ж. Буланже, которого стремились использовать монархисты.

Можно также ожидать, что бывшие союзники окажутся противниками. В отношении произведенных в сентябре 1889 года изменений в составе Исполнительного комитета Социалистической рабочей партии Северной Америки Ф. Энгельс писал: «Немезида шествует медленно, но верно, и ирония истории заключается в том, что те же самые люди, которые, выступая против большинства партии, в особенности на Западе, опирались на нью-йоркцев, теперь свергнуты именно нью-йоркцами»[1178].

Текущая деятельность должна быть по целям адекватна достигнутому уровню развития. Так, например, «существует закон развития партий, заключающийся в том, что когда партия достигает определенной степени силы, то оказываются нецелесообразными те самые выступления, без которых она не могла обойтись в дни своей юности»[1179]. Осуждая внутрипартийные репрессии германских социал-демократов Ф. Энгельс напоминал о том, что «в большой партии дисциплина ни в коем случае не может быть столь же суровой, как в маленькой секте...»[1180].

[1176] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 1-е изд. М., 1935. Т. XXVII. С. 280–281.
[1177] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 270.
[1178] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 231.
[1179] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 467.
[1180] Там же. С. 78.

13.3. «Душеприказчики» революции

Казалось бы, необходимость делать противоположное своим первоначальным намерениям является ужасной. О вожде крестьянской войны Т. Мюнцере Ф. Энгельс писал: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он *может* сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он *должен* сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий; он связан уже выдвинутыми им доктринами и требованиями, которые опять-таки вытекают не из данного соотношения общественных классов и не из данного, в большей или меньшей мере случайного, состояния условий производства и обмена, а являются плодом более или менее глубокого понимания им общих результатов общественного и политического движения. Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он может сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он должен сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделываться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно»[1181].

Но ситуацию чрезмерно опережающего развития следует принимать как историческую реальность, в которую будут внесены коррективы. По мнению Гегеля, преследуя частные, непосред-

[1181] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 422–423.

ственно вытекающие из индивидуальных условий их существования цели, люди в то же время реализуют всеобщие принципы мирового духа: «Во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения»[1182].

Втянутость в процесс порождает обусловленность своей противоположностью и заботу о ее сохранении. Так, во Франции в середине августа 1849 года с уходом республиканского Национального собрания на двухмесячный перерыв роялисты оставили в качестве стражей республики комиссию из сливок легитимистской и орлеанистской партий. «Ирония была глубже, чем они ожидали, – писал К. Маркс. – Приговоренные историей способствовать падению монархии, которую они любили, они были предназначены ею к охранению республики, которую ненавидели»[1183].

Формулой «Реакция выполняет программу революции»[1184] К. Маркс характеризовал судьбу «душеприказчиков» революции. Даже при победе контрреволюции общество не возвращается к прежнему состоянию и вынужденно продвигаться вперед. Так, наполеонизм выступил в роли душеприказчика революции 1789 года. Правда, «программа революции в руках реакции превращается в сатиру на соответствующие революционные стремления и становится, таким образом, самым смертоносным оружием в руках непримиримого врага»[1185].

Ф. Энгельс также отмечал, что Луи Бонапарту, К.Б. Кавуру и О. Бисмарку – душеприказчикам революции 1848 года – удалось осуществить ее действительные задачи: восстановление угнетен-

---

1182 *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 79.
1183 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 73.
1184 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 432.
1185 Там же.

ных и раздробленных национальностей Средней Европы и обеспечение независимости Италии, Германии, Венгрии[1186]. «…Это произошло, как говорил Карл Маркс, потому, что те самые люди, которые подавили революцию 1848 г., были вопреки своей воле ее душеприказчиками»[1187], – писал Ф. Энгельс. И добавлял: «Могильщики революции1848 г. стали ее душеприказчиками»[1188]. И почти полвека спустя император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I настаивал на проведении в 1894 году избирательной реформы: «Но какая ирония истории: император, созданный в декабре 1848 г. специально для того, чтобы убить революцию, призван снова начать ее сорок шесть лет спустя!»[1189].

Констатируя, что «история, то есть мировая история, становится все более иронической»[1190], Ф. Энгельс приводил в пример О. Бисмарка, который, управляя внутри страны по видимости феодальными и абсолютистскими методами, вовне усердно проводил политику буржуазии, вступая на путь, «по которому можно двигаться только при помощи либеральных, даже революционных средств, и при этом заставляет своих собственных заскорузлых юнкеров каждый день вступать в противоречие со своими собственными принципами»[1191]. В дальнейшем Бисмарк был вынужден «вопреки своим прежним взглядам, ввести свободу промышленности, свободу передвижения из одного немецкого государства в другое и прочие буржуазные реформы, – правда, в бюрократически изуродованном виде…»[1192]. Необходимость этого Ф. Энгельс объяснял тем, что в составе новообразованной Германской империи Пруссия подчинила себе Малую Германию, но в империи прусское юнкерство стало исчезающим меньшинством и обузой[1193].

[1186] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 35. С. 219–220.
[1187] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 381.
[1188] Там же. С. 537.
[1189] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 270.
[1190] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 31. С. 198.
[1191] Там же.
[1192] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 290.
[1193] Там же.

13.4. Комизм и трагизм иронии истории

Ирония – это разновидность комического. Объектом иронии является преимущественно невежество.

О лидере английских фритредеров Р. Кобдене писалось, что он «не принадлежит к числу счастливых пророков»[1194]. После путешествия по континенту он объявил, «что все находится в наилучшем порядке, что времена насилия отошли в прошлое, что народы целиком и полностью поглощены торговой и промышленной деятельностью и отныне избрали для себя спокойный, чисто деловой путь развития, без политических бурь, взрывов и потрясений»[1195]. Но вслед за этим «разразилась революция 1848 г., сыграв в некотором роде роль иронического эха к кротким предсказаниям г-на Кобдена. Он говорил о мире там, где никакого мира не было»[1196]. И более того, Ф. Энгельс предполагал, что пацифисту Р. Кобдену «по известной, особенно сверкающей сейчас иронии всемирной истории» в ближайшем будущем придется вести «жестокую войну, возможно, со всем континентом»[1197].

Отмечалась определенная непрозорливость в отношении судьбы русского царизма. Если в революцию 1848–1849 годов «царя провозгласили главой европейской реакции»[1198], то в 1880-е годы «он – содержащийся в Гатчине военнопленный революции, и Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»[1199].

Близорукость исторического видения проявляется и в том, что борьба буржуазных партий выгодна пролетариату: «Ведь в том-то и заключается действующая в нашу пользу ирония истории, что различные элементы этой феодальной и буржуазной массы к нашей выгоде борются между собой, грызутся и пожирают друг друга… Все эти разношерстные прохвосты должны сначала расправиться друг с другом, совершенно обессилить и скомпрометировать друг

[1194] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 533.
[1195] Там же.
[1196] Там же.
[1197] Там же. С. 226.
[1198] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 305.
[1199] Там же.

друга и тем самым подготовить почву для нас, поочередно доказав свою неспособность»[1200].

Противоборствующие партии вынуждены обращать за поддержкой к рабочей партии и вступать с ней в соглашения, благодаря чему дело подвигается вперед, а это главное. И они не могут действовать иначе: «Великолепная ирония мировой истории: каждая из двух старых партий вынуждена апеллировать к рабочим, делать им уступки, чтобы остаться у власти или пробиться к ней, и каждая при этом чувствует, что именно этим оказывает помощь своему собственному преемнику… Что значат крохи нашего остроумия по сравнению с потрясающим юмором, который прокладывает себе путь в историческом развитии!»[1201]. Таким образом, ирония история обращается на пользу пролетариату.

Комментируя колоссальные успехи буржуазии, надеющейся на решительные победы, Ф. Энгельс в 1848 году писал: «Она собирается перекроить весь мир по своей мерке, и на значительной части земного шара ей это удастся. Мы не друзья буржуазии, это известно. Но на сей раз мы ей охотно предоставляем торжествовать. Мы можем отнестись со спокойной улыбкой к высокомерному взгляду, который она, в особенности в Германии, бросает свысока на кажущуюся столь незначительной кучку демократов и коммунистов. Мы ничего не имеем против того, чтобы она повсюду осуществила свои намерения. Более того. Мы не можем даже удержаться от иронической усмешки при виде той страшной серьезности, того патетического воодушевления, с которыми буржуа почти всюду добиваются достижения своих целей. Эти господа действительно думают, что они работают для самих себя. Они достаточно ограничены, чтобы считать, что с их победой мир приобретет свой окончательный облик. А между тем яснее ясного, что они повсюду только прокладывают путь для нас – демократов и коммунистов, что они завоюют лишь самое большее несколько лет полного тревог блаженства, чтобы вскоре после этого быть свергнутыми в свою очередь. Повсюду за спиной буржуа стоит пролетариат, то разделяя их стремления и отчасти их иллюзии, как в Италии и Швейцарии, то держась молчаливо и осторожно, но исподволь

[1200] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 140.
[1201] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 338.

подготавливая свержение буржуа, как во Франции и Германии, то, наконец, как в Англии и Америке, – в состоянии открытого восстания против господствующей буржуазии. Но мы можем сделать еще больше. Мы можем все это прямо сказать буржуа, можем раскрыть свои карты. Пусть буржуа знают заранее, что они работают лишь нам на пользу. И все же они несмотря на это не смогут прекратить свою борьбу против абсолютной монархии, дворянства и попов. Они должны либо победить, либо уже сейчас погибнуть. И очень скоро в Германии им придется обратиться за помощью именно к нам. Итак, продолжайте смело вашу борьбу, милостивые государи от капитала! Пока вы нам нужны; кое-где мы нуждаемся даже в вашем господстве. Вы должны убрать с нашего пути остатки Средневековья и абсолютную монархию. Вы должны уничтожить патриархальщину, вы должны осуществить централизацию, вы должны превратить все более или менее неимущие классы в настоящих пролетариев – наших новобранцев. При помощи ваших фабрик и торговых связей вы должны создать для нас основу тех материальных средств, в которых пролетариат нуждается для своего освобождения. В награду за это вы получите короткий период власти. Вам предоставляется диктовать законы, наслаждаться блеском созданного вами величия. Вы можете пировать в королевском зале и взять в жены прекрасную королевскую дочь, но не забывайте, что «Палач стоит у порога»[1202].

Ф. Энгельс гордился: «Мы достигли того, что все наши противники, что бы они ни делали, вопреки самим себе работают на нас»[1203]. И далее продолжал: «Вот к чему мы пришли. Все события обращаются в нашу пользу. Меры, наиболее тщательно рассчитанные на то, чтобы помешать успехам пролетариата, только ускоряют его победоносное шествие. Сам враг действует, вынужден действовать нам на пользу»[1204].

Эффект комического вызывает алогизм, непоследовательность. К. Маркс описывал подобную непоследовательность как «нормальную» для революции 1848 года во Франции: «Период, с кото-

[1202] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 469–470.
[1203] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 267.
[1204] Там же. С. 268.

рым мы имеем дело, заключает в себе самую пеструю смесь вопиющих противоречий: перед нами конституционалисты, открыто организующие заговоры против конституции, революционеры, открыто признающие себя сторонниками конституционных действий, Национальное собрание, желающее быть всесильным и неизменно ведущее себя по-парламентски; Гора, видящая свое призвание в терпении и возмещающая свои поражения в настоящем предсказаниями побед в будущем; роялисты в роли patres conscripti республики, вынужденные обстоятельствами удерживать за границей враждующие между собой королевские династии, приверженцами которых они являются, а во Франции поддерживать республику, которую они ненавидят; исполнительная власть, видящая силу в своей слабости и свой престиж во внушаемом ею презрении; республика, представляющая собой не что иное, как сочетание подлейших сторон двух монархий – Реставрации и Июльской монархии – под ярлыком империи; союзы, в основе которых лежит разъединение; борьба, основной закон которой – не доводить борьбы до конца; разнузданная бессодержательная агитация – во имя спокойствия; торжественнейшая проповедь спокойствия – во имя революции; страсти, лишенные истины; истины, лишенные страсти; герои без подвигов; история без событий; развитие, единственной движущей силой которого является, по-видимому, календарь и которое утомляет монотонным повторением одних и тех же состояний напряженности и разрядки; противоположности, периодически доходящие до высшей точки как будто только для того, чтобы притупиться и сойти на нет, не будучи в состоянии разрешиться; претенциозно выставляемые напоказ усилия и мещанский страх перед надвигающимся светопреставлением в то время, как спасители мира предаются самым мелочным интригам и придворному комедиантству, напоминая своей беспечностью скорее времена Фронды, чем страшный суд; официальный совокупный гений всей Франции, посрамленный лукавой тупостью одного человека; всеобщая воля нации, ищущая себе – всякий раз, как она проявляется во всеобщем голосовании, – достойного выражения в лице закоренелых врагов интересов масс, пока она, наконец, не находит его в своеволии одного флибустьера»[1205].

[1205] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 142.

Оценивая результаты революций 1848 года, Ф. Энгельс резюмирует: «…комические результаты движения во всех странах; ведь ничего серьезного и важного не получилось – одна лишь колоссальная ирония истории и концентрация русских военных сил»[1206]. Впрочем последнее – немаловажный геополитический фактор, а кроме того Ф. Энгельс упоминает крушение старых монархических партий[1207] и истощение сил пролетариата[1208].

Ирония истории может быть трагичной. Рассказывая о дебатах по польскому вопросу во Франкфуртском собрании в 1848 году, Ф. Энгельс писал: «Г-н Йордан в своей речи говорил о трагической иронии мировой истории. Гражданин Руге являет этому убедительный пример. Он, как и вся более или менее идеологическая левая, видит, как его самые дорогие, излюбленные мечты, величайшие усилия его мысли разбиваются об интересы класса, представителем которого он является. Его филантропически-космополитический проект разбивается о скаредные торгашеские души, и он вынужден, сам того не сознавая и не желая, в более или менее идеологически искаженном виде представлять интересы этих самых торгашеских душ. Идеолог полагает, а купец располагает. Трагическая ирония мировой истории!»[1209].

Трагична ирония истории для рабочей партии, если она будет решать буржуазно-демократические задачи. Когда к бреши «бросаются коммунисты и призывают буржуазию выполнять то, что составляет ее прямой долг»[1210], то «в противовес старому, феодальному обществу буржуазия и пролетариат образуют новое общество, выступают совместно. Призыв, естественно, остается безуспешным и ирония истории такова, что эта же самая буржуазия теперь судит, с одной стороны, революционного пролетарского коммуниста, а с другой – контрреволюционное правительство»[1211]. Плоды революции, в которой пролетариат выполняет работу буржуазии, достаются, в конечном счете, классу капиталистов[1212].

[1206] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 28. С. 490.
[1207] Там же.
[1208] Там же. С. 489.
[1209] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 385.
[1210] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 208.
[1211] Там же. С. 208–209.
[1212] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 381–382.

Таков исход событий в случае поражения пролетариата, не достигшего «еще того уровня, при котором было бы возможно социальное переустройство»[1213]. Но он и не лучше при его преждевременной победе: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, – надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже… И самое лучшее, что можно сделать, – это уже заранее подготовить в нашей партийной литературе историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет»[1214].

Выступление против военно-бюрократического государства в Германии Ф. Энгельс считал политическим безумием. Даже демонстрация могла быть воспринята как мятеж. «Лучшей демонстрацией немецких социалистов является само их существование и их неторопливое, равномерное, неодолимое движение вперед. Мы еще далеки от того, чтобы выдержать открытую борьбу…»[1215] – предупреждал он в 1891 году. Лучший признак прогресса, как писал Ф. Энгельс, обращаясь к П. Лафаргу, это когда «вы вызываете страх не как мятежная сила случайного действия, а как сила постоянная, организованная, политическая»[1216].

[1213] Там же. С. 381.
[1214] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 28. С. 490–491.
[1215] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 15.
[1216] Там же. С. 298.

Отзываясь о первомайских демонстрациях в том же году, Ф. Энгельс писал: «Опасность в странах с революционным прошлым заключается в том, что каждая новая область, захваченная социализмом, желает совершить революцию в 24 часа. Нет никакой необходимости подталкивать людей вперед, напротив, их следует сдерживать. В особенности валлонцы не признают ничего, кроме мятежа, в котором они почти всегда бывают разбиты. Посмотрите на борьбу бельгийских шахтеров: никакой или почти никакой организации, не признающее никаких преград нетерпение, а следовательно, и верное поражение»[1217]. Правда, вероятными и вынужденными он считал революционные шаги против буржуазного государства «в защиту законов, установленных самой буржуазией»[1218].

«Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами»[1219], – констатировал Ф. Энгельс. Для пролетариата он полагал более выгодным использование легальных средств борьбы. Если партии порядка в отчаянии будут сами нарушать законность, проводить еще более свирепые законопроекты, превращать «весь уголовный кодекс в каучук»[1220], то они продемонстрируют свое бессилие. И прежде всего потому, что все современные государства – продукт ряда договоров: «во-первых, договора между государями и, во-вторых, договора между государями и народом»[1221]. Установление диктатуры нарушает договор, что освобождает других участников от обязательств по его соблюдению и поддержанию, следовательно, государственной целостности.

Ирония истории – это оптимистическая трагедия, так как она создает предпосылки для дальнейшего движения. Важнейший результат европейской революции 1848 года, по оценке Ф. Энгельса, это «всеобщая, самая решительная, самая кровожадная и самая насильственная контрреволюция, которая, впрочем, сама является лишь фазой европейской революции, и поэтому ее неизбежным плодом явится новый, всеобщий и победоносный революционный ответный удар»[1222]. В поражениях революции 1848 года «погибали

[1217] Там же. С. 87–88.
[1218] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 644.
[1219] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 546.
[1220] Там же. С. 547.
[1221] Там же.
[1222] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 6. С. 217.

пережитки дореволюционных традиций, результаты общественных отношений, не заострившихся еще до степени резких классовых противоположностей, погибали лица, иллюзии, представления, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не февральская победа, а только целый ряд поражений»[1223]. В итоге революция «порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага, в борьбе с которым партия переворота только и вырастала в подлинно революционную партию»[1224].

Поэтому битвы революций 1848 года были не напрасны. Обеспечение национального единства и независимости Италии, Германии, Венгрии стало необходимым условием установления господства буржуазии, бурного развития крупной промышленности и образования многочисленного, сконцентрированного, сильного пролетариата. Тем самым готовилась почва для социалистической революции[1225].

1223 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 7. С. 7.
1224 Там же.
1225 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 381–382.

Глава 14. ПРЕДВАРЯЯ «ОБЩЕСТВО СПЕКТАКЛЯ» [1226]

14.1. Мистерия общественных форм

Характеризуя буржуазное общество, К. Маркс пишет о мистическом туманном покрывале, наброшенном на строй общественного жизненного процесса[1227]. Точнее, последний сам порождает своего рода испарения, туманные образования в качестве необходимого продукта[1228].

В буржуазном обществе товар – это «вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений»[1229]. Чудеса и привидения окутывают туманом продукты труда, порождая мистицизм товарного мира[1230]. Это явление К. Маркс называет фетишизмом товара.

Товарная форма есть вещная оболочка, скрывающая свойство непосредственной обмениваемости, призрачную предметность[1231] затраченного труда и загадочную эквивалентную форму меновой стоимости[1232]. После обмена стоимость приобретает золотое облачение – свою денежную маску[1233]. Товаровладельцы в экономических масках покупателя и продавца[1234] выглядят лишь как представители товаров.

При капиталистическом способе производства, как убежден К. Маркс, «этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие»[1235]. В своем жизненном кругообороте стоимость, постоянно меняя денежную форму на товарную форму и обратно, превращается в автоматически действующего субъекта и самовозрастает: «Капиталист знает, что всякие товары, какими бы оборвышами они ни выглядели, как бы скверно они ни

[1226]«La Société du spectacle» (1967) – произведение Ги Дебора, в котором популяризуется концепция товарного фетишизма К. Маркса.

[1227] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 90.

[1228] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 25.

[1229] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 80–81.

[1230] Там же. С. 86.

[1231] Там же. С. 46.

[1232] Там же. С. 67.

[1233] Там же. С. 126.

[1234] Там же. С. 159.

[1235] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 394.

пахли, суть деньги в духе и истине, евреи внутреннего обрезания, и к тому же чудотворное средство из денег делать большее количество денег»[1236]. Политэкономы завершают мистификацию капиталистического способа производства в формуле «капитал – процент, земля – земельная рента, труд – заработная плата»: «…Получился заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир, в котором monsieur le Capital и madame la Terre как социальные характеры в то же время непосредственно, как просто вещи, справляют свой шабаш»[1237].

К. Маркс думал, что другие общественно-производственные организмы более прозрачны, менее загадочны и в них отсутствует прозаически реальная мистификация, при которой проявления скрывают истинное отношение и создают видимость отношения прямо противоположного[1238]. Наряду с этим он указывал, что даже «семейная связь с ее естественно развившимся разделением труда накладывала на продукт труда свою своеобразную общественную печать»[1239]. Да и любой продукт труда является непростой и нетривиальной вещью, таящей человеческий замысел и свои социальные функции.

В мрачном европейском Средневековье люди выступают по отношению друг к другу в характерных масках и облекаются в соответствующие костюмы[1240]. Образуются своеобразные соотносительные определения: «Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они – подданные потому, что он король»[1241]. Пэром или королем от рождения человек является лишь в силу общего признания: «Лишь признание делает рождение этого человека рождением короля; следовательно, королем делает человека не рождение, а признание его таковым»[1242]

[1236] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 165.
[1237] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 398.
[1238] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 550.
[1239] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 20.
[1240] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 87–88.
[1241] Там же. С. 67.
[1242] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 342.

К. Маркс также напоминал: «Характерно, что вплоть до XVIII века отдельные ремесла назывались mysteries (mysteres) [тайнами], в глубину которых мог проникнуть только эмпирически и профессионально посвященный. Только крупная промышленность разорвала завесу, которая скрывала от людей их собственный общественный процесс производства и превращала различные стихийно обособившиеся отрасли производства в загадки одна по отношению к другой и даже для посвященного в каждую отрасль»[1243].

Мистическое туманное покрывало наброшено и на деятельность чиновничества: «Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру – ее замкнутым корпоративным характером. Открытый дух государства, а также и государственное мышление представляется поэтому бюрократии предательством по отношению к ее тайне»[1244].

Отсюда стремление французских просветителей, занимавшихся составлением «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», «снимать покров таинственности с тех загадочных форм, которые имели человеческие отношения и возникновение которых еще не умели объяснить»[1245]. Буржуазии удалось лишить «священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом»[1246]. Она также «сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров»[1247].

К. Маркс видел задачу коммунистов в разоблачении старого мира[1248]. Предстоящая реформа состояла, по его убеждению в том, «чтобы дать миру уяснить себе свое собственное сознание, чтобы разбудить мир от грез о самом себе, чтобы *разъяснить* ему смысл его собственных действий»[1249]. Ставя в пример фейербаховскую критику религии, К. Маркс заключал: «Таким образом, наш девиз

[1243] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 497.
[1244] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 272.
[1245] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 101.
[1246] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 427.
[1247] Там же.
[1248] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 378.
[1249] Там же. С. 381.

должен гласить: реформа сознания не посредством догм, а посредством анализа мистического, самому себе неясного сознания, выступает ли оно в религиозной или же в политической форме»[1250]. Поэтому основные работы основоположников исторического материализма написаны в жанре критики.

Самую глубокую тайну общественного строя и государства, скрытую под идеологическими наслоениями, К. Маркс видел в отношении собственников условий производства к непосредственным производителям – в отношении, форма которого «естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего»[1251]. Предполагалось, что в условиях планомерной организации общественной жизни общественные отношения людей будут прозрачно ясными[1252]. Но новой мистификацией стал фетишизм плана. Таким образом, наряду с «расколдовыванием» и рационализацией общественной жизни продолжилось ее «заколдовывание».

14.2. Карнавализация в истории

Существовали моменты (например, в Древнем Риме), когда философия обращала свой взор на внешний мир, выступала как действующее лицо и завязывала интриги с миром: «Это карнавал философии; тогда она принимает собачий облик, как киник, рядится в одежду жреца, как александриец, или в душистое весеннее одеяние, как эпикуреец. Для нее существенно теперь то, что она надевает на себя характерные маски»[1253]. Как говорилось о философах в «Немецкой идеологии», «народ считал их публичными скоморохами, а римские капиталисты, проконсулы и т. д. нанимали их в качестве придворных шутов для того, чтобы они, поругавшись за столом с рабами из-за нескольких костей и корок хлеба и получив особое кислое вино, забавляли вельможу и его гостей занятными словами – «атараксия», «афазия», «гедоне»[1254]. Философы стали

[1250] Там же.
[1251] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 354.
[1252] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 89.
[1253] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1975. Т. 40. С. 109.
[1254] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 128.

шутами, но результаты вульгарно-философского просвещения легли в основу первоначального христианства[1255].

Первая буржуазная революция началась в мозгу монаха, и благодаря Реформации попы превратились в мирян, превратив мирян в попов[1256]. В Средневековье различные ереси срывали ореол святости с существующих общественных отношений[1257] и классовая борьба велась «под религиозной оболочкой, в форме борьбы за восстановление первоначального христианства»[1258].

Короли нищих, использовавшиеся в качестве связных во время крестьянской войны в Германии, носили оригинальные костюмы. У одного «на шапке было более восьми священных эмблем («четырнадцать святых заступников», св. Оттилия, пречистая дева и т. д.)»[1259]. «Другой попрошайничал во имя св. Валентина, торговал пряностями и цитварным семенем, носил длинный кафтан цвета железа, красный берет с триентским младенцем, шпагу на боку, несколько ножей и кинжал за поясом; некоторые выставляли напоказ искусственно растравляемые раны и носили подобные же причудливые костюмы»[1260], – писал Ф. Энгельс.

Лютеранская реформация в Германии выродилась, но кальвинистская реформация «послужила знаменем республиканцам в Женеве, в Голландии и в Шотландии… и доставила идеологический костюм для второго акта буржуазной революции, происходившего в Англии»[1261].

К. Маркс давал следующее объяснение практике идеологического маскарада: «И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории. Так,

---

[1255] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 308–309.
[1256] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 422.
[1257] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 361.
[1258] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 468.
[1259] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 383.
[1260] Там же.
[1261] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 315.

Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789–1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционные традиции 1793–1795 годов. Так, новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной.

При рассмотрении этих всемирно-исторических заклинаний мертвых тотчас же бросается в глаза резкое различие между ними. Камилль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, как герои, так и партии и народные массы старой французской революции осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени – освобождение от оков и установление современного буржуазного общества <…> Но как только новая общественная формация сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина – все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь. Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и глашатаев в Сэях, Кузенах, Руайе Колларах, Бенжаменах Констанах и Гизо; его настоящие полководцы сидели за конторскими столами, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Всецело поглощенное созиданием богатства и мирной конкурентной борьбой, оно уже не вспоминало, что его колыбель охраняли древнеримские призраки. Однако, как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов. В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета. Когда же действительная цель

была достигнута, когда буржуазное преобразование английского общества совершилось, Локк вытеснил пророка Аввакума.

Таким образом, в этих революциях воскрешение мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило для того, чтобы возвеличить данную задачу в воображении, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения в действительности, – для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы заставить снова бродить ее призрак.

В 1848–1851 гг. бродил только призрак старой революции, начиная с Марраста, этого republicain en gants jaunes [республиканца в лайковых перчатках], переодетого в костюм старого Байи, и кончая авантюристом, скрывающим свое пошло-отвратительное лицо под железной маской мертвого Наполеона. Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, вдруг оказывается перенесенным назад, в умершую эпоху. А чтобы на этот счет не было никакого сомнения, вновь воскресают старые даты, старое летосчисление, старые имена, старые эдикты, сделавшиеся давно достоянием ученых антикваров, и старорежимные, казалось, давно истлевшие, жандармы»[1262].

Во французской революции 1848 года «с механизма старой монархии были сорваны роялистские ярлычки и на их место приклеены республиканские»[1263]. Роялисты превратились в республиканцев, а республика стала «лишь новым бальным нарядом для старого буржуазного общества»[1264]. Глава правительства Л.Э. Кавеньяк надел «строгую маску древнереспубликанской скромности»[1265].

Театрализация становилась национальной традицией. Характеризуя деятельность Центральной хунты в Испании в 1808 году, К. Маркс писал: «Как напыщенные герои Кальдерона, которые, принимая условные титулы за настоящее величие, докладывают о себе утомительным перечислением своих титулов, так и Хунта прежде всего занялась присвоением себе почестей и отличий, соответствующих ее выдающемуся положению. Ее президент получил титул «высочества», прочие члены – «превосходительства», а всей

[1262] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 119–121.
[1263] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 39.
[1264] Там же. С. 19.
[1265] Там же. С. 39.

Хунте в целом был присвоен титул «величества». Ее члены нарядились в маскарадный мундир, похожий на генеральский, украсили грудь значком, изображающим Старый и Новый свет, и назначили себе годовое содержание в 120000 реалов. В полном согласии с духом старой испанской традиции они считали, что величественно и достойно вступить на историческую сцену Европы вожди восставшей Испании могут, только задрапировавшись в театральные костюмы»[1266].

Собственным призраком служил генерал Б. Эспартеро, лидер партии прогрессистов, регент Испании (1841–1843) и глава правительства (1854–1856). Утратив популярность в период регентства, он снова стал «спасителем страны и «мечом революции»[1267] и с триумфом вступил в Мадрид 29 июля 1854 года. Данный феномен К. Маркс объяснял следующим образом: «Длительные периоды жестокой реакции имеют изумительное свойство восстанавливать престиж павших вождей, потерпевших неудачу в революции. Чем большим воображением одарен народ, – а где оно больше, чем на юге Европы, – тем сильнее его стремление противопоставить лицу, воплощающему деспотизм, лицо, воплощающее революцию. Так как он не может создать сразу такое лицо из ничего, народ воскрешает отживших героев своих прошлых движений»[1268]. Но этот Эспартеро «не был реальным лицом; это был призрак, имя, воспоминание»[1269].

К. Маркс полагал, что революция будущего должна покончить со всяким суеверным почитанием старины. Она не нуждается в воспоминаниях о прошлом и в самообмане: «Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы»[1270].

[1266] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 445.
[1267] Там же. С. 376.
[1268] Там же.
[1269] Там же.
[1270] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 122.

14.3. Трагедия и комедия в истории

История испокон существующего старого порядка была трагической[1271]. А ход истории таков, что «последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия»[1272].

Разыгрываемые деспотизмом комедии довольно опасны, так как «государство – слишком серьезная вещь, чтобы можно было превратить его в какую-то арлекинаду»[1273]. Так, настоящая военная комедия – война Германского союза с Данией за Шлезвиг-Гольштейн[1274]. Но «сцена этого театра освещается горящими деревнями Шлезвига, а хор составляют датские «мародеры», а также добровольцы, которые взывают о мести»[1275]. Аналогично оценивалась Крымская война: «Крымская война была единственной в своем роде колоссальной комедией ошибок, в которой перед каждой новой сценой спрашиваешь себя: кто же на этот раз будет обманут? Но эта комедия стоила несметных затрат и более миллиона человеческих жизней»[1276].

Во все время господства в республиканской Франции Учредительного собрания, «пока оно разыгрывало на авансцене лицедейство для почтеннейшей публики, в глубине сцены происходило непрерывное жертвоприношение – бесконечные приговоры военно-полевых судов, выносимые пленным июньским инсургентам, или ссылка их без суда»[1277]. Комедия революции события 1848 года в Германии «имела трагический конец из-за кровожадности контрреволюции»[1278].

Ф. Энгельсу казалось, что «историей в роли мирового духа руководит из гроба старый Гегель, с величайшей добросовестностью заставляя все события повторяться дважды: первый раз в виде великой трагедии и второй раз – в виде жалкого фарса»[1279]. Это его

[1271] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 418.
[1272] Там же.
[1273] Там же. С. 372.
[1274] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 32.
[1275] Там же. С. 33.
[1276] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 427.
[1277] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 35.
[1278] Там же. С. 207.
[1279] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 27. С. 341.

беспокоило в связи с перспективой повторения после состоявшегося 2 декабря 1851 года во Франции бонапартистского государственного переворота всех исторических событий, последовавших с переворотом 9 ноября 1799 года (18 брюмера по республиканскому календарю), в результате которого была установлена военная диктатура Наполеона Бонапарта: «Как далеко мировой дух, видимо, очень раздосадованный на человечество, заведет этот фарс, придется ли нам в течение одного года пережить Консульство, Империю, Реставрацию и т. д., необходимо ли, чтобы наполеоновскую династию поколотили на улицах Парижа, прежде чем она станет невозможной во Франции, – этого и сам черт не знает»[1280]. Действительно, впоследствии псевдо-Бонапарт каждые два года разыгрывал пародию на один из номеров старой наполеоновской программы – русский поход, итальянская кампания, мелодраматические угрозы по адресу Англии[1281].

Обобщая мысль Ф. Энгельса, К. Маркс писал, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются первый раз в виде трагедии, а второй раз в виде фарса: «…Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848–1851 гг. вместо Горы 1793–1795 гг. племянник вместо дяди»[1282]. Таким образом, констатировалось воспроизводство исторической структуры со всеми сценическими положениями и ролями. Правда, это воспроизводство – движение от трагедии к фарсу как простому драматическому жанру – представляло регрессивный метаморфоз[1283].

Если история в определенном своем фазисе оказывается комедией, то преуспевает тот, кто входит в роль, как например, будущий император Наполеон III: «Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости»[1284]. В различных акциях он и француз-

[1280] Там же.
[1281] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 472–473.
[1282] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 119.
[1283] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 32. С. 242.
[1284] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 168.

ская буржуазия играли «чистейшую комедию, правда, с самым серьезным видом, не нарушая ни одного из педантических правил французского драматического этикета»[1285]. Так, во время его избирательной кампании «прирученный швейцарский коршун играл роль наполеоновского орла». В Булони он напялил на лондонских лакеев французские мундиры: они представляли армию. И уже не вызывало сомнений то, что «авантюрист, смотревший на комедию просто как на комедию, должен был победить»[1286].

После победы он «принял всерьез свою императорскую роль, воображая себя под наполеоновской маской действительным Наполеоном, – лишь тогда он становится жертвой своего собственного мировоззрения, превращается в серьезного шута, теперь уже не всемирную историю считающего комедией, а свою комедию – всемирной историей»[1287]. Великие державы Европы облегчили паяцу его роль и обеспечили усердную клаку в партере и на галерке, но все военные авантюры совершались за счет Франции, без расширения ее границ и в том месте, которое «Европа всякий раз соблаговолит указать ему для выполнения его роли»[1288].

Во внутренней политике Наполеон III использовал такой комедийный трюк как вывод «на сцену старых, уже отыгравших свои роли personae dramatis [действующих лиц] в качестве блистающих новизной героев»[1289]. Министры, главы ведущих газет и другие деятели выстраиваются в карусель, меняя свои поприща. «Они – лишь различные маски»[1290], представляющие отдельные черты облика императора.

Поскольку всякое дело имеет свою комическую сторону, то не избежал этого и 2-й конгресс Интернационала, проходивший в 1867 году в Лозанне. Но в целом буржуазная пресса видела в нем «грозящую неотвратимую трагедию», тогда как состоявшийся несколькими днями позже в Женеве учредительный съезд Лиги мира и свободы был воспринят «как фарс и комедийное зрелище»[1291].

[1285] Там же.
[1286] Там же.
[1287] Там же. С. 168–169.
[1288] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 471.
[1289] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 15. С. 383.
[1290] Там же. С. 384.
[1291] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 466.

14.4. История как многоактная драма

По оценке К. Маркса, история французов – «меткая эпиграмма, настоящее художественное драматическое произведение»[1292]. Оно разыгрывается как театральный спектакль.

С провозглашением Второй республики во Франции на основе всеобщего избирательного права все классы французского общества «вдруг были привлечены к участию в политической власти, принуждены были оставить ложи, партер и галерею и выйти на революционную сцену в качестве действующих лиц»[1293]. С назначением О. Барро 20 декабря 1848 года премьер-министром первым актом правления стала реставрация старой роялистской администрации, и «в один миг преобразилась вся официальная сцена – кулисы, костюмы, язык, актеры, фигуранты, статисты, суфлеры, позиция партий, движущие силы драмы, сущность коллизии, вся обстановка»[1294].

Неразрешенность исторических противоречий, когда отголоски прошлого продолжают тяготеть над народами[1295], определяет возвращение к основаниям развития и к их расширению, что ведет к новым циклам, к повторному воспроизведению событий. Иногда возникает впечатление, что «общество очутилось теперь позади своего исходного пункта, на самом же деле ему приходится еще только создавать себе исходный пункт…»[1296].

Например, буржуазные революции, казалось бы, «стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом…»[1297]. Но когда достигают апогея «общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска»[1298]. Поэтому повторение буржуазных революций неизбежно.

[1292] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 28. С. 24.
[1293] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 714.
[1294] Там же. С. 46.
[1295] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 418.
[1296] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 122.
[1297] Там же.
[1298] Там же.

Так и совершаемые при участии пролетариата революции XIX века «постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезывающее всякий путь к отступлению…»[1299].

В частности, во Франции в 1869 году К. Маркс отмечал очень интересное движение: «Парижане снова начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе»[1300]. Уроки содействовали тому, что в дальнейшем «народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов»[1301].

В оценке неоднократной повторяемости событий следует исходить из формулы К. Маркса: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни»[1302]. Иначе говоря, борьба с прошлым и его снятие – не разовый, а многоэтапный процесс.

Так, жизненная история французской революции, начавшейся с 1789 г., не закончилась ни в 1830 году, когда одержал победу один из ее моментов[1303], ни в 1848 году. С правления Луи Бонапарта «период революций снизу на время закончился; последовал период революций сверху»[1304].

1299 Там же. С. 122–123.
1300 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 32. С. 496.
1301 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 17. С. 561.
1302 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 418.
1303 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 148.
1304 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 536.

В 1845 году социальное движение в Европе Ф. Энгельс характеризовал как «лишь второй акт революции, лишь подготовку к развязке той драмы, которая началась в 1789 г. в Париже, а теперь охватила своим действием всю Европу»[1305].

Как историческая многоактовая драма описываются события революции 1848 года: «В Вене только что закончился второй акт драмы, первый акт которой был разыгран в Париже под названием «Июньские дни». В Париже мобили, в Вене «хорваты», и тут и там лаццарони – вооруженный и подкупленный люмпен-пролетариат – против занятого трудом мыслящего пролетариата. В Берлине мы скоро переживем третий акт»[1306].

Завершение одной драмы может находить продолжение в начале другой драмы. В событиях в Италии Ф. Энгельс видел пролог движения 1849 года, а в войне против мадьяр – эпилог движения 1848 года. «Возможно, что этот эпилог выльется еще в новую драму, которая подготовляется втайне»[1307], – писал он. Кроме того, отмечается действие закономерности повторения сценических положений: «Этот эпилог отличается столь же героическим характером, как первые, быстро следовавшие одна за другой сцены революционной трагедии 1848 года, как падение Парижа и Вены; своим героическим характером он выгодно отличается от жалких или незначительных эпизодов периода между июнем и октябрем. Последний акт 1848 года переходит через терроризм в первый акт 1849 года»[1308]. Отсутствие в ряде эпизодов повторных героических комплексов лишает драму единства действия и цельности.

Ф. Энгельс полагал важным последовательно пройти все акты революционного процесса. Возможность господства рабочей партии может наступить, на его взгляд, только тогда, когда все официальные партии «в борьбе между собой потерпят крах одна при помощи другой и одна вслед за другой»[1309]. И очень плохо пришлось бы рабочей партии, если бы она начала революцию немедленно с

[1305] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 590.
[1306] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 494.
[1307] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 175.
[1308] Там же.
[1309] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 35. С. 319.

ее последнего акта, то есть сразу выступила против всех официальных партий, сплоченных в единую реакционную массу.

По общему правилу, «всякая партия, стремящаяся прийти к власти прежде, чем обстоятельства позволяют ей осуществить свою собственную программу, обречена на гибель; но нетерпение буржуазных партий так велико, что все они раньше времени разбиваются об этот подводный камень»[1310]. Ф. Энгельс подчеркивал, что революция есть многолетний процесс развития масс в условиях, которые способствуют его ускорению: «Каждая революция, которая совершалась в один день, либо только устраняла заранее обреченную на гибель реакцию (1830 г.), либо приводила к результатам, прямо противоположным поставленной цели (1848 г., Франция)»[1311]. «…Пока мы еще не можем сами активно творить историю, – писал Ф. Энгельс, – мы заинтересованы в том, чтобы историческое развитие не приостанавливалось, а для этого нужна грызня буржуазных партий между собой»[1312].

[1310] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 410.
[1311] Там же. С. 49.
[1312] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 254.

Глава 15. МИР-СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД

15.1. Взаимозависимость

С диалектико-материалистической точки зрения мир есть система, связное целое[1313] или взаимная связь тел, воздействующих друг на друга[1314]. Общественные тела – от людей и социальных вещей до общественных организмов – также находятся во взаимной связи и взаимообусловленности.

Взаимообусловленность в общественной жизни Ф. Энгельс иллюстрировал на примере развития России в период после Крымской войны: «Армию погубили гигантские пространства империи, погубили продолжительные переходы к театру военных действий; необходимо было уничтожить эту отдаленность посредством сети стратегических железных дорог. Но железные дороги означают создание капиталистической промышленности и революционизирование примитивного земледелия. С одной стороны, в непосредственное соприкосновение с мировым рынком вступают земледельческие продукты даже самых отдаленных частей страны; с другой стороны, невозможно построить и эксплуатировать широкую сеть железных дорог, не имея отечественной промышленности, поставляющей рельсы, локомотивы, вагоны и т. д. Но нельзя создать одну отрасль крупной промышленности, не вводя вместе с ней всю систему; текстильная промышленность сравнительно современного типа, уже раньше пустившая корни в Московской и Владимирской губерниях, а также в Прибалтийском крае, получила толчок к новому подъему. За постройкой железных дорог и фабрик шло расширение уже существующих банков и основание новых; освобождение крестьян от крепостной зависимости порождало свободу передвижения, причем следовало ожидать, что вслед за тем само собой произойдет освобождение значительной части этих крестьян и от владения землей»[1315].

В общественной жизни относительная независимость, самостоятельность снимается взаимозависимостью, когда одно является необходимой причиной другого. Существо самостоятельно, если

[1313] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 630.
[1314] Там же. С. 392.
[1315] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 450.

«обязано своим существованием самому себе»[1316]. Человек есть существо зависимое, так как живет милостью других – тех, кто создал его жизнь и ее поддерживает. «Народному сознанию непонятно чрез-себя-бытие природы и человека, потому что это чрез-себя-бытие противоречит всем осязательным фактам практической жизни»[1317], – писал К. Маркс.

Первоначально взаимозависимость людей, основанная на кровном родстве или господстве и подчинении, имеет локальный и личный характер. В первобытности и в традиционном обществе «отдельный индивидуум еще столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью»[1318].

В европейском Средневековье личная зависимость характеризует все сферы жизни: здесь «все зависимы – крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы»[1319]. Но уже в феодальном обществе личные отношения отчасти принимали вещный характер («развитие отношений земельной собственности из отношений чисто военной субординации»[1320], круговорот натуральных служб и повинностей[1321]). Но эти вещные отношения имели ограниченный, определенный природой характер и поэтому представлялись личными[1322].

С развитием товарного производства узы личной зависимости подрываются и разрываются: они замещаются отношениями вещной зависимости. Члены гражданского общества вовсе не самодовлеющие атомы, несвязанные с другими существами[1323]. Можно лишь воображать себя «самодовлеющим, лишенным потребностей, абсолютно полным, блаженным существом»[1324]. Себялюбие эгоистического человека становится его «любовью к другим вещам

[1316] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 125.
[1317] Там же.
[1318] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 346.
[1319] Там же. С. 87.
[1320] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 108.
[1321] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 87.
[1322] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 108.
[1323] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 133.
[1324] Там же.

и другим людям, находящимся вне его»[1325]. Он вынужден создавать реальную связь с другими индивидуумами, обладающими предметами его потребностей: «…*интерес,* – вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества»[1326].

Так, повторяющиеся вспышки эпидемических заболеваний показали английскому буржуа, что если он хочет спасти себя и свою семью от опасности пасть жертвой этих болезней, то необходимо улучшить санитарное состояния городов[1327]. Как следствие, проведена (или улучшена) канализация, проложены широкие улицы.

Взаимная зависимость товаровладельцев обусловлена вещественным различием товаров как основанием обмена[1328]. Взаимозависимость состоит в том, что «каждый является одновременно и средством, и целью, и притом достигает собственной цели, только становясь средством для другого, а средством для другого становится лишь постольку, поскольку достигает своей цели…»[1329].

В товарном производстве возникает взаимная и всесторонняя зависимость безразличных по отношению друг к другу производителей: «Производство каждого отдельного лица зависит от производства всех других; точно так же превращение его продукта в жизненные средства для него самого стало зависеть от потребления всех остальных»[1330]. Благодаря разделению труда «независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости»[1331].

В мире казалось бы независимых друг от друга частных собственников «сквозь частную собственность слышим биение *человеческого сердца:* это – зависимость человека от человека»[1332]. Так отношения вещной зависимости превращаются «во всеобщую форму – выработку всеобщей основы отношений личной зависимости»[1333].

[1325] Там же.
[1326] Там же.
[1327] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 262.
[1328] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 171.
[1329] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1969. Т. 46. Ч. II. С. 452.
[1330] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 99.
[1331] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 118.
[1332] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 338.
[1333] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 108.

15.2. Совместное действие

Взаимозависимость необходимо приводит к непосредственному или опосредствованному взаимодействию различных, взаимообусловленных факторов. Вследствие устойчивого взаимовлияния возникают ситуации направленного совместного действия (вместедействия) – в виде содействия или противодействия.

Характеризуя становление человека, Ф. Энгельс обращал внимание на совместную деятельность руки, органов речи и мозга, благодаря чему «люди приобрели способность выполнять все более сложные операции, ставить себе все более высокие цели и достигать их»[1334]. В дальнейшем развитие труда «способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена»[1335].

В совместной деятельности индивидов возникает умноженная производительная сила, т. е. новая социальная сила[1336]. Каждой общественной ступени развития производительных сил соответствуют определенные способы совместной деятельности[1337].

Так, линейный строй пехоты, усовершенствованный Фридрихом II, был необходимым следствием совместного действия двух материальных факторов: «Одним из этих факторов был людской состав навербованного монархами войска, которое отчасти составлялось даже из вражеских, насильно зачисленных в армию военнопленных, – оно было хорошо вымуштровано, но ненадежно, и только палка держала его в повиновении. Вторым фактором являлось вооружение – неуклюжие тяжелые пушки и гладкоствольное, быстро, но плохо стрелявшее кремневое ружье со штыком»[1338]. Условия американской и французской революций определили другие способы организации боя.

[1334] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 493.
[1335] Там же. С. 489.
[1336] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 33.
[1337] Там же. С. 28.
[1338] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 657.

Описывая разложение феодализма и возникновении национальных государств в Европе Ф. Энгельс указывал на ряд причин, совместное действие которых «усиливалось из года в год вследствие их возрастающего взаимного влияния друг на друга, все более ускорявшего развитие в одном и том же направлении, обеспечило во второй половине XV века победу над феодализмом, хотя еще и не бюргерства, но королевской власти»[1339]. К этим причинам он относил поддержку королевской власти и бюргерства сословием юристов, введение в действие римского права, создание королевских армий, формирование из горожан и свободных крестьян пехоты, умевшей владеть луком и арбалетом, употребление пороха и артиллерии, распространение книгопечатания.

Необычайно революционный характер XIX века обусловлен, по Ф. Энгельсу, тем, что «совместное действие пара и ветра, электричества и печатного станка, артиллерии и золотых россыпей производит в течение одного года больше изменений и революций, чем раньше происходило их на протяжении целого столетия…»[1340].

15.3. Концепция гегемонии

Комплекс взаимосвязанных, совместно действующих элементов образует систему. Констелляция (созвездие, сочетание) взаимно влияющих друг на друга причин может быть случайным. Но взаимное усиление как результат взаимодействия причин формирует устойчивое направление развития, приводящее к новой целостности.

Говоря о законченной буржуазной системе, К. Маркс подчеркивал, что «каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе»[1341]. Но каждая органическая система «имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчи-

[1339] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 415.
[1340] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 33.
[1341] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 229.

нить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы»[1342]. Так в ходе исторического развития случайный комплекс исходных предпосылок превращается в целостность, которой завершается становление органической системы.

Сравнивая роль различных причин, взаимовлияние которых привело к формированию буржуазного общества в Европе, Ф. Энгельс обращал внимание на два момента.

Во-первых, на ведущую роль укреплявшейся королевской власти: «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть была прогрессивным элементом, – это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним»[1343].

Во-вторых, на определяющую роль взаимодействия королевской власти с бюргерством: «Союз королевской власти и бюргерства ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов, – ведь в течение всех средних веков развитие не шло непрерывно в одном направлении, – и вновь возобновлялся, становясь все крепче, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, а королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника»[1344].

Всякое противоречивое взаимодействие есть борьба противоположностей, из которых одна играет ведущую роль. Асимметрия взаимодействия проявляется в том, что тенденция развития определяется ведущей противоположностью. Определяемая противоположность ограничивает ведущую противоположность и вместе с тем является основанием ее развития.

Описывая асимметрию в обществе, А. Грамши сравнивал ее с педагогическим отношением «учитель – ученик». Он подчеркивал, что «эти взаимоотношения существуют во всем обществе в целом

[1342] Там же.
[1343] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 411.
[1344] Там же. С. 411–412.

и применительно к каждому отдельному индивиду в его отношении к другим индивидам, между слоями интеллигентскими и неинтеллигентскими, между правящими и управляемыми, между элитой и последователями, между руководителями и руководимыми, между авангардом и основными силами»[1345]. Такое «педагогическое» отношение ведущего и ведомого А. Грамши называл отношением гегемонии и констатировал, что оно «обнаруживается не только внутри одной нации между различными составляющими ее силами, но и в международном и мировом масштабе: между комплексами национальных и континентальных цивилизаций»[1346].

О гегемонии как о ведущей роли (руководстве, главенстве) обычно принято говорить на уровне мировой политики. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс, иллюстрируя положение Германии в первой половине XIX века, приводили следующий фрагмент из стихотворения Г. Гейне «Зимняя сказка»:

Французам и русским досталась земля,
Владеют морем бритты,
Мы же владеем царством снов,
И здесь мы пока не разбиты.
Здесь у нас гегемония есть,
Здесь мы не раздроблены, к счастью;
Другие народы на плоской земле
Развились большею частью[1347].

К. Маркс и Ф. Энгельс писали о надутом и безмерном национальном чванстве немцев, которые «рассматривают свои фантазии как окончательный приговор, который они выносят деятельности других народов, и так как они повсюду способны быть только зрителями, наблюдателями, то они считают себя призванными вершить суд над всем миром, утверждая, что весь исторический процесс достигает своей конечной цели в Германии»[1348].

[1345] *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. I. М., 1991. С. 50.
[1346] Там же.
[1347] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 473.
[1348] Там же.

В 1880 году констатировалось, что Священный союз маскировал гегемонию русского царя над всеми правительствами Европы[1349]. А эта гегемония, проявлявшаяся в военном деспотизме России, Пруссии и Австрии, означала «монгольское господство над современным обществом»[1350].

Возникшая в раннем Средневековье европейская система государств[1351] в эпоху Возрождения стала органической системой: «…Вся Западная и Центральная Европа, включая сюда и Польшу, развивалась теперь во взаимной связи»[1352], – а «Италия, благодаря своей от древности унаследованной цивилизации, продолжала еще стоять во главе»[1353]. В XIX веке Англия – сердце буржуазного организма, конечности которого находятся на континенте[1354]. Франция – точнее Париж – выступает мозгом, «в котором европейская цивилизация достигла своего высшего расцвета, в котором сходятся нервные нити всей европейской истории и из которого через определенные промежутки времени исходят электрические разряды, потрясающие весь мир…»[1355]. Россия являлась «становым хребтом объединенного европейского деспотизма»[1356].

Таким образом, гегемония в европейской системе распределена между отдельными государствами. Франция – генератор исторической инициативы в Европе – инициативы революционной[1357] и контрреволюционной[1358]. Англия – демиург буржуазного космоса: «Как период кризиса, так и период процветания наступает на континенте позже, чем в Англии. Первоначальный процесс всегда происходит в континенте различные фазы цикла, постоянно вновь про-

[1349] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 247–248.
[1350] Там же. С. 248.
[1351] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 105.
[1352] Там же. С. 501.
[1353] Там же.
[1354] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 100.
[1355] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 500.
[1356] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 146.
[1357] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 500.
[1358] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 237.

ходимого буржуазным обществом, выступают во вторичной и третичной форме»[1359]. Благодаря господству на мировом рынке Англия господствует над всеми народами континента[1360]. Англия есть единственная страна, «где каждый переворот в экономических отношениях должен немедленно отразиться во всем мире»[1361] и «может стать рычагом для серьезной экономической революции»[1362].

15.4. Центр и периферия

В поступательном движении дифференцируются его центр и периферия. Центр – это источник движения, определяющий его характер. Периферия – это зона распространения движения в окружающей среде. Выделяют также полупериферийные зоны, занимающие промежуточное положение, – бывшие центральные, либо близко расположенные к центру.

Так, в европейском Средневековье король в качестве верховного главы феодальной иерархии был центром притяжения вассалов, так как только король был в состоянии защищать их от внешнего врага и друг от друга. И в тоже время действовали силы отталкивания от центра, так как вассалы по отношению к королю находились в состоянии непрерывного мятежа из-за того, что «ленные отношения во всех странах образовывали клубок прав и обязанностей, пожалованных, отнятых, снова возобновленных, отобранных за проступки, измененных или как-либо иначе обусловленных, – клубок, который невозможно было распутать»[1363]. А поскольку основным феодальным отношением является отдача земли в ленное владение за определенную личную службу и повинности[1364], то на периферии этого порядка были мелкие крестьяне, владевшие своим участком земли на правах лена[1365].

Центр отличается высокой интенсивностью движения. По оценке Ф. Энгельса, колоссальная централизация людей в Лондон умножила «силы этих двух с половиной миллионов людей в сотню

[1359] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 99.
[1360] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 82.
[1361] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 404.
[1362] Там же.
[1363] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 411.
[1364] Там же.
[1365] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1980. Т. 48. С. 57.

раз»[1366]. Именно поэтому центр является точкой уязвимости. Занятие неприятелем центра в густонаселенных и более или менее централизованных государствах означает прекращение национального сопротивления. Так, падение Парижа ведет к падению всей Франции[1367].

Но в ряде редко заселенных стран – например, в рабовладельческих штатах США или в России – такой центр тяготения, с потерей которого был бы сломлено сопротивления, отсутствует. И, возможно, они «не могут быть завоеваны без занятия каждой деревни и каждого местечка, – одним словом, без занятия всей периферии»[1368]. Точнее же, Россия фактически неуязвима и «почти абсолютно недоступна для завоевания вследствие бездорожья, протяженности территории и бедности ресурсов»[1369].

А Петербург – эксцентрический центр Российской империи, для которого периферию еще нужно создать[1370]. Цивилизация в Германии также существовала лишь местами: «Ни один город не мог сделаться промышленным и торговым центром всей страны, каким для Англии был, например, уже Лондон»[1371].

Центры исторического развития смещаются. Рабовладельческие общества подрывают себя и поглощаются другими, более сильными обществами (Греция была покорена Македонией, а последняя – Римом). В результате «происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на более высокой ступени, пока наконец (Рим) не происходит завоевание таким народом, который вместо рабства вводит новый способ производства»[1372].

В Средние века средоточием мировых сношений была Италия (Венеция, Генуя). Добыча золота и серебра в Германии (а также в Венгрии), сравнительно высокое развитие цехового ремесла и посреднической торговли поставили Германию в 1470–1530 годах

[1366] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 263.
[1367] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 266.
[1368] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 15. С. 506.
[1369] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 16.
[1370] Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века / https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/diplomat_history.
[1371] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 347.
[1372] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 643.

«во главе Европы и тем самым сделавшим ее центром первой буржуазной революции в религиозном облачении так называемой Реформации»[1373].

На Балканах, где были сильны традиции транзитной торговли, центром консолидации южных славян стала располагавшая национальной историей и литературой Сербия: «Христиане в Болгарии, Фракии, Македонии и Боснии смотрят на Сербию как на центр, вокруг которого они все должны объединиться в будущей борьбе за независимость и национальное существование»[1374]. Необходимость противостоять Турции вынудила Сербию «заимствовать у Западной Европы свои политические учреждения, свои школы, свою науку, свою промышленную организацию»[1375], несмотря на родственную близость и общность религии русских и турецких славян.

В Новое время благодаря мануфактуре средоточие мировых сношений сместилось во Фландрию, затем в Голландию и в Англию[1376]. Со сдвигом центра мировой промышленности в Соединенные Штаты высшие классы Англии «могут все же еще долгое время оставаться банкирами и ростовщиками мира, подобно тому как это было до них с венецианцами и голландцами в период их упадка»[1377].

Смещение центра – признак жизненности исторического движения. Именно так оценивал Ф. Энгельс динамику рабочего движения в Италии: «Тем не менее, движение идет вперед, и лучшим признаком его жизненности является то, что центр тяжести его перемещается из почтенных, но полумертвых городов Романьи в оживленные промышленные и фабричные города севера…»[1378]. Оживленная экономическая жизнь позволяет возобновлять деятельность рабочих клубов, профессиональных союзов, органов пролетарской печати, преследуемых правительством.

[1373] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 229.
[1374] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 34.
[1375] Там же.
[1376] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 233.
[1377] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 272–273.
[1378] Там же. С. 134.

В результате войны франко-германской войны 1870 года центр тяжести европейского рабочего движения переместился из Франции в Германию[1379]. По наблюдениям Ф. Энгельса эта роль центра проявлялась в «единстве цели, отличной организации, энтузиазме, неистощимом юморе, вытекающем из уверенности в победе»[1380], в равномерном росте «с непреодолимой естественной силой»[1381]. Это контрастировало с рассеянностью и разобщенностью рабочих Англии, мелочными ссорами и перебранками, приливами и отливами в рабочем движении Франции, Италии, Америки. Но центральная роль немецких рабочих возлагала на них новую ответственность и более высокие обязанности, требующие с их стороны дополнительных усилий[1382].

В 1902 году К. Каутский зафиксировал дальнейшее передвижение центра тяжести революционного движения с Запада на Восток: «В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций, тогда как Англия на ближайшее будущее вышла из ряда их <…> События, последовавшие за франко-прусской войной, перенесли центр тяжести социализма, а вместе с тем и революционного движения в Европе из Франции в Германию. Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию»[1383]. После революции 1905 года в России началось пробуждение Азии – революционно-демократические брожения, движения и революции в Турции, Персии, Китае, в английской и голландской Индиях[1384].

[1379] Там же. С. 129.

[1380] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 90.

[1381] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 213.

[1382] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 129.

[1383] *Каутский К.* Путь к власти: Политические очерки о врастании в революцию; Славяне и революция. М., 1959. С. 138.

[1384] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1973. Т. 23. С. 145–146.

Глава 16. ПЕРЕНОС ИСТОРИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

16.1. Неравномерность исторического развития

В научном естествознании предполагается, как писал Ф. Энгельс, что «движение является результатом перенесения, преобразования или продолжения какого-нибудь предшествующего движения»[1385]. Аналогично в истории, вследствие, например, колонизации или завоевания в «страну переносится в готовом виде развившаяся на другой почве форма общения»[1386].

Так, после норманнского завоевания Англия и Неаполь «получили наиболее законченную форму феодальной организации»[1387]. Наполеон перенес в форме войны режим революционного террора из Франции в Германию: «Французские революционные армии … проповедовали повсюду свободу и равенство. Они прогнали свору дворян, епископов и аббатов и всех тех мелких князей, которые в течение столь долгого времени играли в истории роль манекенов. Французские революционные армии расчищали почву так, как если бы они были переселенцами, продвигающимися в девственных лесах американского Дальнего Запада; допотопный лес «христианско-германского» общества исчезал при их победоносном появлении, подобно туману при восходе солнца»[1388].

Перенос движения возникает вследствие разницы потенциалов, которая формируется из-за неравномерности развития. Констатировалось, что «неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма»[1389]. Но закон неравномерности развития отдельных стран действует не только при капитализме, но и на всех этапах общественного развития, да и во всем мире. «В мире ничто не развивается абсолютно равномерно, и мы должны бороться против теории равномерности, или теории равновесия»[1390], – писал Мао Цзэ-дун.

1385 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 54.
1386 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 73.
1387 Там же.
1388 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 563.
1389 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 26. С. 354.
1390 *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. Пекин, 1967. Т. 1. С. 431.

Развитие отдельных групп общественных организмов протекает с разной скоростью. Некоторые «нации уходят вперёд»[1391], и застой превращается в регресс. Наряду с передовыми общественными организмами сохраняются консервативные и реликтовые группы, практически не изменившиеся в ходе развития. Так, народы Австро-Венгрии находились «на самых различных ступенях цивилизации, начиная с довольно высоко развитой (благодаря немцам) современной промышленности и культуры Богемии и кончая почти кочевым варварством хорватов и болгар»[1392].

Наряду с этим менее успешные, отстающие и периферийные и формы могут стать началом скачка на альтернативных направлениях развития.

По мнению Ф. Энгельса, первыми из массы варваров выделились пастушеские племена. Они производили больше, чем остальные племена, и имели молочные продукты, шерсть, пряжу, козий пух[1393], поступавшие в обмен с более отсталыми племенами, не имевшими стад[1394]. А в Новое время пастушеские племена Швейцарии «принадлежат к числу наименее цивилизованных слоев европейского населения»[1395], а Швейцария в целом – «старейшее и наиболее устойчивое обиталище реакционного варварства в Европе»[1396].

Цивилизация возникла в Малой Азии, «в тех районах, где пшеница произрастает в диком состоянии…»[1397]. Первые торговые народы «вели посредническую торговлю, основывались на варварском уровне производящих народов, среди которых они играли роль посредников»[1398].

В различных общественных организмах в наибольшей степени развиты те или иные стороны общественной жизни. Так, в раннем Средневековье рассадником учености в Европе была Ирландия[1399].

1391 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 550.
1392 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 182.
1393 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 160.
1394 Там же. С. 165.
1395 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 92.
1396 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1976. Т. 43. С. 84–85.
1397 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1981. Т. 50. С. 425.
1398 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1980. Т. 48. С. 356.
1399 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 515.

В XVIII веке Германия представляла христианско-спиритуалистическое начало (религию и церковь), Франция – античноматериалистическое начало (политику и государство), Англия – социальное начало[1400]. Для Англии была актуальна промышленная (и социальная) революция, для Франции – политическая революция, для Германии – философская революция[1401].

К. Маркс считал, что каждая нация развивает одну из сторон общественного прогресса: «Полагать, что каждый народ внутри самого себя проделывает это развитие, было бы столь же нелепо, как полагать, что каждому народу следовало бы проделать политическое развитие Франции или философское развитие Германии. То, что нации сделали как нации, они сделали для человеческого общества, только вся их ценность состоит в том, что каждая нация разработала для других наций одно из тех главных определений (главных аспектов), в рамках которых проделывает свое развитие человечество, и, таким образом, после того как были разработаны: промышленность в Англии, политика во Франции, философия в Германии, они разработаны для всего мира, и их всемирно-историческое значение, как и всемирно-историческое значение этих наций, тем самым завершилось»[1402].

Революция в гражданском праве наиболее успешной была во Франции. Наполеон «принес с собой в завоеванные страны свой кодекс законов, который был бесконечно выше всех существовавших кодексов и в принципе признавал равенство»[1403]. А мещанской Норвегии «удалось ввести у себя гораздо более демократическую конституцию, чем все существовавшие тогда в Европе»[1404].

Особым достоинством России является то, что она «считает, как известно, своим долгом ставить в подходящую минуту и в подходящем месте неотложные вопросы цивилизации в порядок дня мировой истории»[1405].

1400 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 600.
1401 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 256.
1402 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 245.
1403 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 564.
1404 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 351.
1405 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 15. С. 464.

Буржуазная революция осуществлялась по частям различными национальностями и была возможна только как всеобщая революция: «Немцы, христианско-спиритуалистический народ, пережили философскую революцию; французы, антично-материалистический, а потому – политический народ, должны были проделать революцию на политическом пути; англичане, национальность которых представляет собой смешение немецких и французских элементов, которые, следовательно, носят в себе обе стороны противоположности и оттого универсальнее, чем каждый из обоих этих факторов в отдельности, были поэтому вовлечены и в более универсальную, социальную революцию»[1406].

Капитализм также развивался неравномерно. «В Англии преобладает промышленность, во Франции – земледелие. В Англии промышленность нуждается в free trade [свободе торговли], во Франции – в покровительственных пошлинах, в национальной монополии наряду с другими монополиями»[1407], – писал К. Маркс, утверждая, что «крупнейшие французские фабриканты являются мелкими буржуа в сравнении со своими английскими соперниками»[1408]. Поэтому во Франции промышленная буржуазия необходимо примкнула к «наиболее ярым фанатикам партии порядка»[1409]. Ее задачу выполняет мелкий буржуа, а задачу последнего выполняет пролетариат.

Как следствие, задача французского пролетариата разрешается не во Франции: «Разрешение начнется лишь тогда, когда мировая война поставит пролетариат во главе нации, господствующей над мировым рынком, во главе Англии. Однако революция, находящая здесь не свой конец, а лишь свое организационное начало, не будет кратковременной революцией»[1410].

Полагая, что успешная пролетарская революция необходимо будет опосредствована мировой войной между нациями, К. Маркс прогнозировал 31 декабря 1948 года: «Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже

[1406] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 600.
[1407] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 80.
[1408] Там же.
[1409] Там же.
[1410] Там же.

всего европейского континента без Англии – только буря в стакане воды. Промышленные и торговые отношения внутри каждой нации зависят от ее сношений с другими нациями, они обусловлены ее отношением к мировому рынку. Но Англия господствует над мировым рынком, а буржуазия господствует над Англией. Таким образом, освобождение Европы – будь то завоевание угнетенными национальностями независимости, будь то низвержение феодального абсолютизма – обусловлено победоносным восстанием французского рабочего класса. Но всякий социальный переворот во Франции неизбежно будет сокрушен английской буржуазией, мировой промышленной и торговой гегемонией Великобритании. Всякое частичное социальное преобразование во Франции и вообще на европейском континенте, поскольку имеется в виду его доведение до конца, есть и останется пустым благим пожеланием. А старая Англия будет сокрушена лишь мировой войной, которая одна только может предоставить чартистской партии, организованной английской рабочей партии, условия для победоносного восстания против своих могущественных угнетателей. Только тогда, когда чартисты окажутся во главе английского правительства, социальная революция перейдет из области утопии в область действительности. Но всякая европейская война, в которой замешана Англия, есть мировая война. Она будет вестись в Канаде и Италии, в Ост-Индии и Пруссии, в Африке и на Дунае. И европейская война будет первым следствием победоносной рабочей революции во Франции. Как в эпоху Наполеона, Англия будет стоять во главе контрреволюционных армий, но в результате этой войны она сама будет брошена в революционное движение, станет во главе его и искупит свою вину перед революцией XVIII века. Революционное восстание французского рабочего класса, мировая война – таковы перспективы 1849 года»[1411]. В итоге не Англия позаимствует революцию у континента, а «Англия, когда пробьет ее час, сама продиктует революцию континенту»[1412].

Примечательно, что паровая машина состоялась в качестве интернационального изобретения: «Паровую машину изобрел француз Папен, но в Германии. Немец Лейбниц … подсказал ему при

[1411] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 159–160.
[1412] Там же. С. 83.

этом основную идею: применение цилиндра и поршня. Вскоре после этого англичане Севери и Ньюкомен изобрели подобные же машины; наконец, их земляк Уатт, введя отдельный конденсатор, придал паровой машине в принципе ее современный вид»[1413]. Добавим, что, если не считать столь интернациональной предыстории попыток разработки паровых турбин: а) Д. Папен работал над паровым котлом под руководством голландского механика Х. Гюйгенса; б) Д. Уатт был шотландец; в) дальнейшее значительное усовершенствование парового двигателя (применение на рабочем ходу пара высокого давления вместо вакуума) было сделано американцем О. Эвансом и англичанином Р. Тревитиком.

Победа европейского рабочего класса, по мнению Ф. Энгельса, может быть обеспечена «только совместными усилиями, по крайней мере, Англии, Франции и Германии»[1414]. При этом решающую роль будет играть Польша: «Любая западная революция, которой не удается увлечь за собой Польшу и обеспечить ей независимость и свободу, осуждена на поражение»[1415]. Польша рассматривалась в качестве пункта решающего значения, сдерживающего русский царизм. «Воистину Польша не похожа ни на какую иную страну. В революционном аспекте это краеугольный камень европейского здания: сумеет ли удержаться в Польше революция или реакция, – та или другая окончательно победит и во всей Европе»[1416], – констатировал Ф. Энгельс в 1876 году.

16.2. Внешнее основание развития общественного организма

Во внешних взаимодействиях общественные организмы, начиная с эпохи дуально-родового брака, опираются друг на друга, что обеспечивает их развитие. Приводя мнение Л.Г. Моргана о том, что браки между членами родов, не состоящих в кровном родстве, создавали более крепкую породу, Ф. Энгельс резюмировал: «Племена с родовой организацией должны были, таким образом, одержать верх над отставшими или своим примером увлечь их за собой»[1417].

[1413] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 431.
[1414] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 319–320.
[1415] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 35.
[1416] Там же. С. 36.
[1417] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 51.

В Древней Греции и Древнем Риме «вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя»[1418]. Варварам с плоскогорий Азии, занимавшимся скотоводством, охотой и войной, требовалось обширное пространство для каждого члена племени. И античные граждане и кочевники должны были оставаться немногочисленными. Избыточное население совершало «великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»[1419].

В младенческий период капиталистического способа производства базисом для него служило расширение внешней торговли[1420]. Так, с середины XV века европейская буржуазия с открытием внеевропейских земель «приобрела гораздо более обширную область для торговой деятельности и вместе с тем новый стимул для развития своей промышленности…»[1421].

При смещении центра мировой коммерции Англия все больше и больше оттесняется Соединенными Штатами Америки «на позиции Венеции, Генуи и Голландии, которые все вынуждены были давать свой капитал в ссуду под проценты, после того как было уничтожено их монопольное положение в торговле»[1422]. В результате «Генуя и Венеция способствовали возвышению Голландии, Голландия снабдила капиталом Англию…»[1423]. К середине XIX века английская буржуазия оказалась «в такой колоссальной степени перенасыщена капиталом, что вынуждена строить железные дороги в обеих частях света, вкладывать капиталы в газовое освещение Берлина, виноградники Бордо, русские фабрики и американские пароходы»[1424]. Как констатировал К. Маркс, английский централизованный капитал приобрел «центробежную силу, которая снова гонит его во все концы света»[1425].

[1418] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 567.
[1419] Там же. С. 568.
[1420] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 260.
[1421] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 111–112.
[1422] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1977. Т. 44. С. 182.
[1423] Там же.
[1424] Там же.
[1425] Там же. С. 183.

Прогрессивное развитие осуществлялось при прямой практической и духовной поддержке других стран. Ф. Энгельс напоминал: «Если Франция поддерживала американскую республику в борьбе за освобождение от английской тирании, то Англия двумя столетиями раньше освободила голландскую республику от испанского гнета»[1426]. Идеи, популяризованные французскими философами XVIII века, первоначально зародились в Англии[1427].

Пруссия создавалась и существует «на русской «подкладке»[1428]. Без России «господство юнкеров в Пруссии не продолжалось бы и одного дня»[1429]. Впрочем, кроме самодержавия на Востоке необходимой опорой порядка в Германии считался бонапартистский режим на Западе[1430].

Россия как ядро сохранявшегося до конца XIX века Священного союза выступала «главным оплотом, резервной позицией и вместе с тем резервной армией европейской реакции»[1431], так как обладала стратегической позицией, почти недоступной нападению[1432]. Роль России как последнего оплота общеевропейской реакции настолько значима, что мог наступить такой момент, когда реакционные правительства Европы охотно швырнули бы царизму «Константинополь, Босфор, Дарданеллы и все, что он только потребует, лишь бы он защитил их от революции»[1433].

В целом царизм в России удерживался не иначе, как беспрерывно делая займы у Западной Европы[1434].

Россия, как и Соединенные Штаты Америки, снабжала Европу сырьем и служила рынком для сбыта ее промышленных изделий. Кроме того, «эмиграция в Соединенные Штаты поглощала излишек сил европейского пролетариата»[1435]. Поэтому обе страны так

[1426] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 385.
[1427] Там же. С. 386.
[1428] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 34. С. 248.
[1429] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 324.
[1430] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 15. С. 232.
[1431] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 13.
[1432] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 4.
[1433] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 51.
[1434] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 189.
[1435] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 56.

или иначе являлись оплотом существовавшего тогда в Европе порядка[1436].

Балансируют с опорой на различные государства мелкие нейтральные государства. Например, «Швейцария живет наполовину милостью, наполовину соперничеством своих крупных соседей; каждый раз, когда эти соседи выступают в согласии между собой, она должна припрятать свои громкие республиканские фразы и подчиняться приказам»[1437]. Англия и России заинтересованы в «независимости и могуществе Дании, государства, живущего только грабежом мировой торговли в форме зундской пошлины…»[1438].

Небольшие независимые государства, окружающие Германию, даже при либеральной форме правления являются основными пунктами сосредоточения реакции: «Так, Бельгия, образцовое конституционное государство, была первой страной, устоявшей перед ударом февраля, первой страной, где было введено военное положение и вынесены смертные приговоры патриотам. Швейцария «избегала революционной бури далеко не почтенным образом, укрывшись за китайской стеной нейтралитета, пока революция была на подъеме, и выполняя роль раболепного орудия Священного союза против безоружных эмигрантов, когда реакция снова подняла голову во всей Европе»[1439]. Бессилие мелких государств вынуждает их полагаться на давно существующие, реакционные государства. Так, мелкие и средние немецкие государи выступали инициаторами объединения Германии под эгидой Австро-Венгрии или Пруссии[1440].

В отношении мелких государств Г.В.Ф. Гегель писал: «Существование и спокойствие небольших государств более или менее гарантированы другими государствами; поэтому они не являются в самом деле самостоятельными государствами, и им не приходится выдерживать испытания огнем на войне»[1441]. Из-за своего нейтралитета мелкие нейтральные государства (Бельгия, Греция,

---

[1436] Там же. С. 57.
[1437] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1975. Т. 45. С. 116.
[1438] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1977. Т. 44. С. 60–61.
[1439] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 435.
[1440] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1977. Т. 44. С. 61.
[1441] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 455.

Швейцария) часто оказываются в окружении конфликтов и становятся «козлами отпущения» или «мальчиками для битья»[1442]. Кроме того, такие страны – это «современные политические лаборатории, опытные поля, где производятся эксперименты, впоследствии применяемые в крупных государствах»[1443]. Бельгия – образцовая конституционная монархия, а Швейцария – идеал республики[1444]. Но демократические эксперименты внутри Швейцарии (например, введение права убежища для эмигрантов) осуществляются только под контролем заинтересованных соседних великих держав[1445].

Наиболее выигрышную позицию занимает общественный организм, опирающийся в своем развитии на множество других. Так, Англия посредством своей промышленности и торговли господствовала над всеми рынками и потому сравнительно мало зависела от торговли с разными странами[1446]. Благодаря этому Англия больше, чем какая-либо другая страна, развивалась своим собственным, самостоятельным путем[1447].

16.3. Эффект домино

Опора на другой общественный организм означает и зависимость существования от него. События в одной стране могут вызывать по цепочке перемены в зависимых странах. *Эффект домино* – цепная реакция, при которой изменение первого элемента цепи вызывает через относительно небольшое время изменения соседних элементов, которые затем вызывают изменения следующих.

Во время февральской революции 1848 года во Франции выражалась уверенность в том, что «нации, ближе всего соприкасающиеся с Францией, первыми последуют за ней по тому пути, на который она только что вступила»[1448]. Республиканская Франция могла снять накопившееся напряжение в международных отношениях или стать образцом для народов Европы: «Англия и Германия

[1442] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 90.
[1443] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 253.
[1444] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1976. Т. 43. С. 219.
[1445] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 83.
[1446] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 82.
[1447] Там же. С. 82–83.
[1448] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 527.

вновь протягивают руку вашей великой стране. Испания, Италия, Швейцария и Бельгия или воспрянут или воспользуются покоем и свободой под эгидой вашего союза. Польша, подобно Лазарю, воскреснет из мертвых в ответ на призыв, с которым вы обратитесь к ней на трех языках. Немыслимо, чтобы даже Россия не присоединила, наконец, к этому своего голоса, столь непривычного еще для уха западных и южных народов»[1449]. Революционные последствия толчка, данного парижскими рабочими, ожидались, прежде всего, в Германии[1450].

По итогам 1848 года констатировалось, что произошли восстания в Италии, Австро-Венгрии, Германии, Ирландии, Польше[1451]. А поражение рабочего класса во Франции означало «поражение средних классов во всех европейских странах, где средние классы, соединившись на момент с народом, ответили на крик галльского петуха кровавым восстанием против феодализма»[1452].

Первым элементом цепи могут быть небольшие государства. «Очень часто именно эти маленькие страны дают первый толчок движению, призванному потрясти всю Европу. Так, например, накануне февральской революции – война швейцарского Зондербунда. В данный момент мы переживаем, мне кажется, – писал Ф. Энгельс, – период прилива, период, который начался с завоевания избирательного права бельгийскими рабочими. Вслед за Бельгией в движение за избирательную реформу вступила Австрия; вслед за Австрией пролетариат в Германии недавно потребовал, чтобы всеобщее избирательное право было распространено с рейхстага и на парламенты германских государств»[1453].

Несколько ранее, в 1885 году, действия малых государств Ф. Энгельс рассматривал в перспективе угрозы европейской (и мировой) войны: «Эти жалкие осколки былых наций – сербы, болгары, греки и прочий разбойничий сброд, которым в интересах России восторгаются либеральные филистеры, – готовы сжить друг друга со света и вот-вот перегрызут друг другу жадные глотки. Это было бы

[1449] Там же. С. 537.
[1450] Там же. С. 501.
[1451] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 159.
[1452] Там же.
[1453] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 253.

чудесно, и филистеры со своей восторженной болтовней о национальностях получили бы поделом, если бы только от каждой из этих мелких народностей не зависели война и мир в Европе»[1454]. Впрочем, война, на его взгляд, могла бы вызвать революцию в Париже, что впоследствии дало бы косвенным образом сильный толчок движению в остальной Европе…»[1455].

Англия казалась наиболее уязвимой со стороны Ирландии. Предполагалось, что вследствие национально-освободительной и социальной революции в Ирландии английский лендлордизм рухнет не только в Ирландии, но и в Англии[1456].

Во второй половине XIX века ключевой страной европейского процесса стала считаться Россия: «В тот день, когда падет царская власть, этот последний оплот общеевропейской реакции, – в этот день во всей Европе подует совсем другой ветер»[1457]. Революция в России необходимо привела бы к падению бисмарковского режима и способствовала бы созреванию революции в Германии[1458]. И далее: «…Как только падет деспотизм Петербурга, не будет в Европе и Австро-Венгрии»[1459].

Этот масштабный процесс Ф. Энгельс описывал следующим образом: «Ниспровергнуть царизм, уничтожить этот кошмар, тяготеющий над всей Европой, – вот, на мой взгляд, первое условие освобождения национальностей в центре и на востоке Европы. Раз царизм будет раздавлен, вслед за ним погибнет, рухнет, лишившись его сильнейшей поддержки, злосчастная держава, представляемая ныне Бисмарком. Австрия распадется на части, так как будет утрачен единственный смысл ее существования: быть помехой самим фактом своего существования воинствующему царизму в его стремлении поглотить разрозненные народности Карпат и Балкан; Польша возродится; Малороссия свободно выберет свою политическую позицию; румыны, мадьяры, южные славяне смогут сами урегулировать между собой свои отношения и, освободившись от

[1454] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 329.
[1455] Там же. С. 330.
[1456] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 405–406.
[1457] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 51.
[1458] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 324.
[1459] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 5.

всякого иностранного вмешательства, установить свои новые границы; наконец, благородная великорусская нация будет стремиться уже не к завоевательным химерам на пользу царизма, а выполнит свою подлинно цивилизаторскую миссию по отношению к Азии и в сотрудничестве с Западом разовьет свои обширные интеллектуальные силы, вместо того чтобы губить на виселицах и на каторге лучших своих людей»[1460].

16.4. Историческое развитие: методическое и ускоренное

Историческое развитие Англии производило впечатление независимого и самостоятельного, но медленного и основательного – «это своеобразное методическое развитие»[1461]. Но в нем, по оценке Ф. Энгельса, «гораздо больше революционного содержания, чем во всех этих преходящих потрясениях на континенте, вместе взятых»[1462]. Когда Великая французская революция потерпела крушение, Англия революционизировала общество посредством паровой машины. Это «постоянное революционизирование английского общества крупной промышленностью спокойно продолжаются, независимо от того, побеждает ли в данный момент на континенте революция или контрреволюция, и это развитие совершается, хотя и медленно, но зато верно и без малейшего попятного движения»[1463]. Таково действие гегелевского хитроумного духа, старого «крота истории», который славно роет.

Методическое развитие – это классическое, последовательное развитие, в котором не перескакиваются естественные фазы развития. Например, во Франции в XVIII веке и в Германии в XIX веке «философская революция предшествовала политическому перевороту»[1464].

Но в целом в «путаной Германии» нет «такой классической ясности развития, как во Франции»[1465]. При изучении немецкой истории Ф. Энгельс ориентировался на сравнение с соответствующими периодами истории Франции и находил в них правильный масштаб, ибо во Франции происходило противоположное тому, что в

[1460] Там же. С. 4–5.
[1461] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 219.
[1462] Там же. С. 220.
[1463] Там же.
[1464] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 273.
[1465] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 140.

Германии: «Там – образование национального государства из disjectis membris [разрозненных частей] феодального государства, у нас в это же время – самый глубокий упадок. Там – редкостная объективная логика во всем ходе процесса, у нас – дикий, все усиливающийся сумбур. Там – в период Средневековья английский завоеватель, вмешиваясь в пользу провансальской народности против северофранцузской, является представителем чужеземного вторжения. Войны с англичанами представляют собой своего рода Тридцатилетнюю войну, которая, однако, оканчивается там изгнанием вторгшихся иностранцев и подчинением Юга Северу. Затем следует борьба центральной власти против опирающегося на свои иностранные владения бургундского вассала, роль которого соответствует роли Бранденбурга – Пруссии, но эта борьба оканчивается победой центральной власти и завершает образование национального государства. У нас же как раз в этот момент национальное государство разваливается окончательно (если только «немецкое королевство» в пределах Священной римской империи можно назвать национальным государством) и начинается, в больших масштабах, разграбление немецких земель»[1466].

Несмотря на отсталость Германия имела историческую возможность ускоренного развития: «Во-первых, немцы больше других освободились от всякой религиозной чепухи, во-вторых, им не пришлось проходить через стадию длительного буржуазного движения…»[1467]. Французское общество в периоды революций усваивало по сокращенному способу уроки и опыт, которыми должно было овладеть ранее «при правильном, так сказать методическом, ходе развития»[1468]. Различные классы французского общества периоды своего развития, ранее исчислявшиеся полустолетиями, во время революции 1848 года – «в этом вихре движения, в этом мучительном и беспокойном ходе истории, в этом драматическом приливе и отливе революционных страстей, надежд и разочарований»[1469], – исчисляли данные периоды неделями. По словам К. Маркса, «революции – локомотивы истории»[1470].

[1466] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 85–86.
[1467] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 550.
[1468] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 122.
[1469] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 60.
[1470] Там же. С. 86.

Отмечался эффект уплотнения исторического времени, свершения большего количества событий в эпоху революции. «Резюмируем: организаторское творчество народа, особенно пролетариата, а затем и крестьянства, проявляется в периоды революционных вихрей в миллионы раз сильнее, богаче, продуктивнее, чем в периоды так называемого спокойного (гужевого) исторического прогресса»[1471], – писал В.И. Ленин.

Ощущение ускорения общественного развития иногда настолько явственно, что позволяло даже формулировать соответствующие законы. Со времени публикации Николаем Коперником своего открытия развитие наук пошло гигантскими шагами и усиливалось «пропорционально квадрату расстояния (во времени) от своего исходного пункта»[1472]. Это словно доказывало, что «для человеческого духа, имеет силу закон движения, обратный закону движения неорганической материи»[1473].

Формулировался аналогичный закон ускорения развития организмов – пропорционально квадрату расстояния во времени от исходного пункта. «Чем выше, тем быстрее идет дело»[1474], – говорил Ф. Энгельс об органических формах, соответствующих различным геологическим периодам. Соответственно, отмечался эффект сжатия исторического времени: «Прежде чем первый кремень при помощи человеческой руки был превращен в нож, должен был, вероятно, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным»[1475]. Конспектируя труд Л.Г. Моргана, К. Маркс записал: «Период дикости и низшая ступень периода варварства – эти два этнических периода охватывают, по крайней мере, четыре пятых всей жизни человечества на земле»[1476].

Исходя из закона ускорения, делались исторические прогнозы: «События в наше время следуют одно за другим с поразительной быстротой, и то, для чего прежде нации требовалось целое столетие, в настоящее время легко совершается в несколько лет. Старая Империя продержалась четырнадцать лет; императорскому орлу

[1471] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1968. Т. 12. С. 335.
[1472] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 347.
[1473] Там же.
[1474] Там же. С. 620.
[1475] Там же. С. 487.
[1476] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1975. Т. 45. С. 261.

чрезвычайно повезет, если это возрожденное в самом жалком виде произведение искусства продержится столько же месяцев»[1477]. Но вопреки данному прогнозу Вторая империя просуществовала дольше – девятнадцать лет.

Впрочем, эффект ускорения наблюдался и во время Второй империи. Констатировалось, что в правление Луи-Наполеона «роковая необходимость, благодаря которой он удерживает власть, будет тревожить его через все более и более короткие промежутки времени»[1478]. Экономическая неоправданность военных акций вынуждала Наполеона III «совершить следующий шаг быстрее, чем предыдущий»[1479]. В связи с этим прогнозировалась война Франции с Англией.

Ошибочность ряда предсказаний, в том числе предсказания в 1844 году близости социалистической революции в Англии, Ф. Энгельс объяснял юношеской горячностью[1480]. Он признавал, что капитализм в Англии находился тогда в юношеском возрасте[1481]. И этого юношеского возраста к концу XIX века почти достиг капитализм Франции, Германии и особенно Америки[1482]. Понятно, что данные оценки возраста буржуазной формации могут быть уточнены с учетом его зарождения в XV веке[1483] и периода внутриутробного развития в недрах феодализма. Так, во Франции буржуазное общество оказалось в колыбели только в 1789 году[1484]. Очевидно, что в наиболее развитых странах мира переворот в надстройке над капиталистическим способом производства (т. е. его полная эмансипация) завершился только во второй половине XX века.

Развитие капитализма во всех странах ускорялось введением протекционистских пошлин, государственных субсидий. Для национальной промышленности создавалась тепличная атмосфера, что убыстряло в несколько раз процесс, который в противном случае

[1477] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 237.
[1478] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 469.
[1479] Там же.
[1480] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 277.
[1481] Там же.
[1482] Там же. С. 330.
[1483] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 166.
[1484] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 89.

мог бы носить более затяжной характер[1485]. Тепличная атмосфера втискивает в какие-нибудь двадцать лет процесс индустриализации, который при других условиях занял бы шестьдесят лет или более[1486]. При такой модели другие страны использовались как источники инвестиций и технологических нововведений, а также в качестве рынков сбыта товаров по ценам ниже издержек их производства.

По-видимому, как и в технике, перенос исторического движения совершается только тогда, когда налицо все очень многообразные и сложные различные условия: «Если не хватает одного условия, то переноса движения не происходит, пока это условие не осуществится»[1487]. Это доказывают лежащие в Ниле паровые плуги и бесполезно стоящие в сараях молотилки и другие орудия[1488].

А. Лабриола доказывал, что «народы отсталые или задержанные в их поступательном движении могут осуществить и ускорить процесс своего развития под влиянием внешних причин»[1489]. Например, Япония, «охваченная бурным и самопроизвольным порывом подражания, проходит меньше чем в тридцать лет через относительно значительный процесс ассимиляции европейской культуры, который заставляет уже нормально работать собственную энергию этой страны»[1490].

Предполагалось, что основным механизмом ускоренного (сокращенного) развития отсталых стран может стать опора на передовые страны. Страны находящиеся на докапиталистической ступени развития, могли встать на путь сокращенного процесса развития, используя остатки общинно-родовых порядков и активную поддержку победившего пролетариата западноевропейских народов[1491].

[1485] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 398.
[1486] Там же.
[1487] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 598.
[1488] Там же. С. 564.
[1489] *Лабриола А.* Исторический материализм: Очерки материалистического понимания истории. М., 2010. С. 78.
[1490] Там же. С. 78–79.
[1491] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 446.

Заключение

Маркс открыл истории законы,
пролетариат поставил у руля.
В.В. Маяковский

По словам Ф. Энгельса, колесница истории «безжалостно катится по развалинам империй, без малейшего сострадания сокрушая целые поколения»[1492]. Поэтому следует научиться «воздавать должное вечным переменам в человеческих судьбах, в которых нет ничего постоянного, кроме самого непостоянства, ничего неизменного, кроме самого изменения…»[1493]. «Таким образом, дорогой друг, что бы там ни было, а мир находится в движении»[1494], – успокаивал в письме своего корреспондента К. Маркс.

Основоположники исторического материализма упоминают в своих работах ряд законов истории, которые представляют собой эмпирически фиксируемые тенденции, направляющие зависимости, наблюдаемые эффекты:

– «варвары-завоеватели сами оказывались завоеванными более высокой цивилизацией покоренных ими народов»[1495];

– «закон разделения труда»[1496];

– «люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, – а не наоборот, как это делалось до сих пор»[1497];

– «всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или

[1492] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 33.
[1493] Там же.
[1494] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1981. Т. 50. С. 451.
[1495] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 225.
[1496] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 226.
[1497] Там же. С. 350–351.

менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обусловливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена» [1498];

– «без антагонизма нет прогресса»[1499];

– «материальная возможность последующей формы [производства] – как технологические условия, так и соответствующая им экономическая структура предприятия – создается в рамках предшествующей формы»[1500];

– «придется испытать последствия своих собственных поступков»[1501];

– «чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, – для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели… За этим избытком революционной активности с необходимостью последовала неизбежная реакция, зашедшая в свою очередь дальше того пункта, за которым она сама уже не могла продержаться»[1502].

По-видимому, можно сформулировать много подобных законов истории. Оцениваться и применяться они могут по-разному.

Например, необходимо разделять труд, не забывая, о кооперации и перемене труда.

Неудовлетворенным существующей формой общества необходимо в ее рамках максимально развивать производительные силы, создавая материальные возможности последующей общественной формы.

Занимаясь борьбой, необходимо контролировать, ведет ли она к прогрессу, к изобретениям и к их внедрению.

[1498] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 259.
[1499] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 96.
[1500] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1973. Т. 47. С. 281.
[1501] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 140.
[1502] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 308–309.

Тактика энергичных «перегибов», которую не раз применял В.И. Ленин[1503], есть жизненный принцип буржуазии, торгующейся в стихийном конкурентном обществе. Ф. Энгельс так характеризовал немецких коммерсантов: «Они воспитывались на торговле и для торговли, умели торговать и сторговываться. Они знали, что нужно побольше запрашивать, но и с готовностью идти на уступки»[1504]. Но такая тактика пагубна для индустриального рабочего, труд которого опирается на точный инженерный расчет: «Часто малейшая неточность в измерениях и расчетах, малейшая ошибка в вычислениях может иметь роковые последствия и для успеха данного производственного процесса (как, например, ничтожная неправильность в промерах при изыскании относительно железнодорожного пути иногда обходится в миллионы при самой постройке дороги), и нередко даже для здоровья н жизни работников»[1505].

Один из уроков исторического материализма заключается в понимании того, что идейные образования – от базового опыта до мыслительных конструкций – объясняются из конкретной общественной практики. Поэтому надо учиться прослеживать до далеких практических истоков генезис перцептивных схем, доктрин и идеологий. Впрочем, даже применительно к историческому материализму эта задача всерьез не решалась[1506].

Аппеляции к пролетариату не очень убедительны, так как массовое сознание фабричных рабочих основательно не изучалось. В связи с этим возникает вопросы и в отношении ряда выводов исторического материализма.

Не представляется достаточно обоснованным предположение о рабочем классе как гегемоне общественной формации, следующей за капитализмом. На фоне констатаций младенческого воз-

---

[1503] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 7. С. 272; М., 1970. Т. 45. С. 371.

[1504] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 425.

[1505] *Богданов А.* Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. СПб., 1909. С. 41.

[1506] В 1892 году Ф. Энгельс так определял свой классовый статус: «…Но нам, несчастным рантье, приходится истекать кровью…» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 236).

раста и в лучшем случае – юности капитализма в наиболее развитых странах – с недоверием воспринимаются прогнозы о его близком конце. Социалистическая перспектива обнадеживает, но нуждается в корректировке в связи с известными фактами, свидетельствующими о социализме как явлении предыстории человечества (например, в форме «государственного социализма»). Возможно, с коммунизма начнется подлинная история человечества, но коммунизм – еще не последняя общественная формация. С учетом столь отдаленных перспектив (капитализм пока не исчерпал свою историческую миссию) благоприятна неспешность.

Исторический материализм в представленной реконструкции является жизнеутверждающим воззрением и содержит множество полезных для обществоведов идей. Ранее тиски партийной дисциплины не позволяли даже просто ознакомиться со всем классическим наследием, а тем более его освоить и подготовить столь же содержательные работы.

Замечая за германскими социал-демократами пруссачество, Ф. Энгельс внушал: «Вам, партии, нужна социалистическая наука, а она не может существовать без свободы развития. Тут уж приходится мириться со всякими неприятностями, и лучше всего делать это с достоинством, без нервозности. Даже легкая размолвка, не говоря уж о разрыве, между немецкой партией и немецкой социалистической наукой была бы ни с чем не сравнимым несчастьем и позором»[1507]. В настоящее время исследовательская ситуация несколько нормализовалась.

Марксизм перестал восприниматься как «философский камень»[1508], решающий все общественные проблемы. Собственно марксова проблема сформулирована в «Размышлениях юноши при выборе профессии» – в этом первоистоке исторического материализма. И в условиях свободы выбора и перемены профессий она приобретает все большую актуальность.

[1507] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 38. С. 77.

[1508] *Тюгашев Е.А.* Марксизм в диалоге культур // Вопросы культурологии. 2007. №11.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Маркс К. Размышления юноши при выборе профессии [1509]

Животному сама природа определила круг действий, в котором оно должно двигаться, и оно спокойно его завершает, не стремясь выйти за его пределы, не подозревая даже о существовании какого-либо другого круга. Так же и человеку божество указало общую цель – облагородить человечество и самого себя, но оно предоставило ему самому изыскание тех средств, которыми он может достигнуть этой цели; оно предоставило человеку занять в обществе то положение, которое ему наиболее соответствует и которое даст ему наилучшую возможность возвысить себя и общество.

Возможность такого выбора является огромным преимуществом человека перед другими существами мира, но вместе с тем выбор этот является таким действием, которое может уничтожить всю жизнь человека, расстроить все его планы и сделать его несчастным. серьезно взвесить этот выбор – такова, следовательно, первая обязанность юноши, начинающего свой жизненный путь и не желающего предоставить случаю самые важные свои дела.

У каждого есть перед глазами определенная цель, – такая цель, которая, по крайней море ему самому, кажется великой и которая в действительности такова, если ее признает великой самое глубокое убеждение, проникновеннейший голос сердца, ибо божество никогда не оставляет смертного совершенно без руководителя; голос этот говорит тихо, но уверенно.

Но это – легко заглушаемый голос, и то, что мы считали воодушевлением, порождено, быть может, мгновением, – и точно так же возможно, что мгновение вновь уничтожит его. Наше воображение, быть может, воспламеняемо, наши чувства возбуждены, призраки носятся перед нашими глазами, и мы страстно увлечены той целью, которую, мнится нам, само божество нам указало; но то, что мы с жаром прижимали к сердцу, скоро отталкивает нас, – и вот все наше существование разрушено.

Мы должны поэтому серьезно взвесить, действительно ли нас воодушевляет избранная профессия, одобряет ли ее наш внутренний

[1509] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1975. Т. 40. С. 3–7.

голос, не было ли наше воодушевление заблуждением, не было ли то, что мы считали призывом божества, самообманом. Но сможем ли мы это узнать, не обнаружив самый источник воодушевления?

Великое окружено блеском, блеск возбуждает тщеславие, а тщеславие легко может вызвать воодушевление или то, что показалось нам воодушевлением; но того, кого увлек демон честолюбия, разум уже не в силах сдержать, и он бросается туда, куда его влечет непреодолимая сила: он уже больше не выбирает сам своего места в обществе, а это за него решают случай и иллюзия.

Нашим призванием вовсе не является такое общественное положение, при котором мы имеем наибольшую возможность блистать: подобное положение не таково, чтобы, занимая его, быть может, в течение долгого ряда лет, мы ни разу не почувствовали бы усталости, наше рвение никогда бы не иссякло, наше воодушевление никогда бы не остыло. Наоборот, вскоре мы почувствуем, что наши желания не удовлетворены, что наши идеи не осуществились, мы станем роптать на божество, проклинать человечество.

Но не одно только тщеславие может вызвать внезапное воодушевление той или иной профессией. Мы, быть может, разукрасили эту профессию в своей фантазии, – разукрасили ее так, что она превратилась в самое высшее благо, какое только в состоянии дать жизнь. Мы не подвергли эту профессию мысленному расчленению, не взвесили всей ее тяжести, той великой ответственности, которую она возлагает на нас; мы рассматривали ее только издалека, а даль обманчива.

В этом случае наш собственный разум не может служить нам советником, ибо он не опирается ни на опыт, ни на глубокое наблюдение, будучи обманут чувствами, ослеплен фантазией. Но куда же нам обратить свои взоры, кто поддержит нас там, где наш разум покидает нас?

Родители, которые уже прошли большой жизненный путь, которые испытали уже суровость судьбы, – подсказывает нам наше сердце.

И если наше воодушевление сохраняет еще свою силу, если мы продолжаем еще любить избранную профессию, чувствовать призвание к ней и после того, как хладнокровно обсудили ее, увидели всю ее тяжесть, все ее трудности, – тогда мы должны избрать ее, тогда не обманет нас воодушевление, не увлечет поспешность.

Но мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие.

Уже наша физическая природа часто противостоит нам угрожающим образом, а ее правами никто не смеет пренебрегать.

В наших силах, правда, стать выше ее, но тем быстрее произойдет тогда наше падение; мы решаемся в таком случае строить здание на рыхлой основе, и вся наша жизнь превращается в злосчастную борьбу между духовным и телесным принципом. Но как может тот, кто не в состоянии победить в самом себе борющиеся элементы, противостоять неудержимому натиску жизни, как может он спокойно действовать? А ведь только из спокойствия могут возникнуть великие и прекрасные дела; оно – та почва, на которой только и произрастают зрелые плоды.

Но несмотря на то, что при таком физическом состоянии, которое не соответствует нашей профессии, мы не в состоянии работать долго и редко работаем с радостью, все же мысль, что мы свое благополучие принесли в жертву долгу, толкает нас на то, чтобы действовать энергично, хотя и со слабыми силами. Если же мы избрали профессию, для которой у нас нет необходимых способностей, то мы никогда не исполним ее достойным образом и вскоре с чувством стыда должны будем убедиться в своей собственной неспособности и сказать себе, что мы – бесполезные существа на свете, что мы являемся такими членами общества, которые не могут осуществить свое призвание. Самым естественным результатом будет тогда презрение к самому себе; а есть ли чувство более мучительное есть ли чувство, которое еще меньше, чем это, может быть возмещено дарами внешнего мира? Презрение к самому себе – это змея, которая вечно растравляет и гложет сердце, высасывает его животворящую кровь, вливает в нее яд человеконенавистничества и отчаяния.

Заблуждение относительно наших способностей к определенной профессии, которую мы подвергли подобному рассмотрению, – это ошибка, которая мстит за себя, и если даже он, не встречает порицания со стороны внешнего мира, то причиняет нам более страшные муки, чем те, какие в состоянии вызвать внешний мир.

Если мы все это взвесили и если условия нашей жизни позволяют нам избрать любую профессию, тогда мы можем выбрать ту,

которая придает нам наибольшее достоинство, выбрать профессию, основанную на идеях, в истинности которых мы совершенно уверены. Мы можем выбрать профессию, открывающую наиболее широкое поприще для деятельности во имя человечества и для нашего приближения к той общей цели, по отношению к которой всякая профессия является только средством, – для приближения к совершенству.

Достоинство есть именно то, что больше всего возвышает человека, что придает его деятельности, всем его стремлениям высшее благородство, что позволяет ему несокрушимо возвышаться над толпой, вызывая ее изумление.

Но достоинство может придать лишь та профессия, в которой мы не являемся рабскими орудиями, а самостоятельно творим в своем кругу; та профессия, которая не требует предосудительных действий – предосудительных хотя бы только по внешнему виду – и за которую даже самый лучший может приняться с благородной гордостью. Профессия, обладающая всем этим в наибольшей степени, не всегда является самой высокой, но всегда самой предпочтительной.

Но подобно тому как нас унижает профессия, не соответствующая нашему достоинству, точно так же изнемогаем мы под тяжестью профессии, основанной на идеях, которые впоследствии будут нами признаны ложными.

Тут мы не видим другого спасения, кроме самообмана, а спасение, которое строится на самообмане, – это спасение, полное отчаяния.

Те профессии, которые не столько вторгаются в самую жизнь, сколько занимаются абстрактными истинами, наиболее опасны для юноши, у которого еще нет твердых принципов, прочных и непоколебимых убеждений. Вместе с тем эти профессии кажутся нам самыми возвышенными, если они пустили в нашем сердце глубокие корни, если идеям, господствующим в них, мы готовы принести в жертву нашу жизнь и все наши стремления.

Они могут осчастливить того, кто имеет к ним призвание, но они обрекают на гибель того, кто принялся за них поспешно, необдуманно, поддавшись моменту.

Наоборот, высокое мнение об идеях, на которых основана наша профессия, придает нам более высокое положение в обществе, повышает наше собственное достоинство, делает наши действия непоколебимыми.

Тот, кто избрал профессию, которую он высоко ценит, содрогнется при мысли, что может стать недостойным ее, – он будет поступать благородно уже потому, что благородным является положение, занимаемое им в обществе.

Но главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой; человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага.

Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком.

История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей; сама религия учит нас тому, что тот идеал, к которому все стремятся, принес себя в жертву ради человечества, – а кто осмелится отрицать подобные поучения?

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это – жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей.

Приложение 2

Лукач Д. Изменение функций исторического материализма. Доклад, сделанный при открытии исследовательского института исторического материализма в Будапеште [1510]

Победа, одержанная пролетариатом, ставит теперь перед ним очевидную задачу – максимально усовершенствовать то духовное оружие, благодаря которому он смог до сих пор выстоять в своей классовой борьбе. И первое место среди этого оружия занимает, конечно, исторический материализм.

Исторический материализм служил пролетариату в период его угнетения в качестве одного из самых мощных боевых средств, и естественно, что пролетариат забирает его с собой в эпоху, когда он собирается заново выстроить общество и его культуру. Уже поэтому только нужно было создать данный институт, задачей которого является применение метода исторического материализма к исторической науке в целом. По отношению к прежнему состоянию пролетарской классовой борьбы исторический материализм означал хотя и превосходное (с научной точки зрения) боевое средство, но все же не более чем только программу, лишь руководство по написанию истории. Ныне же нам выпала задача действительно заново писать историю, отбирая, группируя и обсуждая события прошлого с точки зрения исторического материализма. Теперь мы должны попытаться сделать исторический материализм методом конкретного научного исследования, методом исторической науки.

Здесь, однако, возникает вопрос: а почему это стало возможным только сейчас? При поверхностном рассмотрении дела кажется, что время совершенствования исторического материализма наступило именно сейчас только потому, что пролетариат, наконец, пришел к власти. А вместе с властью он обрел возможность распоряжаться теми духовными и физическими силами, без которых указанное совершенствование не могло бы осуществиться, и которые пролетариат никогда бы не смог получить в подчинение от старого общества. Но в основе этого требования лежат и более глубокие мотивы, чем только голый факт власти, ставящий пролетариат

[1510] Лукач Д. История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты). М., 2017. С. 303–334.

ныне в положение, позволяющее организовать науку по его собственному усмотрению. Эти более глубокие мотивы самым тесным образом связаны с радикальным изменением функций исторического материализма. Такое изменение наступило вместе с диктатурой пролетариата, то есть в силу того факта, что классовая борьба ведется теперь пролетариатом сверху вниз, а не снизу вверх, как раньше, и охватывает все его организационные формы, весь мир его мыслей и чувств, его классовое положение и его классовое сознание. Эти мотивы мы должны сегодня непременно обсудить как раз в связи с открытием нашего исследовательского института.

Чем был раньше исторический материализм? Он был, несомненно, научным методом для постижения явлений прошлого в их истинной сущности. Причем в противоположность к историческому методу буржуазии он одновременно дает нам возможность рассматривать и современность под углом зрения истории, т. е. научно, усматривая в ней не только поверхностные явления, но и те более глубокие движущие силы, которые действительно стоят за историческими событиями.

Благодаря этому исторический материализм был для пролетариата гораздо более ценным средством, чем только методом научного исследования.

Среди орудий классовой борьбы пролетариата он был самым важным. Ведь классовая борьба пролетариата означала одновременно пробуждение его классового сознания. А пробуждение этого сознания наступило для пролетариата повсеместно как результат познания им своего истинного положения, фактически существующих исторических взаимосвязей. Это есть именно то, что придает классовой борьбе пролетариата особый статус среди борьбы всех других классов общества: пролетариат получает свое наиболее острое оружие из лона истинной науки, ясного понимания действительности. Если в ходе классовых сражений прошлого крайне важными были разного рода идеологии, религиозные, моральные и другие формы «ложного сознания», то классовая борьба пролетариата, будучи освободительной войной последнего угнетенного класса, напротив, в самой обнаженной истине обрела свой боевой клич и вместе с ним свое мощнейшее оружие. Таким образом, исторический материализм, вскрыв истинные движущие силы исторических событий, стал в силу классового положения пролетариата

его главным оружием. И важнейшая задача исторического материализма заключается в том, чтобы высказать точное суждение относительно капиталистического общественного порядка, чтобы разоблачить его сущность. Поэтому исторический материализм всегда использовался в классовой борьбе пролетариата для того, чтобы во всех случаях, когда буржуазия при помощи всевозможных идеологических элементов приукрашивала или закрашивала реальное положение дел, фактическое состояние классовой борьбы, просветить эти идеологические покровы холодным сиянием науки и показать, насколько они являются ложными, дезориентирующими и противоречащими истине. Таким образом, благороднейшая функция исторического материализма могла состоять все же не в чистом, научном познании, а в том, что исторический материализм был делом. Он не был самоцелью, он существовал для того, чтобы пролетариат мог уяснить себе общественную ситуацию и тем самым действовать в соответствии со своим классовым положением.

В эпоху капитализма исторический материализм был, таким образом, средством борьбы. Следовательно, сопротивление, которое буржуазная наука оказывала историческому материализму, было весьма далеко от того, чтобы быть простой ограниченностью. Скорее, это сопротивление было выражением верного классового инстинкта буржуазии, что и проявилось в буржуазной исторической науке. Ведь признание исторического материализма напрямую означало бы для буржуазии самоубийство. Каждый представитель буржуазии, который согласился бы с научной истиной исторического материализма, утратил бы тем самым свое классовое сознание, а вместе с ним и способность правильно представлять интересы своего класса. С другой стороны, и для пролетариата было бы самоубийственным останавливаться на познании научного своеобразия исторического материализма и видеть в нем один только инструмент познания. Сущность пролетарской классовой борьбы может определяться именно тем, что для нее совпадают теория и практика, что познание ведет здесь без всякого перехода к действиям.

Существование буржуазии предполагает, что она никогда не достигает ясного понимания общественных предпосылок своего собственного наличного бытия. Взгляд на историю XIX в. позволяет

заметить постоянный и глубокий параллелизм между упадком буржуазии и постепенным распространением этого самопознания. На исходе XVIII столетия буржуазия была идеологически сильна и несокрушима. Таковой она была еще и к началу XIX в., когда ее идеология, идея буржуазной свободы и демократии, еще не была внутренне опустошена автоматизмом естественных законов экономики, и когда бюргерство еще питало надежду, причем из лучших побуждений, что эта демократическая, буржуазная свобода, это самовластие экономики однажды приведут человечество к спасению.

Не только история первых буржуазных революций – больше всего, конечно, Великой французской революции – исполнены блеском и пафосом этой веры. Эта вера также придает беспристрастие и волю к истине великим научным откровениям буржуазного класса, к примеру, политической экономии Смита и Рикардо.

История буржуазной идеологии есть история потрясений этой веры, веры в спасительную миссию буржуазной трансформации общества. Начиная с теории кризисов Сисмонди и критики капиталистического общества у Карлейля, это саморазрушение буржуазной идеологии следует понимать в его неуклонном, нарастающем развитии. Выступив поначалу в форме феодально-критической реакции на растущий капитализм, эта взаимная критика господствующих антагонистических классов все больше становится самокритикой буржуазии, чтобы позднее все чаще замалчиваться и утаиваться в качестве ее нечистой совести. «Буржуазия правильно поняла, – пишет Маркс, – что все виды оружия, выкованные ею против феодализма, обращались своим острием против нее самой, что все созданные ею средства просвещения восставали против ее собственной цивилизации, что все сотворенные ею боги отреклись от нее»[1511].

По этой причине открыто выраженная идея классовой борьбы дважды встречается в истории буржуазной идеологии. Сначала она выступает определяющим элементом ее «героического» периода, ее энергичной борьбы за общественное господство (в особенности во Франции, где политико-идеологические баталии были самыми острыми), а потом возвращается в последний период кризиса и распада буржуазии. К примеру, социальная теория крупных союзов

[1511] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1957. Т. 8. С. 160.

работодателей часто является точкой зрения классовой борьбы, высказываемой открыто и даже цинично. Последняя, империалистическая, стадия капитализма идеологически вообще проявляется в методах, которые срывают с себя идеологические покровы и все чаще открыто высказывают в господствующих буржуазных кругах то, «что есть». (Можно, к примеру, вспомнить о великодержавной идеологии в империалистической Германии, а также о том, что военная и послевоенная экономика заставила буржуазных теоретиков не только увидеть в экономических отношениях чисто фетишистские отношения, но и взглянуть прямо в глаза связи между экономикой и удовлетворением человеческих потребностей и т. д.) Но это не значит, будто тем самым преодолеваются границы, положенные буржуазии ее местом в процессе производства, будто теперь она, подобно пролетариату, может исходить из действительного познания действительных движущих сил исторического развития. Напротив, эта ясность относительно отдельных проблем или фаз развития лишь сильнее раскрывает слепоту буржуазии относительно общественной тотальности. Ибо эта «ясность» есть, с одной стороны, только ясность для «внутреннего пользования»; та же самая продвинутая группа буржуазии, которая видит истинную причину империализма яснее, чем многие «социалисты», очень хорошо понимает, что это ее знание даже для части буржуазного класса и уж тем более для всего общества может оказаться очень опасным. (Вспомним в этой связи об исторической метафизике, которой обычно сопровождаются теории власти в эпоху империализма.) Но даже если к этому еще примешивается отчасти сознательный обман, все же, с другой стороны, речь идет не только об одном обмане.

Это значит, что сочетание «ясного понимания» отдельных объективно-экономических связей с фантастическо-метафизическим и путанным общим представлением о государстве, обществе и историческом развитии выступает и для более сознательного слоя буржуазии необходимым следствием ее классового положения. В то время как в эпоху подъема буржуазного класса предел познаваемости общества был еще темным и неосознанным, ныне объективный распад капиталистического общества отражается в тотальной бессвязности и несовместимости воззрений, идеологически объединенных в буржуазном сознании.

В этом уже выражается идеологическая капитуляция буржуазии перед историческим материализмом – капитуляция, которая чаще всего не осознается и в которой, конечно, не сознаются. Ведь политическая экономия, которая развивается ныне, не вырастает более на чисто буржуазной почве, как во времена классической политической экономии. Именно в таких странах, как Россия, где капиталистическое развитие началось относительно поздно, и где, стало быть, имелась непосредственная потребность в теоретическом обосновании капитализма, оказалось, что возникающая в этой связи теория обнаруживает явно «марксистский» характер (Струве, Туган-Барановский и др.). Но тот же самый феномен одновременно наблюдался также в Германии (Зомбарт, например) и в других странах. Теории военной и плановой экономики тоже свидетельствуют о постоянном усилении данной тенденции.

Этому ни в коем случае не противоречит то обстоятельство, что, начиная примерно с Бернштейна, часть социалистической теории одновременно попадает под сильное влияние буржуазии. Причем проницательные марксисты уже тогда заметили, что речь в данном случае идет не просто о споре различных направлений внутри рабочего движения. Как бы ни расценивался с точки зрения пролетариата этот вопрос, этот все более частый и открытый переход ведущих «товарищей» в лагерь буржуазии (а случаи вроде Бриана – Мильерана или Парвуса – Ленша – только самые яркие примеры такого рода), с позиции самой буржуазии это лишь означает, что она больше не в состоянии защитить свою позицию собственными идеологическими силами.

Это значит также, что буржуазия не только нуждается в личностях перебежчиков из лагеря пролетариата, но – и это главное здесь – не может больше обходиться без научного метода пролетариата, представленного ею, конечно, в искаженной форме. Теоретическое ренегатство от Бернштейна до Парвуса является, правда, признаком идеологического кризиса внутри пролетариата; однако одновременно оно означает и капитуляцию буржуазии перед историческим материализмом. Ведь пролетариат боролся с капитализмом, принуждая буржуазное общество к самопознанию, а это самопознание неизбежно должно было приводить к обнаружению внутренней противоречивости данного общества. *Параллельно с эконо-*

мической борьбой велась борьба за сознание общества. Но осознание общества равнозначно возможности руководства обществом. Пролетариат одерживает победу в своей классовой борьбе не только в сфере политической власти, но одновременно и в этой борьбе за общественное сознание, разлагая буржуазную идеологию по восходящей линии в течение последних 50–60 лет и развивая свое собственное сознание как отныне единственно авторитетное сознание общества.

Важнейшим оружием в этом сражении за сознание, за социальное руководство обществом выступает исторический материализм. Он является таким же образом функцией развития и одновременно разложения капиталистического общества, как и все прочие идеологии. Но это часто выставлялось буржуазной стороной и как довод против исторического материализма.

Общеизвестный (и в глазах буржуазной науки решающий) аргумент против истины исторического материализма состоит в том, что он должен быть обращен на самого себя. Предполагая правильность своего учения, согласно которому все так называемые идеологические формообразования представляют собой функции экономических отношений, исторический материализм, будучи идеологией борющегося пролетариата, тоже выступает лишь такого рода идеологией, лишь функцией капиталистического общества. Я думаю, это возражение может быть отчасти признано обоснованным, но без нанесения тем самым ущерба научному значению исторического материализма.

Исторический материализм, конечно, может и должен быть обращен на самого себя, но даже такое его применение нив коем случае не приводит к полному релятивизму и к выводу о том, что исторический материализм не является правильным историческим методом. Содержательные истины исторического материализма устроены так же, как и истины классической политэкономии в их рассмотрении Марксом: они суть истины внутри определенного социального и производственного строя. В качестве таковых, но только таковых, они обладают безусловным значением. Однако это не исключает появления таких обществ, в которых вследствие сущности их социальной структуры получат значение иные категории и другие истинностные связи. К какому результату мы здесь приходим? Прежде всего, мы должны теперь задаться вопросом об

условиях значимости содержаний исторического материализма, – подобно тому, как Маркс в свое время исследовал социальные и экономические предпосылки значимости классической политэкономии.

Ответ на этот вопрос мы можем тоже найти у Маркса. Исторический материализм в его классической форме (которая, к сожалению, в чисто вульгаризированной форме стала достоянием общего сознания) означает *самопознание капиталистического общества*. Причем не только в описанном только что идеологическом смысле. Скорее, сама эта идеологическая проблема является не чем иным, как мыслительным выражением объективных экономических фактов. В этом смысле решающим результатом исторического материализма является то, что в нем приводятся к своему понятию тотальность и движущие силы капитализма, не постижимые грубыми, абстрактными, неисторичными и поверхностными категориями буржуазной науки. Исторический материализм является, таким образом, прежде всего теорией буржуазного общества и его экономической структуры. «Но в теории, – пишет Маркс, – предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности же всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов»[1512]. Это сообразное с теорией состояние обнаруживается в том, что экономические законы, с одной стороны, овладевают всем обществом, а с другой – способны утвердиться в качестве «чистых естественных законов» благодаря своей чисто экономической потенции, то есть без помощи внеэкономических факторов. Маркс часто и со всей резкостью подчеркивает это различие между капиталистическим и докапиталистическим обществом, прежде всего, как различие между возникающим капитализмом, борющимся за свое общественное признание, и уже овладевшим обществом капиталом. «<...> Закон спроса на труд <...>, – пишет Маркс, – слепая сила экономических отношений закрепляет господство капиталистов над рабочими. *Внеэкономическое*, непосредственное принуждение, правда, еще продолжает применяться, но лишь в виде исключения.

[1512] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. 1. С. 191–192.

При обычном ходе дел рабочего можно предоставить власти «естественных законов производства» <...>. *Иное видим мы в ту историческую эпоху, когда капиталистическое производство только еще складывалось*»[1513].

Из этой экономической структуры «чисто» капиталистического общества (которая дана, конечно, только как тенденция, но как тенденция, решающим образом определяющая всякую теорию) следует, что различные моменты общественной структуры обособляются друг от друга и в качестве таковых могут и должны быть осознаны. Значительный взлет теоретической науки в конце XVIII столетия, классическая политическая экономия в Англии и классическая немецкая философия обозначили осознание самостоятельности этих частичных систем, этих моментов структуры и развития буржуазного общества. Экономика, право и государство появляются здесь как *замкнутые в себе* системы, которые в силу собственного всемогущества и при помощи присущей им закономерности овладевают всем обществом. Когда, стало быть, некоторые ученые вроде Андлера пытаются доказать, что все отдельные истины исторического материализма были уже открыты наукой до Маркса и Энгельса, то они упускают главное. Причем они были бы не правы и в том случае, если бы их аргументация была обоснованной во всех отдельных вопросах, хотя на самом деле это не так. Ведь составившее эпоху методическое свершение исторического материализма состояло как раз в том, что эти по видимости полностью независимые, замкнутые и автономные системы были познаны как моменты всеобъемлющего целого, что привело к упразднению их мнимой самостоятельности.

Видимость такой самостоятельности не является, однако, всего лишь «заблуждением», которое тем самым просто «исправляется» историческим материализмом. Самостоятельность выступает здесь, скорее, мыслительным, категориальным выражением объективной социальной структуры капитализма. Следовательно, снять эту самостоятельность, выйти за нее – это значит мысленно выйти за пределы капиталистического общества, предвосхитить его

[1513] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 747–748. *Курсив мой – Д. Л.*

упразднение с помощью ускоряющей силы мысли. Но именно поэтому снятая самостоятельность частичных систем остается сохраненной в правильно понятом целом. Это значит, что к правильному познанию взаимной несамостоятельности частичных систем, их зависимости от экономической структуры всего общества относится – в качестве их интегрирующего сущностного признака – познание того, что эта «видимость» их самостоятельности, замкнутости и собственной закономерности является необходимой формой их проявления в капиталистическом обществе.

С одной стороны, отдельные моменты хозяйственного процесса (как, например, приносящий проценты капитал и само товарное производство) пребывают в докапиталистическом обществе в полном, абстрактном отрыве друг от друга, не допускающем их взаимодействия ни в непосредственной форме, ни в форме, опосредствованной общественным сознанием. С другой стороны, некоторые из этих моментов образуют – как между собой, так и с внеэкономическими моментами хозяйственной системы – в любом отношении неразрывное единство внутри такого рода общественных структур (пример – ремесло и земледелие в феодальном поместье или налог с рентой в индийском крепостном строе). При капитализме, напротив, все структурные моменты общества находятся друг с другом в диалектическом взаимодействии. Их кажущаяся самостоятельность по отношению друг к другу, их сжатие до автономных систем, фетишистская видимость их собственной закономерности выступают с буржуазной точки зрения необходимым аспектом капитализма и в качестве такового – необходимым пунктом прохождения к правильному и полному познанию данных моментов. Только посредством действительного продумывания до конца тенденций автономизации, к чему, правда, буржуазная наука даже в лучшие свои времена не была способна, можно понять эти тенденции в их взаимозависимости и подчиненности тотальной экономической структуре общества. К примеру, установка марксизма – рассматривать все экономические проблемы капитализма уже не с точки зрения отдельного капиталиста, а целого класса – была, с одной стороны, субъективно, в рамках истории идей, достижима только как продолжение и диалектическое перевертывание чисто капиталистической позиции. С другой стороны, познаваемая при этом «естественная закономерность» феноменов, то есть их полная

независимость от человеческой воли, познания и целей, образует объективную предпосылку их «доделки» [Aufarbeitung] при помощи материалистической диалектики. Проблемы вроде накопления капитала или средней нормы прибыли, а также вопросы отношения государства и права к экономике в целом совершенно ясно показывают, каким образом эта постоянно саморазоблачающаяся видимость выступает историко-методической предпосылкой построения и применимости исторического материализма.

Не является, таким образом, случайным, – да это и не может быть иначе в случае подлинных истин об обществе, – что исторический материализм как научный метод был развит к середине XIX в. Не случайно как раз то, что социальные истины всегда отыскиваются в тот момент, когда в них проявляется душа эпохи; той эпохи, в которой воплощается сообразная с методом действительность. Исторический материализм, – как мы уже отмечали, – есть именно самопознание капиталистического общества.

Не случайно также и то, что политическая экономия как самостоятельная наука возникла лишь в капиталистическом обществе. Это не случайно, так как капиталистическое общество благодаря своей организации товарного хозяйства и средств сообщения придало экономической жизни такое самостоятельное, самодостаточное и покоящееся на имманентных закономерностях своеобразие, которое было неведомо обществам, предшествовавшим капитализму. Поэтому из всех наук классическая политическая экономия с ее специфическими законами стоит ближе всего к естествознанию. Экономическая система, сущность и законы которой исследует политическая экономия, чрезвычайно близка по своей специфике и по конструкции своей предметности той природе, с которой имеет дело физика, естествознание. Под этой природой подразумеваются связи, которые полностью независимы от человеческого своеобразия человека, от всех антропоморфизмов, – будь они религиозной, этической, эстетической или какой-нибудь иной природы. В политэкономии речь идет о связях, в которых человек проявляется как абстрактное количество, как нечто редуцированное к числам, к статистическим отношениям. В этих связях, – по словам Энгельса, – законы могут быть только познаны, но не подчинены, ибо эти законы относятся к связям, в которых, – опять же, по словам Энгельса, – производители утратили власть над общественными

условиями своей жизни. Указанные связи вследствие овещнения, овеществления социальных условий существования, достигли своей полной автономии и живут самостоятельной жизнью; они стали замкнутой в себе и осмысленной внутри себя системой.

Поэтому не случайно то, что именно капиталистический общественный порядок стал классической почвой для применения исторического материализма.

Если мы трактуем исторический материализм как научный метод, тогда очевидно, что он может быть применен и к более ранним, предшествовавшим капитализму эпохам. Так он уже и применялся, причем успешно, обнаруживая по меньшей мере очень интересные результаты. Но когда мы прилагаем исторический материализм к докапиталистическим эпохам, мы замечаем одну весьма существенную и важную методологическую трудность, которая еще не была освещена в историко-материалистической критике капитализма.

Эта трудность упоминалась Марксом в бесчисленных местах его основных произведений. Энгельс тоже высказал ее потом совершенно четко в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»: трудность эта заключена в *структурном* различии между эпохой цивилизации и предшествующими ей эпохами. И здесь Энгельс очень метко замечает, что «пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить таинственные, чуждые им силы, как это постоянно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации». Ведь там «производители утратили власть над всем производством условий своей собственной жизни <...>. Продукты и производство попадают во власть случая. Но случайность – это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью[1514]. И далее Энгельс показывает, как из возникающей здесь структуры общества вытекает сознание данного общества в форме «естественных законов». Будучи классической идеологической формой господства экономики, это диалектическое взаимодействие случая и необходимости усиливается в той мере, в какой общественные процессы выходят из-под контроля людей и становятся самостоятельными.

[1514] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 174.

Наиболее чистой (возможно, даже единственно чистой) формой этого покорения общества естественными законами является капиталистическое производство. Ведь всемирно-историческая миссия цивилизационного процесса, достигающего своей наивысшей точки при капитализме, состоит в обретении господства над *природой*. Эти «естественные законы» общества покоряют бытие людей в качестве «слепых» сил, – даже если их «рациональность» познана, причем тогда даже более всего. Эти законы наделены функцией подчинения природы категориям обобществления, и они действительно реализуют эту функцию в ходе истории. Но это был, конечно, длительный и богатый отступлениями процесс. В ходе такого процесса, когда «естественные силы» общества *еще не* пробили себе дорогу, в нем, разумеется, должны были господствовать отношения, определяемые природой, причем как в «обмене веществ» между человеком и природой, так и в общественных отношениях людей друг к другу. Эти натуральные отношения должны были покорять общественное бытие людей, а вместе с тем и формы, в которых это бытие выражается в мыслях и чувствах (религия, искусство, философия и т.д.). «Во всех формах общества, – пишет Маркс, – где господствует земельная собственность, преобладают еще отношения, определяемые природой. В тех же формах общества, где господствует капитал, преобладает элемент, созданный обществом, историей»[1515]. Энгельс в одном из своих писем Марксу выражает эту же мысль еще резче: «Это как раз доказывает, что на данной ступени развития способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада древних кровных связей и древней взаимной общности полов (вехив) у племени»[1516]. Поэтому, к примеру, моногамия является, по мнению Энгельса, первой формой семьи, «в основе которой лежали не естественные, а экономические условия»[1517].

Речь здесь идет, конечно, о длительном процессе, в котором отдельные этапы не позволяют отделить себя друг от друга чисто механическим образом, но плавно перетекают друг в друга. Однако

[1515] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 44.
[1516] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 35. С. 103.
[1517] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 68.

направление этого процесса очевидно: «естественная граница отодвигается назад»[1518] во всех сферах общества. Отсюда – e contrario[1519], а также в связи с обсуждаемой здесь проблемой – следует, что указанная естественная граница имела место во всех докапиталистических обществах, оказывая решающее воздействие на все общественные формы выражения людей. Маркс и Энгельс неоднократно и столь убедительно изобразили это в отношении собственно экономических категорий, что здесь достаточно ограничиться простой ссылкой на их произведения. (Вспомним, к примеру, о развитии разделения труда, о формах прибавочного труда, формах земельной ренты и т.д.) В добавление к этому Энгельс во многих местах[1520] отмечает, что, в принципе, ошибочно говорить о праве в нашем смысле применительно к примитивным ступеням общественного развития.

Но еще более существенным образом проявляется это структурное различие в областях, которые Гегель называл абсолютным духом в противоположность формам объективного духа, образующим общественные, чисто межчеловеческие отношения (экономику, право, государство)[1521]. Ведь в очень существенных, хотя и различных между собою, пунктах, формы абсолютного духа (искусство, религия, философия) суть способы столкновения человека с природой, причем как с окружающей его природой, так и с той,

---

[1518] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 523.

[1519] Напротив, наоборот (лат.). – Прим. перев.

[1520] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 46,159,177.

[1521] Оговоримся во избежание возможных недоразумений: во-первых, данное гегелевское различие упоминается здесь только ради ясного терминологического разграничения, что ни в коем случае не означает принятие гегелевского учения о духе, в целом весьма проблематичного. Во-вторых, и с оглядкой на самого Гегеля неверно приписывать понятию духа психологический или метафизический смысл. Так, Гегель определяет дух как единство сознания и его предмета, что совсем близко подходит к марксовскому пониманию категорий, к примеру, в «Нищете философии» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 129) и в «Критике политической экономии» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 43). Здесь нет места для обсуждения различия между марксовским и гегелевским пониманием категорий, – различия, которое я не упускаю из виду, но которое располагается совсем в другом месте, чем там, где его обычно ищут.

которую он находит в себе самом. Конечно, и это различие не должно быть истолковано механистически. Природа есть общественная категория. Следовательно, то, что считается на определенной ступени общественного развития природой, и то, как устроено отношение этой природы к человеку, и в какой форме человек сталкивается с природой, одним словом, что значит природа по своей форме и содержанию, по своему объему и предметности, – все это всегда общественно обусловлено. Из этого, с одной стороны, следует, что на вопрос о том, возможна ли вообще в определенной общественной форме прямая встреча человека с природой, может быть дан только историко-материалистический ответ, так как объективная возможность такого рода отношения к природе зависит от «экономической структуры общества». С другой же стороны, коль скоро эти отношения с природой возникли, и притом общественно обусловленным способом, они действуют по своим внутренним закономерностям и сохраняют намного большую независимость от породившей их (с необходимостью) общественной почвы, чем формообразования «объективного духа». Эти последние могут, правда, тоже довольно часто и долго сохраняться и после того, как исчезла общественная основа, которой они обязаны своим существованием. Но тогда эти формы постоянно сохраняются в качестве преграды развитию, преграды, которая должна быть ликвидирована насильственно, или же они приспосабливаются к новым экономическим отношениям посредством изменения своих функций. (Развитие права дает много примеров и того и другого рода.) Однако историческая сохранность этих формообразований абсолютного духа (что до некоторой степени оправдывает гегелевскую терминологию) может, напротив, содержать в себе и нечто ценное, все еще актуальное, даже образцовое. Это значит, что отношения между генезисом и значимостью оказываются в абсолютном духе гораздо более запутанными, чем в духе объективном. Так, Маркс пишет, хорошо сознавая эту проблему: «Однако трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они еще продолжают доставлять нам

художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недосягаемым образцом»[1522].

Эта стабильность значимости искусства, видимость его совершенно надысторической и надобщественной сущности основывается на том, что в искусстве разыгрывается главным образом столкновение человека с природой. Такое направление художественного формотворчества простирается столь далеко, что даже изображаемые искусством общественные отношения людей друг к другу преобразуются в нечто вроде природы. И если, – как подчеркивалось, – эти натуральные отношения тоже обусловлены социально, если они сообразно с этим меняются вместе с преобразованиями в обществе, тогда в основе их все же лежат отношения, которые в противоположность непрерывной смене чисто общественных форм несут в себе субъективно оправданную видимость «вечности»[1523]. Ведь эти отношения способны пережить разнообразные, причем весьма глубокие, изменения общественных форм, и для их ниспровержения иногда необходимы еще более глубокие, разделяющие целые эпохи, общественные переходы.

Таким образом, кажется, будто речь идет о чисто количественном различии непосредственных и опосредствованных отношений к природе, соответственно, о непосредственных и опосредствованных воздействиях «экономической структуры» на различные общественные формообразования.

Однако эти количественные различия только из перспективы капитализма представляются чисто количественными приближениями к его системе организации общества. А вот с точки зрения познания того, как действительно были устроены докапиталистические общества, данные количественные градации означают качественные различия, которые в познавательном отношении выражаются как господство совершенно разных категориальных систем, как полностью различные функции отдельных частных областей в рамках всего общества. Даже с чисто экономической точки зрения здесь получаются качественно новые закономерности. Причем не

[1522] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 48.

[1523] Срав. высказывания Маркса о труде как созидателе потребительных стоимостей. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 51.

просто в том смысле, что законы модифицируются согласно разным материям, к которым они применяются, но и в том смысле, что в разных социальных условиях господствуют разные закономерности, и что значение определенного типа закона связано с совершенно определенными социальными предпосылками. Достаточно только сравнить предпосылки обмена товаров по их стоимостям с предпосылками их обмена по ценам производства, чтобы это изменение законов ясно предстало перед глазами и в чисто экономическом смысле[1524]. Конечно, общество с простым товарообменом, с одной стороны, уже является формой, приближенной к капиталистическому типу хозяйствования, однако, с другой стороны, все же обнаруживает качественно отличную от него структуру. Эти качественные различия усиливаются в той мере, в какой, в соответствии с типом данного общества (или внутри определенного общества сообразно с типом определенной социальной формы, например, с видом искусства), решающую роль играют натуральные отношения. Возьмем, к примеру, ремесло, то есть производство таких предметов повседневного обихода, как мебель, одежда, а также домостроительство. В самой тесной связи со способом разделения труда соединение ремесла с искусством в узком смысле этого слова может быть очень глубоким, так что границы такой связи нельзя провести даже на уровне эстетических категорий (как, например, в случае так называемого народного искусства). Коль скоро это так, то тенденции развития ремесла, часто столетиями технически и организационно неподвижного, в направлении искусства, развивающегося по своим собственным законам, оказываются качественно отличными от развития при капитализме, где производство благ осуществляется само собой, чисто экономически, находясь в непрерывном, революционном движении. Ясно, что в случае докапиталистических эпох позитивное воздействие искусства на ремесленное производство должно быть совершенно очевидным. (Переход от архитектуры романтизма к готике.) А вот при капитализме игровое пространство для развития искусства оказывается более узким. Это развитие не может оказать никакого определяющего воздействия на производство предметов потребления. Более

[1524] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. 1. С. 193–194.

того, сама возможность или невозможность существования искусства определяется чисто экономическими и производственно-техническими мотивами. (Современная архитектура.)

То, что здесь было сказано об искусстве, относится – правда, со значительными модификациями – и к религии. Здесь Энгельс[1525] тоже очень четко различает между докапиталистическим периодом и эпохой капитализма. Но при этом надо учитывать, что религия никогда не выражает с такой же чистотой отношение человека к природе, как искусство, и что в религии социально-практические функции играют гораздо более заметную роль, чем в искусстве. Но иной характер общественных функций религии, качественное отличие закономерностей ее исторической роли в теократических обществах Востока от «государственной религии» в капиталистической Западной Европе кажутся очевидными и без особых доказательств. Гегелевская философия, предпринявшая систематизацию знания на рубеже двух эпох, уже противостояла проблемам капитализирующегося мира, однако развивалась в среде, где, по словам Маркса, нельзя было говорить «ни о сословиях, ни о классах, а в крайнем случае лишь о бывших сословиях и неродившихся классах»[1526]. По этой причине философия Гегеля оказалась при рассмотрении взаимосвязи государства с религией (соответственно, общества с религией) перед сложной и неразрешимой для себя проблемой. Ведь «отодвигание естественной границы» начало уже все возводить на чисто общественный уровень, на уровень овеществленных отношений капитализма, не сопровождаясь, однако, возможностью ясного осознания этих отношений. Ибо для тогдашнего уровня познания было невозможно увидеть за двумя понятиями природы, порожденными капиталистическим развитием, их социальное единство, т. е. капиталистическое общество с его разложением всех чисто натуральных отношений. Имеется в виду, с одной стороны, понятие природы как «совокупности естественных законов» (природы современного, математического естествознания), а с другой – природы как умонастроения, как образца для «испорченного» обществом человека («природы» Руссо и Кантовой этики). Именно в той мере, в какой капитализм осуществил настоящее

[1525] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 328–329.
[1526] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 183.

обобществление всех отношений, в нем стало возможным самопознание, истинное и конкретное самопознание человека как общественного существа.

Причем не только в том смысле, что недостаточно развитая наука была не в состоянии познать этот и ранее существовавший факт, – как, например, в случае коперниканской астрономии, которая, конечно, и до Коперника была правильной, только вот не познанной. Но факт недостатка такого самопознания общества сам есть лишь мыслительное отражение того, что объективно-экономическое обобществление в данном смысле еще не утвердило себя, что пуповина, соединяющая человека с природой, еще не была разрезана процессом цивилизации. Ведь любое историческое познание есть самопознание. Прошлое становится только тогда прозрачным, когда может соответствующим образом быть проведена самокритика современности; «когда ее самокритика была до известной степени, так сказать, dynamei[1527] уже готова»[1528]. До этого прошлое должно либо наивно отождествляться со структурными формами современности, либо в качестве совершенно чуждого и варварски бессмысленного вообще выноситься за пределы познаваемости. Итак, становится очевидным, что только после того, как исторический материализм познал овеществление всех общественных отношений человека, причем не только как продукт капитализма, но и как преходящее, историческое явление, был одновременно найден и путь к познанию докапиталистических обществ с их неовеществленной структурой. (Поэтому связь научного исследования первобытного общества с марксизмом ни в коем случае не является случайной.) Ведь только теперь, когда открылась перспектива нового обретения неовеществленных отношений между человеком и человеком, между человеком и природой, стало возможным открытие в примитивных, докапиталистических формах тех моментов, в которых эти неовеществленные формы уже выступали, хотя и в совершенно иных функциональных связях. Теперь стало возможным понять эти формы в их собственной сущности и бытии, не насилуя их смысл механическим приложением к ним категорий капиталистического общества.

[1527] В возможности, потенциально (греч.). – Прим. перев.
[1528] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1968. Т. 46. Ч. I. С. 43.

Таким образом, вовсе не было ошибкой жесткое и безусловное применение исторического материализма в его классической форме к истории XIX в. Ибо в истории этого столетия все силы, воздействовавшие на общество, на самом деле действовали как чистые формы проявления «объективного духа». В докапиталистических же обществах дело обстояло не совсем так. Там не было еще той самостоятельности, того самополагания-себя-как-цели [Sich-selbst-als-Ziel-Setzen], той внутренней завершенности и самовластности, той имманентности экономической жизни, что были достигнуты позднее в капиталистическом обществе. Отсюда следует, что исторический материализм не может быть обращен на докапиталистические общественные формообразования таким же способом, что и на капиталистическое развитие. Здесь нужен намного более тонкий и сложный анализ, чтобы, с одной стороны, показать, какую роль среди движущих сил общества играли чисто экономические силы, если они там (в строгом смысле этой «чистоты») вообще существовали, а с другой стороны, чтобы доказать, каким образом эти экономические силы воздействовали на прочие общественные феномены. Это составляет причину того, почему исторический материализм должен гораздо осторожнее применяться к древним обществам, чем к социальным переменам XIX столетия. С этим связано также и то обстоятельство, что, если XIX в. смог достичь своего самопознания исключительно посредством исторического материализма, то историко-материалистическое исследование древних общественных укладов, например, истории первоначального христианства или древнего Востока, в той форме, как это сделал, к примеру, Каутский, кажется по меркам сегодняшних возможностей науки не достаточно тонким, т.е. представляется анализом, который не покрывает исчерпывающим образом фактическое положение вещей. Исторический материализм добился также своих наибольших успехов в анализе различных формообразований общества, права, а также относящихся к тому же уровню социальных форм, например, института стратегии и т.п. Поэтому, к примеру, работы Меринга – вспомним только его «Легенду о Лессинге» – глубоки и тонки, когда они касаются государственной и военной организации в эпоху Фридриха Великого или Наполеона. Но гораздо менее завершенным и исчерпывающим становится анализ

Меринга в тех случаях, когда он обращается к литературным, научным или религиозным формообразованиям той же самой эпохи.

Вульгарный марксизм совершенно недооценивал это различие. Применение им исторического материализма впало в ту же самую ошибку, в какой Маркс упрекал вульгарную политическую экономию: вульгарные марксисты увековечивали исторические категории, включая категории капиталистического общества.

В отношении исследования прошлого это было до сих пор только научной ошибкой, не имевшей далеко идущих последствий из-за того, что исторический материализм служил орудием классовой борьбы, а не одним только инструментом научного познания общества. В конце концов, как бы ни отмечали мы сегодня отдельные научные неточности у Меринга и как бы ни подвергали сомнению безукоризненность некоторых исторических сочинений Каутского, – их трудам принадлежат непреходящие заслуги в деле пробуждения классового сознания пролетариата. Будучи инструментами и стимулами классовой борьбы, эти книги снискали их авторам немеркнущую славу, которая и в сознании грядущих поколений с избытком компенсирует присущие им научные недостатки.

Уже одна только эта историческая установка вульгарного марксизма существенно повлияла на способ действия рабочих партий, на их политическую теорию и тактику. Однако вопрос, в котором яснее всего выражается наше расхождение с вульгарным марксизмом, – это вопрос о насилии, о роли насилия в борьбе за достижение и сохранение победы в пролетарской революции. Это, конечно, не первый раз, когда органическое развитие исторического материализма и его механическое применение оказываются в оппозиции друг к другу. Вспомним, к примеру, о дебатах по империализму: является ли он новой фазой капиталистического развития или преходящим его эпизодом. Однако споры о насилии интересны тем, что они очень четко выявили, – хотя по большей части и бессознательно, – методологический аспект указанной оппозиции.

Вульгарно-марксистский экономизм как раз оспаривает значение насилия при переходе от одного экономического производственного порядка к другому. Он ссылается на «естественную закономерность» экономического развития, которая осуществляет этот переход якобы благодаря собственному всемогуществу, не прибегая к помощи грубой, «внеэкономической» силы.

При этом почти всегда приводится известное положение Маркса: «Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производственные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»[1529]. Но при этом забывают, – разумеется, намеренно, – добавить к этим словам одно пояснение, в котором Маркс определил исторический момент этого «периода зрелости»: «Из всех орудий производства наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс. Организация революционных элементов как класса *предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества*»[1530].

Уже одни только эти слова Маркса совершенно ясно показывают, что для него «зрелость» производственных отношений при переходе от одной производственной формы к другой означала нечто совсем иное, чем для вульгарного марксизма. Ведь организация массы революционных элементов в класс, причем не только «по отношению к капиталу, но еще и для самой себя»[1531], превращение чисто производительной силы в рычаг преобразования общества есть не только проблема классового сознания, практической эффективности сознательного действия, но одновременно и начало упразднения чистой «естественной закономерности» экономизма. Это означает, что «наиболее могучая производительная сила» находится в состоянии бунта против системы производства, в которую она включена. Возникает положение, из которого можно выйти только при помощи насилия.

У нас здесь нет места, чтобы даже в общих чертах остановиться на теории насилия и его роли в истории; к примеру, чтобы доказать, что строгое разграничение понятий насилия и экономики есть недопустимая абстракция, что никакое экономическое отношение во-

[1529] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 7.
[1530] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 184. *Курсив мой – Д. Л.*
[1531] Там же. С. 183.

обще нельзя помыслить без его связи с явным или скрытым насилием. Нельзя, например, забывать, что, по Марксу, даже в «нормальные» времена экономически обусловленным (в чисто объективном смысле) является только игровое пространство для определения отношения прибыли и заработной платы. А «фактический уровень ее устанавливается лишь путем постоянной борьбы между капиталом и трудом»[1532]. Ясно, что шансы этой борьбы опять-таки во многом обусловлены экономически, причем эта обусловленность подвержена большим вариациям со стороны «субъективных» моментов, связанных с вопросом о «насилии»; к примеру, организованность рабочих и т.д. Резкое и механическое разведение понятий насилия и экономики вообще возникает лишь изза того, что, с одной стороны, фетишистская видимость чистой вещности [Sachlichkeit] экономических отношений скрывает их природу как межчеловеческих отношений, превращая их тем самым во вторую природу, окружающую людей с фаталистически действующей закономерностью. С другой стороны, понятийный отрыв насилия от экономики возникает из-за того, что фетишистская правовая форма организованного насилия заставляет забыть, что насилие латентно, потенциально присутствует в каждом экономическом отношении и стоит за каждым таким отношением. Помимо этого, понятийные отличия права и насилия, порядка и бунта, легального и нелегального насилия оттесняют на задний план общую силовую основу всех институтов классового общества. (Ведь «обмен веществ», который люди первобытного общества осуществляют с природой, столь же мало является экономическим, сколь мало правовыми выступают отношения первобытных людей друг к другу.)

Правда, между «правом» и насилием, между скрытым и явным насилием имеется различие, которое нельзя понять ни в философии права, ни в этике, ни в метафизике. Его можно постичь только как социально-историческое различие между двумя типами обществ. С одной стороны, имеются в виду общества, в которых производственный порядок уже столь прочно утвердился, что он (как правило) функционирует без проблем и конфликтов, благодаря своим собственным законам. С другой же стороны, здесь подразумеваются общества, в которых из-за соревнования различных способов

[1532] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 151.

производства или по причине еще не достигнутой (и всегда относительной) стабилизации роли различных классов внутри производственной системы указанное различие превращает применение голого «внеэкономического» насилия в обычное дело. Данная стабилизация принимает в некапиталистических обществах консервативную форму и выражается идеологически как господство традиции, «богоугодного» и т. д. порядка. Только при капитализме, где такого рода стабилизация означает стабильное господство буржуазии внутри непрерывного, революционно-динамического хозяйственного процесса, стабилизация получает образ «естественно-закономерного» господства «вечных, железных законов» политической экономии. И поскольку каждое общество несет в себе тенденцию «мифологизирующего» проецирования в будущее структуры своего собственного производственного порядка, постольку и прошлое (и тем более – *будущее*) тоже кажется определенным и покоренным такого рода законами. Но при этом забывают, что возникновение и самоутверждение этого производственного порядка было плодом самого что ни на есть явного, жестокого и грубого «внеэкономического» насилия. «Tantae molis erat»[1533] создать условия для свободного проявления «вечных естественных законов», – восклицает Маркс по завершении своего изображения истории развития капитализма[1534].

Но ясно и то, что со всемирно-исторической точки зрения исход соперничества конкурирующих производственных систем, как правило, определяется социально-экономическим превосходством одной из них над другой. Однако такое превосходство отнюдь не всегда с необходимостью совпадает с производственно-техническими преимуществами данной системы. То, что экономическое превосходство проявляется в ряде насильственных актов, – это мы уже видели. И само собой разумеется, что эффективность этих насильственных мер зависит от всемирно-исторической актуальности превосходящего класса, от его исторического призвания к дальнейшему руководству обществом. Спрашивается, однако: каким образом это состояние конкурирующих производственных систем можно понять в контексте всего общества? То есть в какой мере

[1533] Так было трудно (лат., см.: Вергилий. «Энеида», I, 33). – Прим. перев.
[1534] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 769.

данное общество постижимо как единое общество в марксистском смысле, если ему все же не хватает объективного основания этого единства, т.е. единства «экономической структуры»? Совершенно очевидно, что речь здесь идет о пограничных случаях. Общества с полностью однородной, цельной структурой редко, конечно, встречались в истории. (Чистого капитализма, по словам Розы Люксембург, никогда не было и быть не может.) Соответственно, в каждом обществе господствующая производственная система налагает свой отпечаток на подчиненные ей системы, существенно модифицируя их собственную экономическую структуру. Вспомним, как в эпоху господства натурального хозяйства «промышленный» труд входил в земельную ренту, и ей были подчинены все его экономические формы[1535]. С другой стороны, можно вспомнить о формах, которые принимает сельское хозяйство в условиях развитого капитализма. Но в собственно переходные периоды общество не покоряется *какой-то одной* производственной системой. Борьба между разными системами там еще продолжается, ни одной из них не удается навязать обществу соответствующую экономическую структуру или (хотя бы в тенденции) продвинуть общество в данном направлении. Очевидно, что в таких ситуациях невозможно говорить о какой-то экономической закономерности, которая подчинила бы себе *все* общество. Старый производственный порядок уже утратил свое господство над обществом как целым, а новый его еще не обрел. Налицо состояние открытой борьбы за власть или латентного равновесия сил, состояние, при котором действие экономических законов, можно сказать, «прерывается» [«intermittieren»]: старый закон уже, а новый закон *еще* не действует всеобъемлющим образом. Насколько мне известно, теория исторического материализма еще не рассматривала эту проблему с экономической стороны. То, что основатели исторического материализма отнюдь не обошли вниманием этот вопрос, с полной ясностью показывает теория государства Энгельса. Энгельс констатирует, что государство «*по общему правилу* является государством самого могущественного, *экономически господствующего* класса <...>. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда бо-

[1535] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. II. С. 349.

рющиеся классы *достигают такого равновесия сил*, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга»[1536].

Но не следует забывать, что переход от капитализма к социализму обнаруживает экономическую структуру, принципиально отличную от структуры, свойственной переходу от феодализма к капитализму. Конкурирующие производственные системы не выступают здесь рядом друг с другом, в качестве обретших самостоятельность систем, как это характерно для зачатков капитализма в рамках феодального способа производства. Но конкуренция производственных систем при переходе к социализму выражается в виде неразрешимого противоречия внутри капиталистической системы, то есть в виде кризиса. Такого рода структура делает капиталистическое производство с самого начала антагонистическим, и тогда в период кризисов капитал как граница производства находит свое выражение даже «чисто экономическим образом, то есть с буржуазной точки зрения»[1537]. В этом антагонизме ничего не меняет то обстоятельство, что все прошлые кризисы находили свое разрешение внутри капитализма. Всеобщий кризис всегда означает момент относительного прерывания имманентной закономерности капиталистического развития. Однако в прошлые времена *класс капиталистов* всегда оказывался способным *возвратить* производство в капиталистическое русло. У нас нет здесь возможности подробно рассмотреть вопрос о том, что (и в какой мере) использованные капиталистами средства преодоления кризиса не были прямым продолжением законов «нормального» производства, а также в какой мере при этом сыграли свою роль сознательно-организационные усилия, «внеэкономические» факторы, некапиталистический ба-

---

[1536] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 172. *Курсив мой – Д. Л.*

[1537] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. I. С. 285.

зис, то есть способность капиталистического производства к расширению[1538]. Мы лишь констатируем, что объяснение кризисов – как это показали уже дебаты Сисмонди с Рикардо и его школой – должно выходить за рамки имманентных законов капитализма. Это значит, что экономическая теория, которая объясняет необходимость кризисов, одновременно должна указывать за пределы капитализма. И «разрешение» кризиса никогда не может быть прямолинейным, «имманентно-закономерным» продолжением докризисного состояния, но новой линией развития, которая впадает потом в новый кризис и т. д. Маркс формулирует данную связь совершенно ясным образом: «Этот процесс скоро привел бы капиталистическое производство к краху, если бы наряду с центростремительной силой не действовали децентрализующим образом противодействующие тенденции»[1539].

Каждый кризис означает, таким образом, мертвую точку в закономерном развитии капитализма, но увидеть в этой мертвой точке *необходимый* момент капиталистического производства можно только с позиции пролетариата. Различия, градация и нарастание кризисов, динамическое значение этих моментов прерывания в развитии, мощь усилий, которая необходима, чтобы вновь привести в движение экономику, – все это, однако, познаваемо не с точки зрения буржуазной (имманентной) экономики, а только с позиций исторического материализма. Ибо выясняется, что принципиальное значение следует придавать тому, переживает ли «наиболее могучая производительная сила», пролетариат, капиталистический производственный порядок всего лишь как объект, или он выступает при этом в качестве субъекта принятия решений. Кризис всегда и решающим образом обусловлен «антагонистическими отношениями распределения», столкновением, с одной стороны, капитала,

---

[1538] См., к примеру, позицию английских капиталистов по вопросам кризисов, безработицы и эмиграции (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 586 и далее). Приведенные здесь мысли отчасти соприкасаются с глубокими замечаниями Бухарина о «равновесии» как методическом постулате: Bucharin N. Ökonomie der Transformationsperiode. S. 159–160. См. также: Бухарин Н. Экономика переходного периода. М., 1920. С. 127. Но, к сожалению, у нас здесь нет возможности, чтобы вступить с Бухариным в развернутую дискуссию.

[1539] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. 1. С. 270.

продолжающего свое течение «пропорционально той массе, которую он уже составляет», а с другой – тем «узким основанием, на котором покоятся отношения потребления»[1540], то есть объективно-экономическим *бытием пролетариата*. Однако эта сторона антагонизма в кризисах восходящего капитализма не заметна из-за «незрелости» пролетариата, из-за его неспособности быть чем-то другим, чем только «производительной силой», включенной без всякого сопротивления в производственный процесс и подчиненной экономическим «законам». По этой причине может возникать видимость, будто «законы экономики» способны так же выводить из кризиса, как и приводить к нему, – хотя в действительности классу капиталистов лишь удавалось до сих пор, вследствие пассивности пролетариата, преодолевать мертвую точку и вновь заводить капиталистическую машину. Качественное отличие решающего, «последнего» кризиса капитализма (который, разумеется, может быть целой эпохой чередующихся отдельных кризисов) от более ранних его кризисов состоит, таким образом, не в простом изменении их продолжительности и глубины, не в переходе количества в качество. Или лучше сказать: этот переход выражается в том, что пролетариат перестает быть простым объектом кризиса. Теперь полностью раскрывается внутренний антагонизм капиталистического производства, который согласно своему понятию уже означал борьбу буржуазного и пролетарского производственного порядка, столкновение обобществленных производительных сил с их индивидуально-анархическими формами. Организация пролетариев, целью которой всегда было «уничтожить или смягчить разрушительные для их класса следствия этого естественного закона капиталистического производства»[1541], переходит из стадии негативности, то есть всего лишь сдерживающего, ослабляющего и парализующего воздействия, в стадию активности. И только благодаря этому переходу меняется – существенным, качественным образом – структура кризиса. Меры, при помощи которых буржуазия стремится преодолеть мертвую точку кризиса, сегодня, – если говорить абстрактно, то есть без учета вмешательства пролетариата –

[1540] Там же. С. 268–269.
[1541] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 655.

тоже находятся в ее распоряжении, как и в прошлые кризисы. Однако в нынешней ситуации эти мероприятия становятся ареной открытой классовой войны, а насилие становится решающей экономической потенцией.

И тут снова обнаруживается, что эти «вечные естественные законы» имеют значение только для определенной эпохи капиталистического развития. Они не только являются формой проявления закономерности общественного развития для определенного социологического типа (для ставшего бесспорным экономического господства определенного класса), но и внутри этого типа они суть лишь проявления специфической формы господства капитализма. Но поскольку, как было показано, связь исторического материализма с капиталистическим обществом ни в коем случае не является случайной, постольку ясно, что эта структура представлялась и для общего материалистического понимания истории образцовой и нормальной, классической и канонической структурой. Мы, однако, привели примеры, которые ясно показывают, насколько осторожными и критичными были сами Маркс и Энгельс в трактовке специфических структур и законов развития прошлых, некапиталистических обществ. Причем внутренняя связь обоих этих моментов и на самого Энгельса подействовала так сильно, что в своем изображении распада родовых обществ он выделил древние Афины как «в высшей степени типичный пример», потому что «возникновение государства у афинян... происходит в чистом виде, без всякого насильственного вмешательства, внешнего или внутреннего»[1542]. Хотя, пожалуй, в отношении Афин это утверждение Энгельса, по сути дела, не вполне корректно; во всяком случае, древние Афины не являются типичным примером перехода к этой стадии развития.

Но вульгарный марксизм теоретически концентрируется именно на этом пункте: он отрицает роль насилия «как экономической потенции». Теоретическая недооценка исторического значения насилия, устранение его роли из прошлой истории является для вульгарного марксизма теоретической подготовкой оппортунистической тактики. Это возвышение специфических законов развития

[1542] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 119.

капитализма до всеобщих законов общества является теоретическим фундаментом оппортунистического стремления практически увековечить существование капитализма.

Ведь последовательное, прямолинейное капиталистическое развитие, как его понимают оппортунисты, их притязание на то, что социализм может осуществляться без «внеэкономического» насилия посредством имманентных законов экономики, – все это, по сути дела, равнозначно вечному продолжению капиталистического общества. Однако и феодальное общество ни в коем случае не породило капитализм органически из лона своего. Оно лишь произвело «материальные средства для своего уничтожения».

Феодализм высвободил «силы и страсти, которые чувствовали себя скованными этим способом производства». И только в рамках развития, включающего в себя «целый ряд насильственных методов»[1543], эти силы заложили общественные основы капитализма. И лишь *по завершении* этого перехода вступают в силу экономические законы капитализма.

Было бы неисторичным и в высшей степени наивным ожидать от капиталистического общества, что оно сделает для идущего ему на смену пролетариата нечто большее по сравнению с тем, что в свое время сделал феодализм для капитализма. Вопрос о моменте зрелости для перехода был уже упомянут. Методически важным моментом этой теории «зрелости» является ее стремление достичь социализма без активного содействия пролетариата, выступая тем самым в виде запоздало возникшего подобия теории Прудона, который – уже после «Манифеста Коммунистической партии» – тоже ведь желал существующего порядка, но «без пролетариата». Еще один шаг делает эта теория, когда она отвергает значение насилия во имя «органического развития», опять-таки забывая при этом, что данное «органическое развитие» является лишь теоретическим выражением уже развитого капитализма, его собственной исторической мифологией. Ведь действительная история его возникновения идет совсем по иному пути. «Эти методы, – пишет Маркс, – отчасти покоятся на *грубейшем насилии* как, например, колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т.е. концентрированным и организованным общественным насилием,

[1543] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 771.

чтобы *искусственно ускорить* процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и *сократить его переходные стадии*»[1544].

Предположим, что при переходе от капиталистического к пролетарскому обществу функции насилия совершенно не меняются, как это было при переходе от феодализма к капитализму. Но даже в этом случае действительное развитие учит нас, что «неорганический», «искусственный», «насильственный» характер перехода еще ничего не говорит против исторической актуальности, необходимости и «здоровья» возникающего при этом нового общества. Данный вопрос обретает, однако, совершенно другое обличье, когда мы поближе рассмотрим способ и функциональную роль насилия при переходе к капитализму, переходе, который означает нечто принципиально и качественно новое по сравнению с прежними переходами. Повторяем: решающее значение насилия как «экономической потенции» всегда становится актуальным при переходе от одного производственного порядка к другому. То есть, выражаясь социологически, роль насилия становится актуальной во времена, когда сосуществуют разные, конкурирующие друг с другом производственные системы. Но устройство борющихся друг с другом систем производства будет оказывать определяющее влияние на способ и функцию насилия как «экономической потенции» в переходный период.

В эпоху возникновения капитализма речь шла о борьбе статической системы с динамической; «самобытной» – со стремящейся к полному обобществлению; упорядоченной территориальными границами – с анархической (и в тенденции безграничной) системой. В противоположность этому, в случае пролетарского производства речь, как известно, идет в первую очередь о борьбе упорядоченной экономической системы с анархической[1545]. И подобно тому, как производственные системы определяют сущность классов, возни-

[1544] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 761. *Курсив мой – Д. Л.*

[1545] В этом противопоставлении капитализм эпохи империализма тоже с необходимостью оказывается анархическим.

кающие из них противоположности определяют способ необходимого для преобразований насилия. Ибо оружие, – как говорил Гегель, – есть не что иное, как сущность самих бойцов.

Понимание нынешних противоположностей уже превышает контроверзы между истинным и вульгаризированным марксизмом в рамках критики капиталистического общества. Теперь речь идет на самом деле о том, чтобы в смысле диалектического *метода* развить дальше полученные до сих пор *результаты* исторического материализма, то есть приложить метод к той сфере, на которую он, соответствуя своей сущности исторического метода, еще не *мог* быть распространен. Это значит, применить его теперь со всеми модификациями, которые должны в первую очередь предполагаться любым несхематичным методом, то есть диалектикой, в случае принципиально и качественно нового материала. Правда, проницательный взор Маркса и Энгельса уже многое здесь предвосхитил. Причем не только в отношении предполагаемых фаз этого переходного процесса (в «Критике Готской программы»), но также и в методическом смысле. «Скачок из царства необходимости в царство свободы»[1546], окончание «предыстории человечества»[1547] ни в коем случае не были для Маркса и Энгельса прекрасными, но абстрактными перспективами, декоративно-эффектным, но методически ни к чему не обязывающим увенчанием критики современности. Напротив, это было ясно и сознательно осмысленным предвосхищением правильно понятого процесса развития, предвосхищением, методические следствия которого выводили к глубокому пониманию актуальных проблем современности. «Люди сами делают свою историю, – пишет Энгельс, – но *до сих пор* они делали ее, не руководствуясь общей волей, по единому общему плану»[1548]. Маркс тоже использует во многих местах «Капитала» эту мысленно предвосхищенную структуру, чтобы, с одной стороны, с ее помощью ярче осветить современность, а с другой – чтобы на этом контрасте яснее и полнее представить черты наступающего будущего.

[1546] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 295.

[1547] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 8.

[1548] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1966. Т. 39. С. 175. *Курсив мой – Д. Л.*

Принципиально важный для нас характер этого контраста состоит в том, что «в капиталистическом обществе <...> общественный рассудок всегда заявляет о себе только post festum»[1549] а именно, в случае феноменов, для которых после упразднения их капиталистической, овеществленной оболочки и редукции к лежащим в их основе истинным предметным отношениям достаточно простого предвидения. Ибо, как говорится в «Манифесте Коммунистической партии», – «в буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим,

В коммунистическом обществе – настоящее над прошлым» [1550]. И эту резкую, непреодолимую противоположность нельзя смягчить никаким «открытием» некоторых «тенденций» в капитализме, которые, по видимости, делали бы возможным его «перерастание». Данная противоположность неразрывно связана с сущностью капиталистического производства. Прошлое, господствующее над настоящим, – это и есть «post festum-сознание», в котором обнаруживается данный способ господства и которое является лишь мыслительным выражением основополагающего экономического состояния капиталистического, причем только капиталистического, общества. Речь идет об овеществленном выражении содержащейся в капиталистическом общественном отношении способности к расширению и обновлению через постоянный контакт с живым трудом. Однако ясно, «что господство продуктов прошлого труда над живым прибавочным трудом продолжается как раз лишь до того времени, пока сохраняется капиталистическое отношение, – определенное социальное отношение, при котором прошлый труд самостоятельно противостоит живому труду и подчиняет его себе»[1551].

Социальный смысл диктатуры пролетариата, социализация прежде всего означают не что иное, как изъятие у капиталистов этого господства прошлого труда над живым трудом. Но тем самым для *пролетариата* рассматриваемого как класс, *объективно устраняется его опредмеченное и ставшее самостоятельным противостояние собственному труду*. Поскольку пролетариат

[1549] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 24. С. 354.
[1550] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 439.
[1551] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. 1. С. 439.

принимает на себя командование одновременно над овеществленным и над живым трудом, постольку эта противоположность практически и объективно упраздняется. А вместе с этой противоположностью снимается и соответствующая ей в капиталистическом обществе противоположность прошлого и будущего. Теперь отношения прошлого с будущим должны структурно измениться. Сколь бы ни был длительным для пролетариата объективный процесс социализации и осознание измененного внутреннего отношения труда к его предметным формам (отношения прошлого к будущему), с наступлением диктатуры пролетариата совершился фундаментальный *поворот*. Речь идет о повороте, к которому *в рамках* буржуазного общества не может приблизиться никакая «социализация» как «эксперимент», никакая «плановая экономика» и т.д. Такого рода мероприятия суть в лучшем случае формы организационной концентрации *внутри* капиталистической системы, при которых фундаментальная связь экономической структуры, фундаментальное отношение сознания пролетарского класса к целому производственного процесса не претерпевают никакого изменения.

В отличие от этого, самая скромная и «хаотичная» социализация в смысле экспроприации, захвата власти ниспровергает *именно эту структуру* и тем самым объективно и серьезно настраивает развитие на исторический скачок. Вульгарные марксисты-экономисты постоянно забывают, – когда они пытаются посредством постепенных переходов ликвидировать этот скачок, – что капиталистическое отношение есть не просто производственно-техническое, «чисто» экономическое отношение (в трактовке буржуазной политэкономии), но в истинном смысле слова *социально-экономическое отношение*. Они упускают из виду, что «капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, – капиталиста на одной стороне, наемного рабочего – на другой»[1552]. Так что изменение общественного развития возможно только в форме, которая препятствует самовоспро-

[1552] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 591. *Курсив мой – Д. Л.*

изводству капиталистического отношения и придает самовоспроизводству общества иное, новое направление. Фундаментальная новизна этой структуры ничуть не меняется от того, что экономическая невозможность социализации мелкого предприятия воспроизводит капитализм и буржуазию «постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»[1553] От этого процесс становится, разумеется, намного сложнее и запутаннее, отношения сосуществующих социальных структур обостряются, но социальный смысл социализации, ее функции в процессе развития пролетарского сознания все же не претерпевают изменения. Именно правильное понимание фундаментального положения диалектического материализма – «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»[1554] – с необходимостью требует в момент революционного перелома практически серьезно воспринять категорию радикальной новизны, переворачивания экономической структуры, измененного направления процесса, то есть категорию скачка.

Ведь именно этот антагонизм между рассмотрением «post festum» и простым, истинным предвидением, между «ложным» и верным общественным сознанием обозначает точку, где скачок становится действенным в объективно-экономическом смысле. Данный скачок есть, разумеется, не одноразовый акт, который в мгновение ока и без всяких переходов осуществляет этот наиболее значительный переворот во всей прошлой истории человечества. Еще меньше этот скачок представляет собой – по схеме истекшего развития – одно только превращение медленного и постепенного количественного изменения в качественное. В этом случае предполагается, что «вечные законы» экономического развития производят свою работу за спинами людей, посредством своего рода «хитрости разума», а сам скачок означает не более чем осознание человечеством – post festum и, возможно, одним махом – уже достигнутого нового состояния. Однако на самом деле указанный скачок есть, скорее, более продолжительный и тяжелый процесс. Его качество как скачка выражается именно в том, что он каждый раз

[1553] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1981. Т. 41. С. 6.
[1554] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 7.

представляет собой *обращение* [Sichwenden] *к чему-то качественно новому*. В нем выражается сознательное действие, интенция которого направлена на познанное целое общества. Следовательно, процесс этот – в своей интенции и основе – родом из царства свободы. Обычно скачок включается по форме и содержанию в медленный процесс преобразования общества, он даже может только тогда по-настоящему сохранить свой характер скачка, когда он полностью входит в этот процесс и есть не более чем осознанный смысл каждого момента, его осознанное отношение к целому, сознательное ускорение процесса в нужном направлении. Имеется в виду ускорение, которое *только на шаг* опережает процесс и не стремится навязать ему чуждые цели и самодельные утопии. Это ускорение лишь обнажает внутренне присущие революционному процессу стремления, когда тот в страхе отшатывается от «смутной громады собственных целей» и грозит разрушиться в колебаниях и полумерах.

Скачок, таким образом, кажется полностью растворенным в процессе. Но «царство свободы» – это все же не дар милостивой судьбы, который человечество, изнемогающее в тисках необходимости, получает в награду за постоянство страдания. Это царство – не только цель, но и средство борьбы. И в этом проявляется принципиальная и качественная новизна ситуации: это первый в истории случай, когда человечество, благодаря классовому сознанию призванного к господству пролетариата, сознательно берет на себя руководство историей. «Необходимость» объективного хозяйственного процесса тем самым еще не упраздняется, но получает новую, другую функцию. До сих пор вопрос состоял в том, чтобы угадать неизбежно наступающее будущее по признакам объективного процесса развития, чтобы применить это будущее с выгодой для пролетариата, то есть до сих пор «необходимость» была позитивно ведущим элементом процесса. Теперь же она стала препятствием, с которым следует бороться. Шаг за шагом будет отступать она в процессе преобразования общества, чтобы затем, после долгих и тяжелых сражений, оказаться, в конце концов, окончательно побежденной. Ясное и беспощадное познание того, что действительно есть, что неизбежно должно свершиться, остается при всем том в силе, даже выступает решающей предпосылкой и самым эффективным оружием борьбы. Ибо любая недооценка силы, которой

еще обладает необходимость, низвела бы это преобразующее мир познание до пустой утопии и укрепила бы силы врага. Но познание тенденций экономической неизбежности не выполняет более функции ускорения этого ее процесса или добывания из него выгоды. Как раз напротив, цель здесь состоит в том, чтобы эффективно бороться с этим процессом, теснить его, а там, где это возможно, направлять его в другое русло или же – если (и насколько) это действительно необходимо – уклоняться от него.

Превращение, которое при этом осуществляется, означает преобразование экономики и обусловленную им перегруппировку классов. Однако у этой «экономики» нет более функции, свойственной любому докапиталистическому хозяйству: теперь экономика должна стать служанкой сознательно управляемого общества, должна утратить свою имманентность, свою внутреннюю закономерность, благодаря которой она, собственно, и становится экономикой. Одним словом, экономика должна быть упразднена как экономика. Эта тенденция выражается прежде всего в изменении связи экономики и насилия в переходный период. Ведь сколь бы ни было большим экономическое значение насилия при переходе к капитализму, экономика все же всегда оставалась там первичной; она использовала насилие только как вспомогательный принцип, расчищавший ей путь. Ныне же, напротив, насилие стоит на службе принципов, которые в любом прежнем обществе могли иметь место только как «надстройка», как момент, сопровождающий неизбежный экономический процесс и определяемый им. Ныне насилие стоит на службе человека и раскрытия его человеческой сущности. Часто говорилось и правильно говорилось: социализация есть вопрос власти [Machtfrage]. Вопрос насилия [Gewalt] превосходит здесь по значению экономический вопрос. Конечно, употребление власти, не считающееся с сопротивлением материала, есть безумие, и данное сопротивление здесь учитывается, но именно для того, чтобы его преодолеть, а не чтобы пойти у него на поводу. Тем самым кажется, будто насилие – голое, неприкрытое и явное насилие выходит на передний план происходящего в обществе. Однако это все же только видимость. Ведь насилие не есть самовластный принцип и не может быть таковым. И пролетарское насилие есть не что иное, как осознанная воля пролетариата

к упразднению самого себя и одновременно – господства овеществленных отношений над людьми и господства экономики над обществом.

Это упразднение, этот скачок есть процесс. И дело как раз состоит в том, чтобы никогда не упускать из виду его качество скачка и его сущность как процесса. Скачок состоит в неопосредствованном обращении к радикальной новизне сознательно упорядоченного общества, «экономика» которого подчинена человеку и его потребностям. Процессуальная сущность этого скачка проявляется в том факте, что впервые в истории совершается преодоление экономики как экономики, впервые реализуется тенденция к упразднению ее собственных законов как исключительного господства экономических содержаний над сознанием тех, кто осуществляет это упразднение. Причем это происходит не только потому, что падение производства в переходный период, большие, чем обычно, трудности, связанные с поддержанием аппарата и удовлетворением (какими бы скромными они ни были) потребностей людей, а также растущая крайняя нужда населения заставляют каждого задумываться о хозяйственных вопросах и проявлять заботу об экономике. Главная причина заключена в указанном функциональном изменении. Экономика как форма господства общества, как действительный мотор развития, который за спинами людей движет историю, должна была выражаться в их головах в неэкономических формах, «идеологически». Если принципы человеческого бытия намерены освободиться и впервые в истории взять в свои руки власть над человечеством, тогда на переднем плане этих намерений должны стоять объекты и средства борьбы, экономика и насилие, проблемы реальных этапных целей. Главным объектом интереса должно быть содержание последующего шага движения, а также шага уже реально сделанного или того, что обязательно предстоит сделать. Идеи, которые раньше назывались «идеологией» (и которые, правда, в главных своих моментах изменены), начинают превращаться теперь в реальные цели человечества. Именно поэтому становится, с одной стороны, излишним украшать ими ту экономическую и силовую борьбу, которая велась за эти идеи. С другой стороны, реальность и актуальность данных идей обнаруживается как раз в том, что весь интерес сосредоточивается сегодня на реальной борьбе за их воплощение: на экономике и насилии.

Поэтому отныне не должно казаться парадоксом, что указанный переход выступает периодом почти исключительно экономических интересов, эпохой открыто признаваемого и применяемого голого насилия. Экономика и насилие начали разыгрывать последний акт своего исторического действа, и видимость того, что они овладевают исторической сценой, не должна вводить нас в заблуждение относительно того, что это их последний выход в истории. «Первый акт, – пишет Энгельс, – в котором государство (как организованное насилие)[1555] действительно выступает как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества – является в то же время последним самостоятельным актом его как государства <...>. Оно отмирает <…>»[1556]. «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей»[1557]. То, что до сих пор сопровождало в качестве одной только «идеологии» принудительный ход человеческого развития, а также жизнь человека как человека в его отношениях к себе самому, к окружающим его людям и к природе, может стать отныне собственным содержанием жизни человечества. Тем самым совершается *общественное* рождение человека.

В переходный период, который ведет к этой цели и уже начинает осуществлять ее (хотя нам предстоит еще очень долгий и мучительный путь), исторический материализм будет неизменно и еще долгое время сохранять свое значение в качестве благороднейшего оружия пролетариата. Ибо преобладающая часть общества остается покоренной чисто капиталистическими производственными формами. И на тех немногих островках, где пролетариат достиг своего господства, речь может идти лишь о том, чтобы кропотливо, шаг за шагом, теснить капитализм и сознательно вызывать к жизни новый общественный порядок, который уже не выра-

[1555] Пояснение в скобках вставлено Д. Лукачем. – Прим. перев.
[1556] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 292.
[1557] Там же. С. 295.

жается в этих категориях. Но уже сам факт того, что борьба вступила в данную стадию, обнаруживает наряду с этим еще два очень важных функциональных изменения исторического материализма.

Во-первых, посредством материалистической диалектики следует показать, как должен быть пройден путь к сознательному контролю над производством и к овладению им, путь к свободе от принудительного воздействия опредмеченных общественных сил. Никакой самый тщательный и точный анализ прошлого не может дать нам на это удовлетворительный ответ; его даст только непредвзятое применение диалектического метода к данному, совершенно новому материалу. Во-вторых, до крайности обострившийся кризис капитализма (а каждый кризис представляет собой объективацию его самокритики) дает нам возможность с точки зрения этой его завершенной самокритики яснее и полнее, чем это было возможно до сих пор, выстроить исторический материализм как метод исследования «предыстории человечества». Одним словом, не только потому, что в ходе революционной борьбы нам еще долгое время надо будет мастерски обращаться с историческим материализмом, но и в силу самой его научной структуры нам необходимо сейчас использовать победу пролетариата, чтобы воздвигнуть для исторического материализма этот дом, эти мастерские.

Июнь 1919 г.

Приложение 3

Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме [1558]

Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии. Оно называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения явлений природы, его метод познания этих явлений является *диалектическим*, а его истолкование явлений природы, его понимание явлений природы, его теория – *материалистической*.

Исторический материализм есть распространение положений диалектического материализма на изучение общественной жизни, применение положений диалектического материализма к явлениям жизни общества, к изучению общества, к изучению истории общества.

Характеризуя свой диалектический метод, Маркс и Энгельс ссылаются обычно на Гегеля как на философа, сформулировавшего основные черты диалектики. Это, однако, не означает, что диалектика Маркса и Энгельса тождественна диалектике Гегеля. На самом деле Маркс и Энгельс взяли из диалектики Гегеля лишь ее «рациональное зерно», отбросив гегелевскую идеалистическую шелуху и развив диалектику дальше с тем, чтобы придать ей современный научный вид.

«Мой диалектический метод, – говорит Маркс, – в основе своей не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург (творец) действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (*К. Маркс*, Послесловие ко второму немецкому изданию 1-го тома «Капитала»).

Характеризуя свой материализм, Маркс и Энгельс ссылаются обычно на Фейербаха как на философа, восстановившего материализм в его правах. Однако это не означает, что материализм Маркса и Энгельса тождествен материализму Фейербаха. На самом деле Маркс и Энгельс взяли из материализма Фейербаха его «основное

[1558] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 253–282.

зерно», развив его дальше в научно-философскую теорию материализма и отбросив прочь его идеалистические и религиозно-этические наслоения. Известно, что Фейербах, будучи в основном материалистом, восставал против названия – материализм. Энгельс не раз заявлял, что Фейербах, «несмотря на материалистическую основу, еще не освободился от старых идеалистических пут», что «действительный идеализм Фейербаха выступает наружу тотчас же, как мы подходим к его этике и философии религии» (*К. Маркс и Ф. Энгельс,* т. XIV, с. 652–654).

Диалектика происходит от греческого слова «диалего», что значит вести беседу, вести полемику. Под диалектикой понимали в древности искусство добиться истины путем раскрытия противоречий в суждении противника и преодоления этих противоречий. В древности некоторые философы считали, что раскрытие противоречий в мышлении и столкновение противоположных мнений является лучшим средством обнаружения истины. Этот диалектический способ мышления, распространенный впоследствии на явления природы, превратился в диалектический метод познания природы, который рассматривал явления природы как вечно движущиеся – и изменяющиеся, а развитие природы – как результат развития противоречий в природе, как результат взаимодействия противоположных сил в природе.

В своей основе диалектика прямо противоположна метафизике.

1. *Марксистский диалектический метод* характеризуется следующими основными чертами:

а) в противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и не зависимых друг от друга, а как связное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обусловливают друг друга.

Поэтому диалектический метод считает, что ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями, ибо любое явление в любой области природы может быть превращено в бессмыслицу, если его рассматривать вне связи с окружающими условиями, в отрыве от них, и, наоборот, любое явление может быть понято и обос-

новано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений;

б) в противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как состояние покоя и неподвижности, застоя и неизменяемости, а как состояние непрерывного движения и изменения, непрерывного обновления и развития, где всегда что-то возникает и развивается, что-то разрушается и отживает свой век.

Поэтому диалектический метод требует, чтобы явления рассматривались не только с точки зрения их взаимной связи и обусловленности, но и с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания.

Для диалектического метода важно прежде всего не то, что кажется в данный момент прочным, но начинает уже отмирать, а то, что возникает и развивается, если даже выглядит оно в данный момент непрочным, ибо для него неодолимо только то, что возникает и развивается.

«Вся природа, – говорит Энгельс, – начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, начиная от песчинки и кончая солнцем, начиная от протиста (первичная живая клеточка. – *И. Ст.*) и кончая человеком, находится в вечном возникновении и уничтожении, в. непрерывном течении, в неустанном движении и изменении» (там же, с. 484).

Поэтому, говорит Энгельс, диалектика «берет вещи и их умственные отражения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении» (*К. Маркс и Ф. Энгельс,* т. XIV, с. 23);

в) в противоположность метафизике диалектика рассматривает процесс развития не как простой процесс роста, где количественные изменения не ведут к качественным изменениям, а как такое развитие, которое переходит от незначительных и скрытых количественных изменений к изменениям открытым, к изменениям коренным, к изменениям качественным, где качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, а виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию, наступают не случайно, а закономерно, наступают в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений.

Поэтому диалектический метод считает, что процесс развития следует понимать не как движение по кругу, не как простое повторение пройденного, а как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему.

«Природа, – говорит Энгельс, – есть пробный камень диалектики, и современное естествознание, представившее для этой пробы чрезвычайно богатый, с каждый днем увеличивающийся материал, тем самым доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически, что она движется не в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь прежде всего следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно, также и человек есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет» (там же, стр. 23).

Характеризуя диалектическое развитие как переход от количественных изменений к качественным изменениям, Энгельс говорит:

«В физике каждое изменение есть переход количества в качество – следствие количественного изменения, присущего телу или сообщенного ему количества движения какой-нибудь формы Так, например, температура воды не имеет на первых порах никакого значения по отношению к ее капельножидкому состоянию, но при увеличении или уменьшении температуры жидкой воды наступает момент, когда это состояние сцепления изменяется и вода превращается – в одном случае в пар, в другом – в лед. Так, необходим определенный минимум силы тока, чтобы платиновая проволока стала давать свет, так, у каждого металла имеется своя теплота плавления, так, у каждой жидкости имеется своя определенная, при данном давлении, точка замерзания и кипения – поскольку мы в состоянии при наших средствах добиться соответствующей температуры, так, наконец, у каждого газа имеется критическая точка, при которой соответствующим давлением и охлаждением можно превратить его в жидкое состояние. Так называемые константы физики (точки перехода от одного состояния в другое состояние – *И. Ст.*) суть большею частью не что иное, как название узловых

точек, где количественное (изменение) прибавление или убавление движения вызывает качественное изменение в состоянии соответствующего тела, – где, следовательно, количество переходит в качество» (там же, с. 527–528).

Переходя, далее, к химии, Энгельс продолжает:

«Химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава. Это знал уже сам Гегель. Возьмем кислород если в молекулу здесь соединяются три атома, а не два, как обыкновенно, то мы имеем перед собой озон – тело, определенно отличающееся своим запахом и действием от обыкновенного кислорода. А что сказать о различных пропорциях, в которых кислород соединяется с азотом или серой и из которых каждая дает тело, качественно отличное от всех других тел» (там же, с. 528).

Наконец, критикуя Дюринга, который бранит вовсю Гегеля и тут же втихомолку заимствует у него известное положение о том, что переход из царства бесчувственного мира в царство ощущения, из царства неорганического мира в царство органической жизни есть скачок в новое состояние, Энгельс говорит:

«Это ведь гегелевская узловая линия отношений меры, где чисто количественное увеличение или уменьшение вызывает в определенных узловых пунктах *качественный скачок*, как, например, в случае нагревания или охлаждения вода, где точки кипения и замерзания являются теми узлами, в которых совершается – при нормальном давлении – скачок в новое агрегатное состояние, где, следовательно, количество переходит в качество» (там же, с. 45–46);

г) в противоположность метафизике диалектика исходит из того, что предметам природы, явлениям природы свойственны внутренние противоречия, ибо все они имеют свою отрицательную и положительную сторону, свое прошлое и будущее, свое отживающее и развивающееся, что борьба этих противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные.

Поэтому диалектический метод считает, что процесс развития от низшего к высшему протекает не в порядке гармонического раз-

вертывания явлений, а в порядке раскрытия противоречий, свойственных предметам, явлениям, в порядке «борьбы» противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий.

«В собственном смысле диалектика, – говорит Ленин, – есть изучение противоречия *в самой сущности предметов»* (*Ленин*, «Философские тетради», с. 263).

И дальше:

«Развитие есть «борьба» противоположностей» (Ленин, т. XIII, с. 301).

Таковы коротко основные черты марксистского диалектического метода.

Нетрудно понять, какое громадное значение имеет распространение положений диалектического метода на изучение общественной жизни, на изучение истории общества, какое громадное значение имеет применение этих положений к истории общества, к практической деятельности партии пролетариата.

Если нет в мире изолированных явлений, если все явления связаны между собой и обусловливают друг друга, то ясно, что каждый общественный строй и каждое общественное движение в истории надо расценивать не с точки зрения «вечной справедливости» или другой какой-либо предвзятой идеи, как это делают нередко историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны.

Рабовладельческий строй для современных условий есть бессмыслица, противоестественная глупость. Рабовладельческий строй в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя есть вполне понятное и закономерное явление, так как он означает шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем.

Требование буржуазно-демократической республики в условиях существования царизма и буржуазного общества, скажем, в 1905 году в России было вполне понятным, правильным и революционным требованием, ибо буржуазная республика означала тогда шаг вперед. Требование буржуазно-демократической республики для наших нынешних условий в СССР есть бессмысленное и контрреволюционное требование, ибо буржуазная республика в сравнении с Советской республикой есть шаг назад.

Все зависит от условий, места и времени.

Понятно, что без такого *исторического* подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в груду нелепейших ошибок.

Дальше. Если мир находится в непрерывном движении и развитии, если отмирание старого и нарастание нового является законом развития, то ясно, что нет больше «незыблемых» общественных порядков, «вечных принципов» частной собственности и эксплуатации, «вечных идей» подчинения крестьян помещикам, рабочих – капиталистам.

Значит, капиталистический строй можно заменить социалистическим строем так же, как капиталистический строй заменил в свое время феодальный строй.

Значит, надо ориентироваться не на те слои общества, которые не развиваются больше, хотя и представляют в настоящий момент преобладающую силу, а на те слои, которые развиваются, имеют будущность, хотя и не представляют в настоящий момент преобладающей силы.

В восьмидесятых годах прошлого столетия, в эпоху борьбы марксистов с народниками, пролетариат в России представлял незначительное меньшинство в сравнении с единоличным крестьянством, составлявшим громадное большинство населения. Но пролетариат развивался как класс, тогда как крестьянство как класс распадалось. И именно потому, что пролетариат развивался как класс, марксисты ориентировались на пролетариат. И они не ошиблись, ибо, как известно, пролетариат вырос потом из незначительной силы в первостепенную историческую и политическую силу.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад.

Дальше. Если переход медленных количественных изменений в быстрые и внезапные качественные изменения составляет закон развития, то ясно, что революционные перевороты, совершаемые угнетенными классами, представляют совершенно естественное и неизбежное явление.

Значит, переход от капитализма к социализму и освобождение рабочего класса от капиталистического гнета может быть осуществлено не путем медленных изменений, не путем реформ, а

только лишь путем качественного изменения капиталистического строя, путем революции.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо быть революционером, а не реформистом.

Дальше. Если развитие происходит в порядке раскрытия внутренних противоречий, в порядке столкновений противоположных сил на базе этих противоречий с тем, чтобы преодолеть эти противоречия, то ясно, что классовая борьба пролетариата является совершенно естественным и неизбежным явлением.

Значит, нужно не замазывать противоречия капиталистических порядков, а вскрывать их и разматывать, не тушить классовую борьбу, а доводить ее до конца.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо проводить непримиримую классовую пролетарскую политику, а не реформистскую политику гармонии интересов пролетариата и буржуазии, а не соглашательскую политику «врастания» капитализма в социализм.

Так обстоит дело с марксистским диалектическим методом, если взять его в применении к общественной жизни, в применении к истории общества.

Что касается марксистского философского материализма, то в своей основе он прямо противоположен философскому идеализму.

2. *Марксистский философский материализм* характеризуется следующими основными чертами:

а) в противоположность идеализму, который считает мир воплощением «абсолютной идеи», «мирового духа», «сознания», философский материализм Маркса исходит из того, что мир по природе своей *материален*, что многообразные явления в мире представляют различные виды движущейся материи, что взаимная связь и взаимная обусловленность явлений, устанавливаемые диалектическим методом, представляют закономерности развития движущейся материи, что мир развивается по законам движения материи и не нуждается ни в каком «мировом духе».

«Материалистическое мировоззрение, – говорит Энгельс, – означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлении» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. XIV, с. 651).

Касаясь материалистического взгляда древнего философа Гераклита, по которому «мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем,

закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим», Ленин говорит «Очень хорошее изложение начал диалектического материализма» (*Ленин*, «Философские тетради», с. 318);

б) в противоположность идеализму, утверждающему, что реально существует лишь наше сознание; что материальный мир, бытие, природа существует лишь в нашем сознании, в наших ощущениях, представлениях, понятиях, марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие представляет объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания; что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вторично, производно, так как оно является отображением материи, отображением бытия; что мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени совершенства, а именно продукт мозга, а мозг – орган мышления; что нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку.

«Высший вопрос всей философии, – говорит Энгельс, – есть вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе… Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы… составили *идеалистический* лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам *материализма»* (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. I, с. 329).

И дальше:

«Вещественный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир… Наше сознание и мышление, каким бы сверхчувственным оно ни казалось, является продуктом вещественного, телесного органа, мозга. Материя не есть продукт духа, а дух сам есть лишь высший продукт материи» (там же, с. 322).

Касаясь вопроса о материи и мышлении, Маркс говорит:

«Нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит. Материя является субъектом всех изменений» (там же, с. 302).

Характеризуя марксистский философский материализм, Ленин говорит:

«Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта… Сознание… есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально-точное) его отражение» (*Ленин*, т. XIII, с. 266–267).

И дальше:

– «Материя есть то, что, действуя на наши органы чувства, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении… Материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое-вторичное» (там же, с. 119–120).

– «Картина мира есть картина того, как материя движется и как «материя мыслит» (там же, с. 288).

– «Мозг является органом мысли» (там же, с. 125);

в) в противоположность идеализму, который оспаривает возможность познания мира и его закономерностей, не верит в достоверность наших знаний, не признает объективной истины и считает, что мир полон «вещей в себе», которые не могут быть никогда познаны наукой, марксистский философский материализм исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы; что наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин; что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики.

Критикуя положение Канта и других идеалистов о непознаваемости мира и непознаваемых «вещах в себе» и отстаивая известное положение материализма о достоверности наших знаний, Энгельс пишет:

«Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе»

приходит конец. Химические вещества, образующиеся в телах животных и растений, оставались подобными «вещами в себе», пока органическая химия не стала приготовлять их одно за другим; тем самым «вещь в себе» превращалась в вещь для нас, как, например, ализарин, красящее вещество марены, которое мы теперь получаем не из корней марены, выращиваемой в поле, а гораздо дешевле и проще из каменноугольного дегтя. Солнечная система Коперника в течение трехсот лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но все-таки гипотезой. Когда же Леверрье, на основании данных этой системы, не только доказал, что должна существовать еще одна, неизвестная до тех пор, планета, но и определил посредством вычисления место, занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого Галле действительно нашел эту планету, система Коперника была доказана» (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. I, с. 330).

Обвиняя Богданова, Базарова, Юшкевича и других сторонников Маха в фидеизме (реакционная теория, дающая предпочтение вере перед наукой) и отстаивая известное положение материализма о том, что наши научные знания о закономерностях в природе являются достоверными, что законы науки представляют объективную истину, Ленин говорит:

«Современный фидеизм вовсе не отвергает науки; он отвергает только «чрезмерные претензии» науки, именно, претензию на объективную истину. Если существует объективная истина (как думают материалисты), если естествознание, отражая внешний мир в «опыте» человека, одно только способно давать нам объективную истину, то всякий фидеизм отвергается безусловно» (*Ленин*, т. XIII, с. 102).

Таковы коротко характерные черты марксистского философского материализма.

Легко понять, какое громадное значение имеет распространение положений философского материализма на изучение общественной жизни, на изучение истории общества, какое громадное значение имеет применение этих положений к истории общества, к практической деятельности партии пролетариата.

Если связь явлений природы и взаимная их обусловленность представляют закономерности развития природы, то из этого вытекает, что связь и взаимная обусловленность явлений общественной

жизни представляют также не случайное дело, а закономерности развития общества.

Значит, общественная жизнь, история общества перестает быть скоплением «случайностей», ибо история общества становится закономерным развитием общества, а изучение истории общества превращается в науку.

Значит, практическая деятельность партии пролетариата должна основываться не на добрых пожеланиях «выдающихся лиц», не на требованиях «разума», «всеобщей морали» и т.п., а на закономерностях развития общества, на изучении этих закономерностей.

Дальше. Если мир познаваем и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества также познаваемо, а данные науки о законах развития общества являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин.

Значит, наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения.

Значит, в своей практической деятельности партия пролетариата должна руководствоваться не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов.

Значит, социализм из мечты о лучшем будущем человечества превращается в науку.

Значит, связь науки и практической деятельности, связь теории и практики, их единство должно стать путеводной звездой партии пролетариата.

Дальше. Если природа, бытие, материальный мир является первичным, а сознание, мышление – вторичным, производным, если материальный мир представляет объективную реальность, существующую независимо от сознания людей, а сознание является отображением этой объективной реальности, то из этого следует, что материальная жизнь общества, его бытие также является первичным, а его духовная жизнь – вторичным, производным, что ма-

териальная жизнь общества есть объективная реальность, существующая независимо от воли людей, а духовная жизнь общества есть отражение этой объективной реальности, отражение бытия.

Значит, источник формирования духовной жизни общества, источник происхождения общественных идей, общественных теорий, политических взглядов, политических учреждений нужно искать не в самих идеях, теориях, взглядах, политических учреждениях, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п.

Значит, если в различные периоды истории общества наблюдаются различные общественные идеи, теории, взгляды, политические учреждения, если при рабовладельческом строе встречаем одни общественные идеи, теории, взгляды, политические учреждения, при феодализме – другие, при капитализме – третьи, то это объясняется не «природой», не «свойством» самих идей, теорий, взглядов, политических учреждений, а различными условиями материальной жизни общества в различные периоды общественного развития.

Каково бытие общества, каковы условия материальной жизни общества, таковы его идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения.

В связи с этим Маркс говорит:

«Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. I, с. 269).

Значит, чтобы не ошибиться в политике и не попасть в положение пустых мечтателей, партия пролетариата должна исходить в своей деятельности не из отвлеченных «принципов человеческого разума», а из конкретных условий материальной жизни общества как решающей силы общественного развития, не из добрых пожеланий «великих людей», а из реальных потребностей развития материальной жизни общества.

Падение утопистов, в том числе народников, анархистов, эсеров, объясняется, между прочим, тем, что они не признавали первенствующей роли условий материальной жизни общества в развитии общества и, впадая в идеализм, строили свою практическую деятельность не на основе потребностей развития материальной жизни общества, а независимо от них и вопреки им – строили на

основе «идеальных планов» и «всеобъемлющих проектов», оторванных от реальной жизни общества.

Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается в своей практической деятельности именно на потребности развития материальной жизни общества, никогда не отрываясь от реальной жизни общества.

Из слов Маркса, однако, не следует, что общественные идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения не имеют значения в жизни общества, что они не производят обратного воздействия на общественное бытие, на развитие материальных условий жизни общества. Мы говорили здесь пока что о *происхождении* общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений, об их *возникновении*, о том, что духовная жизнь общества является отражением условий его материальной жизни. Что касается *значения* общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений, что касается их *роли* в истории, то исторический материализм не только не отрицает, а, наоборот, подчеркивает их серьезную роль и значение в жизни общества, в истории общества.

Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества.

Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи. Но после того, как они возникли, они становятся серьезнейшей силой, облегчающей разрешение новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, облегчающей продвижение общества вперед. Здесь именно и сказывается величайшее организующее, мобилизующее и преобразующее значение новых идей, новых теорий, новых взглядов, новых политических учреждений. Новые общественные идеи и теории потому собственно и возникают, что они необходимы для общества, что без их организующей, мобилизующей и преобразующей

работы *невозможно* разрешение назревших задач развития материальной жизни общества. Возникнув на базе новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, новые общественные идеи и теории пробивают себе дорогу, становятся достоянием народных масс, мобилизуют их, организуют их против отживающих сил общества и облегчают, таким образом, свержение отживающих сил общества, тормозящих развитие материальной жизни общества.

Так общественные идеи, теории, политические учреждения, возникнув на базе назревших задач развития материальной жизни общества, развития общественного бытия, сами воздействуют потом на общественное бытие, на материальную жизнь общества, создавая условия, необходимый для того, чтобы довести до конца разрешение назревших задач материальной жизни общества и сделать возможным дальнейшее ее развитие. В связи с этим Маркс говорит:

«Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. I, с. 406).

Значит, чтобы иметь возможность воздействовать на условия материальной жизни общества и ускорить их развитие, ускорить их улучшение, партия пролетариата должна опереться на такую общественную теорию, на такую общественную идею, которая правильно отражает потребности развития материальной жизни общества и способна ввиду этого привести в движение широкие массы народа, способна мобилизовать их и организовать из них великую армию пролетарской партии, готовую разбить реакционные силы и проложить дорогу передовым силам общества.

Падение «экономистов» и меньшевиков объясняется, между прочим, тем, что они не признавали мобилизующей, организующей и преобразующей роли передовой теории, передовой идеи и, впадая в вульгарный материализм, сводили их роль почти к нулю, следовательно, обрекали партию на пассивность, на прозябание.

Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается на передовую теорию, правильно отражающую потребности развития материальной жизни общества, поднимает теорию на подобающую ей высоту и считает своей обязанностью использовать до дна ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу.

Так решает исторический материализм вопрос об отношении между общественным бытием и общественным сознанием, между условиями развития материальной жизни и развитием духовной жизни общества.

3. *Исторический материализм.*

Остается выяснить вопрос: что следует понимать с точки зрения исторического материализма под «условиями материальной жизни общества», которые определяют в конечном счете физиономию общества, его идеи, взгляды, политические учреждения и т.д.

В самом деле, что это за «условия материальной жизни общества», каковы их отличительные черты?

Несомненно, что в понятие «условия материальной жизни общества» входит прежде всего окружающая общество природа, географическая среда, которая является одним из необходимых и постоянных условий материальной жизни общества и, конечно, влияет на развитие общества. Какова роль географической среды в развитии общества? Не является ли географическая среда той главной силой, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя людей, переход от одного строя к другому?

Исторический материализм отвечает на этот вопрос отрицательно.

Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества, и она, конечно, влияет на развитие общества, – она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является *определяющим* влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды. На протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР сменились даже четыре общественных строя. Между тем за тот же период географические условия в Европе либо не изменились вовсе, либо изменились до того незначительно, что география отказывается даже говорить об этом. Оно и понятно. Для сколько-нибудь серьезных изменений географической среды требуются миллионы лет, тогда как даже для серьезнейших изменений общественного строя людей достаточно нескольких сотен или пары тысяч лет.

Но из этого следует, что географическая среда не может служить главной причиной, *определяющей* причиной общественного развития, ибо то, что остается почти неизменным в продолжение десятков тысяч лет, не может служить главной причиной развития того, что переживает коренные изменения в продолжение сотен лет.

Несомненно, далее, что рост народонаселения, та или иная плотность населения также входит в понятие «условия материальной жизни общества", ибо люди составляют необходимый элемент условий материальной жизни общества и без наличия известного минимума людей не может быть никакой материальной жизни общества. Не является ли рост народонаселения той главной силой, которая определяет характер общественного строя людей?

Исторический материализм отвечает на этот вопрос также отрицательно.

Конечно, рост народонаселения имеет влияние на развитие общества, облегчает или замедляет развитие общества, но он не может быть главной силой развития общества, и его влияние на развитие общества не может быть *определяющим* влиянием, так как сам по себе рост народонаселения не дает ключа для объяснения того, почему данный общественный строй сменяется именно таким-то новым строем, а не каким-нибудь другим, почему первобытно-общинный строй сменяется именно рабовладельческим строем, рабовладельческий строй – феодальным, феодальный – буржуазным, а не каким-либо другим строем.

Если бы рост народонаселения являлся определяющей силой общественного развития, более высокая плотность населения обязательно должна была бы вызвать к жизни соответственно более высокий тип общественного строя. На деле, однако, этого не наблюдается. Плотность населения в Китае в четыре раза выше, чем в США, однако США стоят выше с точки зрения общественного развития, чем Китай, ибо в Китае все еще господствует полуфеодальный строй, тогда как США давно уже достигли высшей стадии развития капитализма. Плотность населения в Бельгии в 19 раз выше, чем в США, и в 26 раз выше, чем в СССР, однако США стоят выше Бельгии с точки зрения общественного развития, а от СССР Бельгия отстала на целую историческую эпоху, ибо в Бельгии господствует капиталистический строй, тогда как СССР

уже покончил с капитализмом и установил у себя социалистический строй.

Но из этого следует, что рост народонаселения не является и не может являться главной силой развития общества, *определяющей* характер общественного строя, физиономию общества.

А. В чем же в таком случае состоит та главная сила в системе условий материальной жизни общества, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому?

Такой силой исторический материализм считает *способ добывания средств к жизни*, необходимых для существования людей, *способ производства материальных благ* – пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т.п., необходимых для того, чтобы общество могло жить и развиваться.

Чтобы жить, нужно иметь пищу, одежду, обувь, жилище, топливо и т.п., чтобы иметь эти материальные блага, нужно производить их, а чтобы производить их, нужно иметь орудия производства, при помощи которых люди производят пищу, одежду, обувь, жилища, топливо и т.п., нужно уметь производить эти орудия, нужно уметь пользоваться этими орудиями.

Орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, *люди*, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному *производственному опыту* и *навыкам к труду*, – все эти элементы вместе составляют *производительные силы* общества.

Но производительные силы составляют лишь одну сторону производства, одну сторону способа производства, выражающую отношение людей к предметам и силам природы, используемым для производства материальных благ. Другую сторону производства составляют отношения людей друг к другу в процессе производства, *производственные отношения* людей. Люди ведут борьбу с природой и используют природу для производства материальных благ не изолированно друг от друга, не в качестве оторванных друг от друга одиночек, а *сообща, группами, обществами*. Поэтому производство есть всегда и при всех условиях *общественное* производство. Осуществляя производство материальных благ, люди устанавливают между собой те или иные взаимные отношения

внутри производства, те или иные производственные отношения. Отношения эти могут быть отношениями сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, они могут быть отношениями господства и подчинения, они могут быть, наконец, переходными отношениями от одной формы производственных отношений к другой форме. Но какой бы характер ни носили производственные отношения, они составляют – всегда и при всех строях – такой же необходимый элемент производства, как и производительные силы общества.

«В производстве, – говорит Маркс, – люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. V, с. 429).

Следовательно, производство, способ производства охватывает как производительные силы общества, так и производственные отношения людей, являясь, таким образом, воплощением их единства в процессе производства материальных благ.

Б. Первая особенность производства состоит в том, что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития, причем изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, вызывают перестройку всего общественного и политического уклада. На различных ступенях развития люди пользуются различными способами производства, или, говоря грубее, ведут различный образ жизни. При первобытной общине существует один способ производства, при рабстве существует другой способ производства, при феодализме – третий способ производства и т. д. Сообразно с этим и общественный строй людей, их духовная жизнь, их взгляды, политические учреждения бывают различными.

Каков способ производства у общества, таково в основном и само общество, таковы его идеи и теории, политические взгляды и учреждения.

Или, говоря грубее: каков образ жизни людей, таков образ их мыслей.

Это означает, что история развития общества есть прежде всего история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей.

Значит, история общественного развития есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса и осуществляющих производство материальных благ, необходимых для существования общества.

Значит, историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна прежде всего заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов.

Значит, ключ к изучению законов истории общества нужно искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, практикуемом обществом в каждый данный исторический период, – в экономике общества.

Значит, первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества.

Значит, партия пролетариата, если она хочет быть действительной партией, должна овладеть прежде всего знанием законов развития производства, знанием законов экономического развития общества.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, партия пролетариата должна исходить как в построении своей программы, так и в своей практической деятельности прежде всего из законов развития производства, из законов экономического развития общества.

В. Вторая особенность производства состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего с изменений и развития орудий производства. Производительные силы являются, стало быть, наиболее подвижным и революционным элементом производства.

Сначала изменяются и развиваются производительные силы общества, а потом, *в зависимости* от этих изменений и *соответственно с ними* изменяются производственные отношения людей, экономические отношения людей. Это не значит, что производственные отношения не влияют на развитие производительных сил и последние не зависят от первых. Развиваясь в зависимости от развития производительных сил, производственные отношения в свою очередь воздействуют на развитие производительных сил, ускоряя его или замедляя. При этом необходимо отметить, что производственные отношения не могут слишком долго отставать от роста производительных сил и находиться с ним в противоречии, так как производительные силы могут развиваться в полной мере лишь в том случае, если производственные отношения соответствуют характеру, состоянию производительных сил и дают простор развитию производительных сил. Поэтому, как бы ни отставали производственные отношения от развития производительных сил, они должны – рано или поздно – прийти в соответствие и действительно приходят в соответствие с уровнем развития производительных сил, с характером производительных сил. В противном случае мы имели бы коренное нарушение единства производительных сил и производственных отношений в системе производства, разрыв производства в целом, кризис производства, разрушение производительных сил.

Примером несоответствия производственных отношений характеру производительных сил, примером конфликта между ними являются экономические кризисы в капиталистических странах, где частнокапиталистическая собственность на средства производства находится в вопиющем несоответствии с общественным характером процесса производства, с характером производительных сил. Результатом этого несоответствия являются экономические кризисы, ведущие к разрушению производительных сил, причем само это несоответствие представляет экономическую основу социальной революции, назначение которой состоит в том, чтобы разрушить нынешние производственные отношения и создать новые, соответствующие характеру производительных сил.

И наоборот, примером полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил является социалисти-

ческое народное хозяйство в СССР, где общественная собственность на средства производства находится в полном соответствии с общественным характером процесса производства и где ввиду этого нет ни экономических кризисов, ни разрушения производительных сил.

Следовательно, производительные силы являются не только наиболее подвижным и революционным элементом производства. Они являются вместе с тем определяющим элементом развития производства.

Каковы производительные силы, таковыми должны быть и производственные отношения.

Если состояние производительных сил отвечает на вопрос о том, какими орудиями производства производят люди необходимые для них материальные блага, то состояние производственных отношений отвечает уже на другой вопрос: в чьем владении находятся *средства производства* (земля, леса, воды, недра, сырые материалы, орудия производства, производственные здания, средства сообщения и связи и т.п.), в чьем распоряжении находятся средства производства, в распоряжении всего общества или в распоряжении отдельных лиц, групп, классов, использующих их для эксплуатации других лиц, групп, классов.

Вот схематическая картина развития производительных сил от древних времен до наших дней. Переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам и в связи с этим переход от охотничьего образа жизни к приручению животных и первобытному скотоводству; переход от каменных орудий к металлическим орудиям (железный топор, соха с железным лемехом и т.п.) и, соответственно с этим, переход к возделыванию растений и к земледелию; дальнейшее улучшение металлических орудий обработки материалов, переход к кузнечному меху, переход к гончарному производству и, соответственно с этим, развитие ремесла, отделение ремесла от земледелия, развитие самостоятельного ремесленного и потом мануфактурного производства; переход от ремесленных орудий производства к машине и превращение ремесленно-мануфактурного производства в машинную промышленность; переход к системе машин и появление современной крупной машинизированной промышленности – такова общая, далеко не полная картина развития

производительных сил общества на протяжении истории человечества. При этом понятно, что развитие и улучшение орудий производства осуществлялось людьми, имеющими отношение к производству, а не независимо от людей, – следовательно, вместе с изменением и развитием орудий производства изменялись и развивались люди как важнейший элемент производительных сил, изменялись и развивались их производственный опыт, их навыки к труду, их умение пользоваться орудиями производства.

В соответствии с изменением и развитием производительных сил общества на протяжении истории изменялись и развивались производственные отношения людей, их экономические отношения.

Истории известны пять *основных типов* производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический.

При первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов.

При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства – раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину. Такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период. Вместо каменных орудий теперь люди имели в своем распоряжении металлические орудия, вместо нищенского и примитивного охотничьего хозяйства, не знавшего

ни скотоводства, ни земледелия, появились скотоводство, земледелие, ремесла, разделение труда между этими отраслями производства, появилась возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами, возможность накопления богатства в руках немногих, действительное накопление средств производства в руках меньшинства, возможность подчинения большинства меньшинством и превращения членов большинства в рабов. Здесь нет уже общего и свободного труда всех членов общества в процессе производства, – здесь господствует принудительный труд рабов, эксплуатируемых нетрудящимися рабовладельцами. Нет поэтому и общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Ее заменяет частная собственность. Здесь рабовладелец является первым и основным полноценным собственником.

Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними – такова картина рабовладельческого строя.

При феодальном основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства – крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде. Такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительные сил в этот период. Дальнейшее улучшение плавки и обработки железа; распространение железного плуга и ткацкого станка; дальнейшее развитие земледелия, огородничества, виноделия, маслоделия; появление наряду с ремесленными мастерскими мануфактурных предприятий – таковы характерные черты состояния производительных сил.

Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и наклонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба как не заинтересованного в труде и совершенно неинициативного работника и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того,

чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая.

Частная собственность получает здесь дальнейшее развитие. Эксплуатация почти такая же жестокая, как при рабстве, – она только несколько смягчена. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя.

При капиталистическом строе основой производственных отношений является капиталистическая собственность на средства производства при отсутствии собственности на работников производства – наемных рабочих, которых капиталист не может ни убить, ни продать, ибо они свободны от личной зависимости, но которые лишены средств производства и, чтобы не умереть с голоду, вынуждены продавать свою рабочую силу капиталисту и нести на шее ярмо эксплуатации. Наряду с капиталистической собственностью на средства производства существует и имеет на первое время широкое распространение частная собственность освобожденных от крепостной зависимости крестьянина и ремесленника на средства производства, основанная на личном труде. Вместо ремесленных мастерских и мануфактурных предприятий появились громадные фабрики и заводы, вооруженные машинами. Вместо дворянских поместий, обрабатываемых примитивными крестьянскими орудиями производства, появились крупные капиталистические экономии, ведущиеся на основе агротехники и снабженные сельскохозяйственными машинами.

Новые производительные силы требуют, чтобы работники производства были более культурными и понятливыми, чем забитые и темные крепостные, способными понять машину и правильно обращаться с ней. Поэтому капиталисты предпочитают иметь дело со свободными от крепостных уз наемными рабочими, достаточно культурными для того, чтобы правильно обращаться с машинами.

Но, развив до колоссальных размеров производительные силы, капитализм запутался в неразрешимых для него противоречиях. Производя все больше и больше товаров и снижая цены на товары, капитализм обостряет конкуренцию, разоряет массу мелких и средних частных собственников, обращает их в пролетариев и понижает их покупательную способность, ввиду чего сбыт произведенных товаров становится невозможным. Расширяя же производство

и собирая на громадных фабриках и заводах миллионы рабочих, капитализм придает процессу производства общественный характер и подрывает тем самым свою собственную базу, так как общественный характер процесса производства требует общественной собственности на средства производства, между тем как собственность на средства производства остается частнокапиталистической, несовместимой с общественным характером процесса производства.

Эти непримиримые противоречия между характером производительных сил и производственными отношениями дают знать о себе в периодических кризисах перепроизводства, когда капиталисты, не находя платежеспособного спроса ввиду ими же учиненного разорения массы населения, вынуждены сжигать продукты, уничтожать готовые товары, приостанавливать производство, разрушать производительные силы, когда миллионы населения вынуждены терпеть безработицу и голод не из-за того, что товаров не хватает, а из-за того, что товаров произведено слишком много.

Это значит, что капиталистические производственные отношения перестали соответствовать состоянию производительных сил общества и стали в непримиримое противоречие с ними.

Это значит, что капитализм чреват революцией, призванной заменить нынешнюю капиталистическую собственность на средства производства социалистической собственностью.

Это значит, что острейшая классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту капиталистического строя.

При социалистическом строе, который осуществлен пока что только в СССР, основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Здесь уже нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Произведенные продукты распределяются по труду согласно принципу: «кто не работает, тот не ест». Взаимные отношения людей в процессе производства характеризуются здесь как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Здесь производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства.

Поэтому социалистическое производство в СССР не знает периодических кризисов перепроизводства и связанных с ними нелепостей.

Поэтому производительные силы развиваются здесь ускоренным темпом, так как соответствующие им производственные отношения дают им полный простор для такого развития.

Такова картина развития производственных отношений людей на протяжении истории человечества.

Такова зависимость развития производственных отношений от развития производительных сил общества, прежде всего от развития орудий производства, в силу которой изменения и развитие производительных сил приводят рано или поздно к соответствующим изменениям и развитию производственных отношений.

«Употребление и создание средств труда, – говорит Маркс (под «средствами труда» Маркс понимает главным образом орудия производства. – *И. Ст.*), – хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека, как животное, делающее орудия. Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится… Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» (*К. Маркс*, «Капитал», т. I, с. 121, издание 1935 года).

И дальше:

– «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способ обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном (феодалом. – *И. Ст.*) во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. V, с. 364).

– «Непрерывно совершается движение роста производительных сил, разрушение общественных отношений, возникновение идей, неподвижна лишь абстракция движения» (там же, с. 364).

Характеризуя исторический материализм, формулированный в «Манифесте Коммунистической партии», Энгельс говорит:

«Экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории… В соответствии с этим, со времени разложения первобытного общинного землевладения вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития... Теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободить от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы…» *(Предисловие Энгельса к немецкому изданию «Манифеста»);*

г) третья особенность производства состоит в том, что возник-новение новых производительных сил и соответствующих им про-изводственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя, происходит не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей. Оно происходит стихийно и независимо от воли лю-дей по двум причинам.

Во-первых, потому, что люди не свободны в выборе того или иного способа производства, ибо каждое новое поколение, вступая в жизнь, застает уже готовые производительные силы и производственные отношения как результат работы прошлых поколений, ввиду чего оно должно принять на первое время все то, что застает в готовом виде в области производства, и приладиться к ним, чтобы получить возможность производить материальные блага.

Во-вторых, потому, что, улучшая то или иное орудие производства, тот или иной элемент производительных сил, люди не сознают, не понимают и не задумываются над тем, к каким *общественным* результатам должны привести эти улучшения, а думают лишь о своих будничных интересах, о том, чтобы облегчить свой

труд и добиться какой-либо непосредственной, осязательной выгоды для себя.

Когда некоторые члены первобытно-общинного общества постепенно и ощупью переходили от каменных орудий к железным орудиям, они, конечно, не знали и не задумывались над тем, к каким *общественным* результатам приведет это новшество, они не понимали и не сознавали того, что переход к металлическим орудиям означает переворот в производстве, что он приведет в конце концов к рабовладельческому строю, – они просто хотели облегчить свой труд и добиться ближайшей, ощутимой выгоды, их сознательная деятельность ограничивалась узкими рамками этой будничной личной выгоды.

Когда в период феодального строя молодая буржуазия Европы рядом с мелкими цеховыми мастерскими стала строить крупные мануфактурные предприятия, и двигала, таким образом, вперед производительные силы общества, она, конечно, не знала и не задумывалась над тем, к каким *общественным* последствиям приведет это новшество, она не сознавала и не понимала, что это «маленькое» новшество приведет к такой перегруппировке общественных сил, которая должна кончиться революцией и против королевской власти, милости которой она так высоко ценила, и против дворян, в ряды которых нередко мечтали попасть ее лучшие представители, – она просто хотела удешевить производство товаров, выбросить побольше товаров на рынки Азии и только что открытой Америки и получить побольше прибыли, ее сознательная деятельность ограничивалась узкими рамками этой будничной практики.

Когда русские капиталисты совместно с иностранными капиталистами усиленно насаждали в России современную крупную машинизированную промышленность, оставляя царизм нетронутым и отдавая крестьян на съедение помещикам, они, конечно, не знали и не задумывались над тем, к каким *общественным* последствиям приведет этот серьезный рост производительных сил, они не сознавали и не понимали, что этот серьезный скачок в области производительных сил общества приведет к такой перегруппировке общественных сил, которая даст возможность пролетариату соединить с собой крестьянство и совершить победоносную социалистическую революцию, – они просто хотели расширить до крайности промышленное производство, овладеть колоссальным внутренним

рынком, стать монополистами и выкачать из народного хозяйства прибыли, их сознательная деятельность не шла дальше их будничных узкопрактических интересов.

В соответствии с этим Маркс говорит:

«В общественном производстве своей жизни (то есть в производстве материальных благ, необходимых для жизни людей. – *И. Ст.*) люди вступают в определенные, необходимые, от их воли *не зависящие* (курсив мой. – *И. Ст.*) отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. I, с. 269).

Это, однако, не значит, что изменения производственных отношений и переход от старых производственных отношений к новым протекает гладко, без конфликтов, без потрясений. Наоборот, такой переход происходит обычно путем революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых. До известного периода развитие производительных сил и изменения в области производственных отношений протекают стихийно, независимо от воли людей. Но это только до известного момента – до момента, пока возникшие и развивающиеся производительные силы успеют как следует созреть. После того, как новые производительные силы созрели, существующие производственные отношения и их носители – господствующие классы превращаются в ту «непреодолимую» преграду, которую можно снять с дороги лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции. Здесь особенно ярко выступает *громадная роль* новых общественных идей, новых политических учреждений, новой политической власти, призванных упразднить силой старые производственные отношения. На основе конфликта между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, на основе новых экономических потребностей общества возникают новые общественные идеи, новые идеи организуют и мобилизуют массы, массы сплачиваются в новую политическую армию, создают новую революционную власть и используют ее для того, чтобы упразднить силой старые порядки в области производственных отношений и утвердить новые порядки. Стихийный процесс развития уступает

место сознательной деятельности людей, мирное развитие – насильственному перевороту, эволюция – революции.

«Пролетариат, – говорит Маркс, – в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс… путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения» («Манифест Коммунистической партии», издание 1938 года, с. 52).

И дальше:

– «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» (там же, с. 50).

– «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» (*К. Маркс*, «Капитал», т. I, с. 603, 1935 год).

Вот гениальная формулировка существа исторического материализма, данная Марксом в 1859 году в историческом «предисловии» к его знаменитой книге «К критике политической экономии»:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением этого – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции.

С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления» (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. I, с. 269–270).

Так обстоит дело с марксистским материализмом, если взять его в применении к общественной жизни, в применении к истории общества.

Таковы основные черты диалектического и исторического материализма.

Правда. 12 сентября 1938 года

Для заметок

Учебное издание

Тюгашев Евгений Александрович

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Учебное пособие для
марксистских кружков (базовый уровень)

Чебоксары, 2023 г.

Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*
Дизайн обложки *Н. В. Фирсова*

Подписано в печать 21.09.2023 г.
Дата выхода издания в свет 28.09.2023 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 19,53. Заказ К-1186. Тираж 500 экз.

Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
8 800 775 09 02
info@interactive-plus.ru
www.interactive-plus.ru

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru

Обложка была создана
с помощью ресурсов ru.freepik.com/vecstock